

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
IV Всероссийской научной конференции
с международным участием

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
Историко-географический факультет
Кафедра археологии, этнографии и региональной истории

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
IV Всероссийской научной конференции
(Чебоксары, 21 ноября 2025 г.)

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2025

УДК 902/904(082)
ББК 94.3я43
А43

Рецензенты: **Михайлова Елизавета Михайловна**, д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой Чебоксарского кооперативного института (филиала) АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»

Матвеев Георгий Борисович, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник исторического направления БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Редакционная коллегия:

Таймасов Леонид Александрович, д-р ист. наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Вязова Ольга Георгиевна, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Петров Николай Аркадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой археологии, этнографии и региональной истории, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

А43 **Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории :** сборник материалов IV Всеросс. науч. конф. (Чебоксары, 21 нояб. 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – 200 с.

ISBN 978-5-908083-24-9

В сборнике представлены статьи участников IV Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории». Исследования посвящены актуальным вопросам исторической науки. Предназначен для этнографов, историков, нумизматов, археологов, краеведов, студентов гуманитарных специальностей, а также широкого круга читателей.

УДК 902/904(082)
ББК 94.3я43

ISBN 978-5-908083-24-9
DOI 10.31483/a-10784

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2025
© Издательский дом «Среда», 2025

Предисловие

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова» представляет сборник материалов по итогам IV Всероссийской научной конференции **«Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории»**.

В сборнике представлены статьи участников IV Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории». Исследования посвящены актуальным вопросам исторической науки. Предназначен для этнографов, историков, нумизматов, археологов, краеведов, студентов гуманитарных специальностей, а также широкого круга читателей.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Актуальные вопросы современной этнографии.
2. Социально-экономическое развитие и культура народов Волго-Уралья.
3. Исторические исследования.
4. Исторический поиск и региональная экология.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Казань, Краснодар, Магас, Петропавловск-Камчатский, Пятигорск, Тула, Ульяновск, Чебоксары) России.

Среди образовательных учреждений выделяются университеты и институты России (Дальневосточный федеральный университет, Ингушский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Камчатский государственный технический университет, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Кубанский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский гуманитарный университет, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Пятигорский государственный университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Санкт-Петербургский государственный университет, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Университет прокуратуры Российской Федерации, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, аспиранты, магистранты, студенты, преподаватели, учителя школ.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, публикацию в сборнике материалов по итогам IV Всероссийской научной конференции **«Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории»**, содержание которого не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

канд. ист.наук, доцент
заведующий кафедрой археологии,
этнографии и региональной истории
историко-географического факультета
ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
Н.А. Петров

ОГЛАВЛЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

<i>Вязова О.Г., Василенко О.В.</i> Воспоминания Степана Семеновича Стафика как источник по изучению быта чувашской деревни первых десятилетий XX века.....	8
<i>Дмитриева И.В., Петров Н.А.</i> Положение «ват хёр» («ватӑ хёр») в традиционной культуре чувашей во второй половине XIX – начале XX в.	12
<i>Никифорова З.А.</i> О межэтническом диалоге: примеры из истории одной семьи.....	16
<i>Таймасов Л.А.</i> Из путевых заметок: поездка в селения Цивильского округа	19
<i>Федулов М.И.</i> Этнографический потенциал музейных коллекций присурских районов Чувашской Республики	24
<i>Щанкина Л.Н.</i> Похоронно-поминальные обряды мордвы Тюменской области	28

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

<i>Агеева Н.Н., Сорокина А.А.</i> Деятельность Паломнического отдела Чувашской Митрополии по развитию паломничества в Чувашии.....	31
<i>Гаврилов А.О., Гаврилов О.Е.</i> Сведения о культуре народов Поволжья в действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии	35
<i>Григорьев А.Д.</i> Изменения налоговой политики в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны.	38
<i>Казимиров М.С.</i> Возрождение православия в Алатырском районе Чувашии в конце XX – начале XXI в.	43
<i>Ласточкин В.Б.</i> Трансформация образа жизни многонационального народа Советской Чувашии на раннем этапе социалистических преобразований (1920–1941 гг.).....	49
<i>Обжогина Н.Ю.</i> Сохранение исторической памяти русского народа в эскизах и акварелях Ф.Г. Солнцева	54

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Балковая В.Г.</i> Роль Государственного Гимна Российской Федерации в патриотическом воспитании обучающихся	59
<i>Вязова О.Г., Павлова А.А.</i> Музейная сеть Чувашской Республики в XXI веке.....	64
<i>Евдокимова А.Н.</i> Состав обучающихся в казанской духовной академии во второй половине XIX века.....	69
<i>Иванова И.Н.</i> Иван Яковлевич Яковлев и Тораевская школа	73

Иванова Т.Н. Князь А.И. Васильчиков и дискуссия о роли общины в российской истории	78
Инков А.А. Русско-половецкие отношения в освещении новгородских летописей XIV–XVII вв.	82
Кодыбайкин С.Н. К вопросу о факторах взаимообусловленности крестьянских промыслов чувашской деревни и модернизационных процессов в Чувашском крае в условиях второй половины XIX – начала XX в.	89
Колесов М.А., Джумагулова А.Т. Социально-экономическая трансформация Северного Причерноморья в XVIII – начале XIX в. в российском цивилизационном пространстве	97
Котиев А.М. Общественно-политическое развитие Республики Ингушетия в 1990-е годы	100
Крысин Д.А. Первый шаг межпарламентского сотрудничества Госсовета Чувашии первого созыва	105
Логачев А.И. Криминальное средневековье: «салическая правда» о кражах.....	109
Матюнина И.А. Развитие отрасли культуры и информационно-коммуникационной среды Чувашской Республики в 2005–2006 гг.: историко-аналитический обзор.....	112
Михайлов В.М. Трак ен – край трех великих богатырей: Уби Батыр, Бибарса и Пайдула (к 90-летию Красноармейского муниципального округа Чувашской Республики).....	115
Платова Е.Э. Железные дороги России – новый образ жизни	120
Раскин Д.И. Попытки модернизации министерской системы управления в Российской Империи во 2-й половине XIX – начале XX в.	125
Сафин В.Р. Ульяновский автомобильный завод: из истории становления и развития.....	132
Симинченко О.И. С.Н. Гербель как посредник на переговорах П.Д. Святополк-Мирского с представителями либеральной общественности осенью 1904 г.	135
Симонова О.Ю. Развитие Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Комсомольская правда»).....	140
Тюнтеров О.С. Эпистолярные источники о просветителе И.Я. Яковлеве из собрания Чувашского государственного института гуманитарных наук	146

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОИСК И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

<i>Алексеев И.Е., Алексеева Л.И.</i> Нумизматические свидетельства завоевательного похода 1356 года золотоордынского хана Джанибека на Хулагуидский Иран: новые сведения о находках на территории Татарстана и Кировской области джучидских монет чеканки Тебриза (из частных коллекций)	152
<i>Бугарчев А.И., Купцов А.Е.</i> Дирхамы Булгара и реформа хана Узбека 1330 г.	160
<i>Голованева А.Е., Шуликов А.О.</i> Социальные механизмы государственного регулирования природоохранной деятельности.....	165
<i>Жукевич В.Г., Соломко И.С., Терещенко О.В.</i> Пространственно-временные перспективы и дискурсивные основы формирования казачества в русской исторической традиции	169
<i>Кязумов Т.Э.</i> Особенности изучения диссидентского движения на фоне истории СССР в 1950–1980-е гг.	175
<i>Лупова Л.Н.</i> Формы научно-исследовательской работы студентов в высших учебных заведениях Чувашии в начале 1990-х гг.	180
<i>Рожков И.А.</i> Реформы и контрреформы: почему модернизация в России часто встречает сопротивление?	185
<i>Семенова С.Н., Григорьев В.А., Семенова А.Н.</i> Влияние рекреационной нагрузки на физические характеристики почвы в заказниках Апшеронского района	188
<i>Семенова С.Н., Донскова О.К., Стаценко В.И.</i> Характеристика современного состояния экологического каркаса г. Горячий Ключ (Краснодарский край) и перспективы его развития	193
<i>Филатов М.В.</i> Институциональное развитие археологической науки в России во второй половине XIX – начале XX века	197

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

Василенко Оксана Витальевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОСПОМИНАНИЯ СТЕПАНА СЕМЕНОВИЧА СТАФИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ БЫТА ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА

Аннотация: в статье анализируется уникальный исторический источник – воспоминания Степана Семеновича Стафика «Моя родословная и мои похождения в жизни», представляющий ценные сведения о быте чувашской деревни первых десятилетий XX века. Автор подробно описывает повседневную жизнь крестьянского хозяйства, семейные традиции, сельскохозяйственные работы, народные обычаи и социальные отношения в период перехода от традиционного уклада к изменениям послереформенного времени. Материал содержит уникальные свидетельства о материальной культуре (жильё, утварь, одежда), трудовых процессах и общинном устройстве чувашского села, дополняя архивные данные личным опытом очевидца.

Ключевые слова: Степан Семенович Стафик, курная изба, холст, вышивка, помощи, праздник урожая, лесные промыслы, святки (колядование), пасха, масленица, пища, чувашская свадьба, самосуд.

Обращение к неопубликованным материалам, касающимся этнографии и истории чувашского народа собранным жителями различных районов нашей республики, на наш взгляд, представляет научный и практический интерес, так как позволяет увидеть региональные особенности, бытование и сохранение многих традиционных элементов чувашской культуры, отмеченных исследователями этнографии чувашского народа. К числу таких материалов можно отнести воспоминания Степана Семеновича Стафика «Моя родословная и мои похождения в жизни». Общая характеристика этого источника нами была дана в нашей статье «Воспоминания Степана Семеновича Стафика «Моя родословная и мои похождения в жизни» – как исторический источник» [1, с. 202–208], поэтому в данной работе мы сосредоточимся на сведениях, включённых в воспоминаниях С.С. Стафика о быте чувашской деревни первых десятилетий XX века, в первую очередь – на сведениях касательно традиционной культуры чувашей. Эти сведения можно разделить на несколько блоков. Первый блок связан с материальной культурой – одежда, жилые и

хозяйственные постройки, хозяйственная деятельность, пища. Во второй блок можно объединить сведения, касающиеся традиционных обрядов, праздников, особенностей общественного быта.

Степан Семенович подчёркивал, что «чувашки нашей области (С.С. Стафик родился в 1909 г. в д. Синькасы Шумерлинского в настоящее время муниципального округа Чувашии) одевались только в белое и обязательно вышитое. Из девушек ценились те, которые могли хорошо вышивать и красиво одеваться» [2, с. 4]. «Изготавливать холст у нас было самым важным занятием женщин в течение всей зимы. Весной по последнему снегу его отбеливали под солнцем. Очень много было случаев, когда не честные люди крали холст ночью, иногда такие воришки попадались и бывали сильно наказаны. Приятно было весной в деревне, когда высушенные холсты девушки колотил (утюжили) коллективно. По три пары девушек колотили колотушками по свёртку холста и друг друга не задевали. В это время гудела вся деревня от дробы колотающих девчат [2, с. 17].

«Жили мы, – сообщает автор – в новой избе, крытой тёсом, которая топилась уже по белому, но сохранялась и курная изба без трубы. Когда топили избу, малыши садились или ложились на скамейки, кровати, укрывались шубами и одеялами и выжидали, когда кончится уходить дым. Он уходил через отдушины в стене, в приоткрытую дверь очень медленно, расстилался над детьми, из-за чего слезились глаза, все чихали, но терпели. Стены и потолок такой избы были так закопчены, что будто были вымазаны смолой, пол был деревянный, не крашенный и всегда чистый с белыми досками, их скоблили и мыли золой. Впоследствии в «чёрной избе» держали только ягнят и телят зимой» [2, с. 6].

Очень рано деревенские дети начинали трудовую деятельность. Уже в семь лет автор ходил на жатву урожая. В первое десятилетие XX в. сельскохозяйственное производство осуществлялось традиционным способом. Жали серпами, сухие снопы отвозили на гумно, где потом молотили. Яровые обычно мяли лошадьми, ведя вокруг врытого на гумне столба, а озимые молотили цепями, становясь по 4–8 человек друг против друга, выбивая такую дробь, как музыку, у каждого удар получался на отдельный участок снопа и друг друга не задевали [2, с. 7]. Продолжала существовать коллективная взаимная помощь, только автор использует при ее описании русское слово – «помощи», а не чувашский термин – ниме. «Вообще, очень много помогали друг другу, работая вместе по 2–3 семьи. По окончании обмолота урожая как у себя, так и там, где помогали соседям, устраивали праздники урожая (аван яшки) с хорошим угощением и обязательно с петушиным супом (автан яшки)» [2, с. 7].

Деревня Синьксы, в которой родился и вырос С.С. Стафик, находилась на окраине большого лесного массива, простирающегося от Волги до Суры, включая Ибреси и Алатырь, поэтому важную роль в хозяйственной жизни селян играли занятия, связанные с лесом. Лес обеспечивал дополнительным заработком и пропитанием. Заготавливали лес на продажу, а также клёпку для паркета или бочек, из коры-лыка липы плели шляпы и лапти, ткали циновки, изготавливали кошельки, маленькие сумочки, из ивовых прутьев делали корзины для сбора картофеля и яблок, собирали грибы, орехи, ягоды, жёлуди для корма скоту, охотились. Интересно охотились и в тоже время защищали деревню от медведей. «Делали

плетённую высокую ограду, многостенную, её устраивали спирально, был один вход, выхода не было, стена от стены были так близки, что даже дети еле проходили. В конечный виток ограды клали приманку, туда за едой заходили медведи и застревали» [2, с. 6, 19].

Описывая пищу, Степан Семенович отмечал: «Я никогда не забуду, как в чувашской отсталой деревне наша мама всегда к обеду подавала чеснок, перец и другие пряности, пекли блины – овсяные, гречишные, очень часто употребляли в пищу плоды калины, которые запекали в тыкве, заправляя гречневой крупой, варили овсяной кисель, уже после Октябрьской революции стали выращивать помидоры. Сначала их ели неохотно и с солью, а потом так привыкли, что не могли без них обходиться. Летом почти не пили воду, а пили пахту» [2, с. 15].

В воспоминаниях мы находим описание праздничной обрядности, свойственной району проживания автора. Интересно, что все обряды, включённые в работу, связывались с христианскими традициями. Так, Степан Семенович сообщает: «По старому обычаю молодёжь в рождество устраивала увеселительный вечер, парни и девушки варили пиво, детей и подростков посылали подворно собирать продукты. Во время обхода деревни в домах разбрасывали горох, хозяевам желали, чтобы хорошо плодились овцы. Особенно много гороха кидали в тех домах, где давали больше продуктов, и где на посиделках бывали приезжие девушки из других деревень. Потом в караульном помещении организовывали варку супа, каши, готовили картофельное пюре и угощали всех, начиная с малышей, парни и девушки гуляли до утра. Проводили также святки (колядование), молодёжь наряжалась, кто во что был горазд: солдат, страшных зверей и др. Кроме нарядных обходов по дворам, устраивали гадания для определения куда и за кого девушка выйдет за муж, каким будет суженный. Для этого в полночь садились по одиночке у зеркала в бане, через ворота кидали валенки, чтобы узнать выйдет за муж в свою деревню или в другую, что определялась по тому, куда будет смотреть голова валенка» [2, с. 14].

В дни масленицы (проводы зимы) всю неделю гуляли и катались на лошадях. Достаточно шумно отмечали Пасху. В пасхальную ночь в момент службы у церкви устраивали стрельбу из ружей, настоящих и самодельных, взрывы с порохом. Дети и подростки тоже участвовали в стрельбах из самодельных пистолетов, заряжая их спичечной серой [2, с. 21–22].

В чувашской деревне с большим уважением относились к гармонии, они имелись в начале XX в. только у «сынков богачей», «а нам мама, – пишет С.С. Стафик – денег на это не давала». «И вот однажды, в отсутствие матери, старший брат купил старую гармонь за два пуда ржи. Мама его за это сильно поругала, но простила, так как он был главным помощником в доме. Когда она убедилась, что у брата получается играть на купленном инструменте, разрешила купить получше, и тогда старший Афанасий, и средний – Антон хорошо научились играть» [2, с. 9]. Почти ни одна свадьба не проводилась без гармонии. «У Антона была звонкая итальянка, и ему поручали старшие парни села играть на свадьбах перед началом драки, получалось так, что сами плясали и под шумок колотили противную сторону». Эту часть свадьбы Степан Семенович продолжает описывать дальше. «В летнее время (между севом и уборкой) как правило устраивались большие свадьбы. Особенно, если женились или выходили за муж дети

состоятельных хозяев, когда выдавали дочь в другое село (особенно драчливую), часто происходили сильные драки с парнями со стороны жениха. Всегда побеждали свои, так как замечая некоторый перевес со стороны приезжих вступали на выручку женатые парни. Если не удавалось начать драку у дома невесты, тогда запирали ворота околицы деревни, начинали драться у выезда из деревни и продолжали в поле. Бились только кулаками, правда иногда брали колы, палки, даже разбирали заборные жерди околицы и бились пока не разбежались побеждённые. Когда родственники невесты были влиятельными на селе, драки не допускали, так как они умели умирять молодёжь, убирая первых зачинщиков» [2, с. 9–10].

Оставил сильное впечатление у автора пример самосуда, продолжавший бытовать в первые годы советской власти в чувашской деревне. «Я помню, как однажды местным самосудом сожгли одну молодую женщину на костре между нашей деревней и деревней Бреняши за убийство мужа, и никакого преследования не было. Потом много лет ходили легенды, что будто слышали её голос, крики и плачь, будто она в виде собаки приходила с поля в деревню» [2, с. 10–11].

Таким образом, воспоминания С.С. Стафика «Моя родословная и мои похождения в жизни» являются интересным и ценным дополнением при изучении хозяйственной деятельности и традиционного досуга жителей чувашской деревни первых десятилетий XX в. В анализируемой работе мы можем наблюдать их локальные особенности, влияние христианских традиций на праздничную обрядность, появление новых явлений и сохранение традиционных норм и правил общественного быта.

Список литературы

1. Вязова О.Г. Воспоминания Степана Семеновича Стафика «Моя родословная и мои похождения в жизни» – как исторический источник / О.Г. Вязова // История Чувашии через призму комплексного подхода: от междисциплинарности к трансдисциплинарности: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Василия Димитриевича Димитриева (Чебоксары, 11 января 2024 г.); Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 424 с. EDN NJEZZG
2. Стафик С.С. Моя родословная и мои похождения в жизни / С.С. Стафик. – Шумерля, 1981. – 50 с.

Дмитриева Инга Валерьевна
старший преподаватель

Петров Николай Аркадьевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОЛОЖЕНИЕ «ВАТ ХЁР» («ВАТӐ ХЁР») В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

***Аннотация:** на основе архивных источников и полевых материалов, собранные в ходе этнографических экспедиции в Ядринский, Моргаушский, Вурнарский, Красноармейский муниципальные округа Чувашской Республики, раскрывается роль и место социальной группы «ват хёр» («ватӐ хёр») в традиционном чувашском обществе. Статус старой девы в чувашской общине воспринимался как социально неполноценный. Обычное право, этические нормы закрепляли паттерны, направленные на продолжение рода и стремление чувашской девушки к созданию семьи. Безбрачие осуждалось сельской общиной и рассматривалось как нарушение сложившихся норм и правил.*

***Ключевые слова:** женщина, община, обычное право, чувашская девушка, старая дева, семья, брачный возраст, ватӐ хёр.*

Статья выполнена в рамках гранта ЧГУ им. И.Н. Ульянова «Трансформации этнической культуры чувашей: исторический опыт и современные тенденции».

Работа посвящена исследованию роли и места отдельной социальной группы «ват хёр» («ватӐ хёр») в традиционной чувашской общине. Основой для исследования послужили архивные материалы, опубликованные источники и полевые материалы авторов, собранные в ходе этнографических экспедиций в Ядринский, Моргаушский, Вурнарский, Красноармейский муниципальные округа Чувашской Республики.

Этнографическое изучение отдельных аспектов социальной организации и социовозрастной стратификации чувашей неоднократно привлекало внимание чувашских этнографов [1–4; 15]. Исследование проводилось главным образом на уровне изучения таких институтов, как чувашская семья, община и обычное право [1; 2; 4]. Вне поля зрения оказались «скрытые» возрастные неформальные группы чувашских женщин. К их числу можно отнести социальную возрастную группу старых дев (ват хёр, «ватӐ хёр»).

Чувашское обозначение «ват хёр» («ватӐ хёр») буквально переводится как «старая девушка». Нередко девушку, не вышедшую замуж вовремя, чувашки называли «качка кайман хёр». В чувашской идиоме «ват хёр» («ватӐ хёр») акцентируется возрастной признак девушки, причём её реальный возраст по современным представлениям мог быть достаточно молодым. Речь прежде всего идёт о превышении брачного возраста, иногда довольно существенном – начиная от нескольких лет до десятилетий. Вероятно, эта идиома является калькой с русского фразеологизма «старая дева» [16, с. 62].

Понятие «хёр» подразумевает определённую категорию чувашских девушек, достигших совершеннолетия. Так называемые «взрослые» девушки, девушки на выданье, то есть достигшие брачного возраста. Брачный возраст в традиционной культуре чувашского народа зависел как от физиологических, так и от социокультурных факторов.

Согласно чувашским обычно-правовым нормам исследуемого периода, данной категории девушек соответствовал возраст 18–28 лет. В этнографических описаниях дореволюционного периода не сложилось единого мнения о брачном возрасте чувашских девушек. В исследовании К.П. Проккопьева «Брак у чуваш» отмечается, что юношей женили достаточно рано, а чувашские девушки не выходили замуж до двадцати восьми или даже тридцати лет [12, с. 36]. В работе В.А. Сбоева «Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях» также отмечается солидный возраст невесты. Он зафиксировал браки, в которых невеста была на десять и более лет старше жениха [14]. В чувашских семьях девочки-подростки выполняли почти все женские обязанности по ведению домашнего хозяйства. Они были незаменимыми работницами, поэтому родители не торопились выдавать дочерей замуж. Известный этнограф В.К. Магницкий, изучивший метрические книги Ядринского уезда Казанской губернии, в заметке о браках чувашей отмечал, что местные женихи и невесты вступали в брак значительно позднее, чем русские и татары. Средний возраст вступления в брак чувашской девушки, по мнению В.К. Магницкого, составлял двадцать четыре года, а юноши – двадцать два [6, с. 6]. Следует отметить, что нередко заключение брака (проведение брачной обрядности) по чувашским традициям и венчание в церкви происходили в разный период, что могло отразиться в фиксации возраста невесты. Этнографы отмечают, что венчание зачастую происходило гораздо позже традиционной чувашской свадьбы. С.М. Михайлов по вопросу о брачном возрасте чувашской девушки в статье «Чувашские свадьбы» писал: «добиваясь ли большого калыма или соблюдая приличие, не скоро соглашается [отец] на отдачу своей дочери, говоря, что у него семья невелика, работать некому, что дочь ещё молода, несмотря на то, что невесте стукнуло уже 25 лет или даже более. Чувашские молодцы на это прежде были не разборчивы, но ныне постепенно оставляют прежнее заведение, берут жен лет в 20 и даже в 19» [8, с. 71].

Согласно описаниям Спиридона Михайлова, чувашская девушка с юности начинает задумываться о создании семьи. Этнограф сообщает: «лет 18 девица думает уже о замужестве, старается быть щеголихою кабыр. Когда кукушка кукует, девица спрашивает: «Кукушка, кукушка! Скажи, сколько лет ещё сидеть в девицах?» Кукук, кукук! Кала мана, миньче сиол маньин хирьде ларас полать? Если кукушка прокукует пять раз, значит должно сидеть в девках пять лет, а если один раз, то один только год» [9].

Однако не всегда пожелание кукушки сбывалось: случалось так, что вместо одного года чувашская девушка оставалась в девках на семь, на десять лет или вовсе не выходила замуж, получая статус «ват хёр» («ватӑ хёр»). В чувашской сельской общине большим позитивным ценностям характеризовался добрачный статус девушки. Семья готовила её к роли трудолюбивой хозяйки, доброй матери, покорной невестки, жены. Община контролировала и в то же время оберегала девушку, готовила её к новой социальной роли замужней женщины. Социальная группа незамужних

девушек, не переступивших брачный возраст, характеризовалась в сельском обществе положительной коннотацией. Отмечалась их внешняя привлекательность: «волосы у них блестящие как можно ярче, и точно, они блестят, как клеёнка. Одеваются весьма опрятно: рубаша белая как снег, грудь и ворот вышиты разными узорами, а последний унизан белыми раковинками, бисером и мелкими серебряными денгами; через плечо узоры наподобие лент с серебряными или поддельными позументами, на шее на цепочках оловянные большие кресты и разноцветные ленты; на груди одна большая шульгама, как и у женщин, наперед белый фартук (запон) с вышивками на конце, под плечи подпоясано шелковым вязаным поясом, а по самой пояснице – тесьмянным, на котором висит множество корольков, кистей и непременно маленький кошелёчек (сеньчик) с деньгами и медная гребёночка, сделанная коньком; на конце косы черная кисточка с медными трубочками». О красивой девушке, достигшей брачного возраста, чувашки говорили: красивая как куколка (пукане пек хитре) или одета как куколка (пукане пек тумланнă) [10, с. 188].

Резко отрицательно чувашская община относилась к девушке, перешагнувшей брачный возраст, но не создавшей семью. Она подвергалась осуждению, презрению. В чувашской общине бытовало убеждение, что она не вышла замуж из-за болезни, сварливого характера, плохой семьи и рода, ненадлежащего поведения, лености и т. д. Остаться «ват хёр» было не только ненормативным с точки зрения обычно-правовых традиций, противоречащим естественной природе женщины быть чьей-либо женой и матерью, но и оскорбительным. Наши респонденты (70-летняя В.А. Федорова, 86-летняя З.И. Димитриева, с. Тораево Моргаушского МО ЧР) сообщали, что если в той или иной чувашской семье была старая дева, об этом знали во всей округе. В беседе подчёркивали, что это тот род, та семья, в которой есть «ват хёр» [11]. Чувашки старались не допускать, чтобы женщина осталась незамужней. Бывало, что девушка, перешагнувшая брачный возраст, была вынуждена выйти замуж за пожилого человека или за вдовца, лишь бы не остаться «ват хёр» («ватă хёр») и не позорить семью [11]. Родители ей говорили, что жизнь без мужа – это, как дерево без ветвей (упăшкăсăр пурнăс – туратсăр йывăс) [11].

Статус незамужней женщины «ват хёр» («ватă хёр») в чувашской общине был крайне низким: её не уважали, с её мнением не считались. С «ват хёр» («ватă хёр») были связаны некоторые предрассудки и запреты. Они не участвовали в свадебных обрядах, так как, по представлениям чувашей, могли навлечь несчастье на молодую пару. Их называли «не державшими в руках ребенка» (не родившая ребенка). Таких женщин остерегались, считая, что они могут сглазить ребенка [11]. О «ват хёр» («ватă хёр») говорили: «Старая дева дома сидит, а её язык сплетни распускает» (Ватă хёр килте ларать, унăн чёлхи элек сарать) [13]. «Старая дева – крапива жгучая» (ват хёр – вёлтрэн сунтармăш), «старая дева дома – собаку заводить не нужно» (ватă хёр килте – йыгăтă узрама кирлĕ мар) [11]. При совершении обрядов семейно-родового и календарного циклов (имянаречение, чук, рекрутские) «ват хёр» («ватă хёр») старались не приглашать.

Чувашкам, не вступившим в брак, приписывали негативные мистические свойства, связывая их с демоническими силами. Так, например, В.К. Магницкий в «Материалах к объяснению старой чувашской веры» указывает, что знахарством и ворожбой у чувашей занимались в основном

старые девы [7]. По религиозным представлениям чувашей, женщина, которая не была замужем, после смерти становится супругой Эсреля или превращается в злого духа и приносит людям разные беды.

Таким образом, статус старой девы «ват хёр» («ватъ хёр») в чувашской общине воспринимался как социально неполноценный. Заключение брака относится к наиболее устойчивым регламентируемым супружеским отношениям в традиционной культуре чувашей. Обычное право, этические нормы закрепляли паттерны, направленные на продолжение рода и стремление чувашской девушки к созданию семьи. Безбрачие осуждалось сельской общиной и рассматривалось как нарушение сложившихся норм и правил.

Список литературы

1. Денисова Н.П. Семья в обычном праве чувашей / Н.П. Денисова // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. – Чебоксары, 1986.
2. Дмитриева И.В. Женские обряды и трудовые традиции чувашек, связанные со скотоводством, второй половины XIX – начала XX века / И.В. Дмитриева, Н.А. Петров // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Чебоксары, 2023. EDN KXNIOJ
3. Егорова О.В. Роль женщины в традиционных календарных праздниках и обрядах чувашей / О.В. Егорова, Т.В. Семенова // Вестник Чувашского университета. – 2024. – №3.
4. Иванов В.П. Семья у чувашей / В.П. Иванов, П.П. Фокин. – Чебоксары, 1991.
5. Магницкий В.К. Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии / В.К. Магницкий. – Казань: Тип. Ун-та, 1892.
6. Магницкий В.К. Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов / В.К. Магницкий // Казанские губернские ведомости. – 1868. – №86.
7. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881.
8. Михайлов С.М. Собрание сочинений / С.М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. EDN WDMGFV
9. Михайлов С.М. Краткое этнографическое описание чуваш / С.М. Михайлов // Казанские губернские ведомости. – 1853. – №10.
10. Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1928. – Вып. 1.
11. Полевые материалы автора: экспедиции 2025 г. в Ядринский, Моргаушский, Вурнарский, Красноармейский муниципальные округа Чувашской Республики.
12. Прокопьев К.П. Брак у чуваш / К.П. Прокопьев. – СПб.: Типо-литогр. Император. Ун-та, 1903.
13. Романов Н.Р. Ваттисен сѧмахѧсем, каларѧшсем, сутмалли юмахсем / Н.Р. Романов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012.
14. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии / В.А. Сбоев. – Казань, 1856.
15. Сергеева Е.В. Женщины в праздниках деревенского сообщества чувашей (вторая половина XIX – начала XX века) / Е.В. Сергеева // Чувашский гуманитарный вестник. – 2024. – № 19. EDN QKNIYR
16. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Русский язык. Медиа, 2007.

Никифорова Зоя Алексеевна
исследователь научной мысли
с/п Хирпосинское, Чувашская Республика

О МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ: ПРИМЕРЫ ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ СЕМЬИ

Аннотация: на примере семьи Никифоровых рассмотрены чувашско-немецкие взаимоотношения. Освещены условия и факторы возникновения межэтнических контактов, приведены примеры из истории рода, отражающие межэтнические отношения. Интерес представляет материал, касающийся особенностей проявления традиций и ритуалов в межнациональном свадебном обряде.

Ключевые слова: чувашаи, немцы, межэтнические отношения, национальные традиции, немецко-чувашская семья.

В наши дни межнациональные браки стали обычным явлением и стали одной из актуальных тем этнологической науки. Меня заинтересовали мотивы вступления в брак представителей разных национальностей, рассмотренные в работах Н.М. Алексахиной [1], С.В. Лурье [4], Г.Г. Силласте [5]. Вопросы межнациональных браков в регионе Волго-Уралья содержатся в публикациях И.И. Бойко [2], Т.А. Титовой [6], и др. Близка к нашей теме диссертация С.В. Корнеевой [3]. В данной статье поделюсь своими наблюдениями возникновения чувашско-немецкой семьи.

В последнее время, мне кажется, человечество привыкает к тому, что всё в мире глобально, всё совершается и должно совершаться только в глобальных масштабах, будто всё приводится к общему знаменателю... Возможно. Но как Волга начинается с родника и, собирая воды сотен ручьёв и малых речек, становится большой рекой, так и вся наша жизнь, все отношения между странами и народами начинаются (а может, заканчиваются) с отношений между конкретными людьми, представляющими разные страны, народы и верования.

Разумеется, политика влияет на судьбу каждого человека, хотя он об этом даже не задумывается. Получается, в отношениях между странами всегда присутствуют два «пласта» (или как вам будет угодно их назвать) отношений: межгосударственный – на уровне политических отношений между странами – и межличностный – между простыми рядовыми гражданами этих стран. Безусловно, эти два пласта разорвать, разъединить невозможно: они тесно переплетены, связаны, но они чётко выделяются, хотя и крепко встроены друг в друга.

На фоне современных событий я бы хотела рассмотреть, как связаны жители Германии как государства и Чувашии как субъекта Российской Федерации на государственном уровне, а простые граждане, немцы и чувашаи, – на житейском, межличностном. Примеры буду брать только те, что касаются моего рода, моей семьи.

Первый пример касается имён. При составлении своей родословной я заметила, что в конце 1930-х годов и вплоть до начала Великой Отечественной войны детям, чаще мальчикам, отцы-чувашаи давали непривычные для чуваш иностранские имена: Роберт, Эрнст, Адольф, Генрих, Арнольд, Тельман... Роберт Ксенофонтович Сергеев 1939 года рождения из села

Янгорчино Вурнарского района – мой двоюродный брат, Фёдоров Адольф Фёдорович из деревни Сявалкас Хирпоси 1940 года рождения – троюродный (К счастью, оба живы). Адольф всегда был Толей, Анатолием, а когда получил в Ораушской школе свидетельство о семилетнем образовании, ахнул: оказывается, он – Адольф! В Хирпосях жил Петров Тельман Петрович 1940 года рождения, в Янгорчино – Эрнст, Степановы Генрих 1937 и Арнольд 1939 годов рождения... Имена в основном немецкие. Наверняка отцы этих детей интересовались политикой, поэтому в период расцвета гитлеровской Германии дали сыновьям такие имена. И Пакт о ненападении, подписанный между СССР и Германией, думаю, сыграл свою роль: наши люди поверили в силу документа...

Второй пример касается сразу двух мировых войн: Первой и Второй. В ходе Великой Отечественной войны многие наши воины попадали в плен. Не минула чаша сия и Феофанова Данила Феофановича 1921 года рождения (в селе – Танькки) – двоюродного брата моего деда по матери Данила Абрамовича. В концлагере при постановке на учёт проводился допрос каждого военнопленного. По поводу Данила у немцев из-за внешности закралось сомнение, не еврей ли он. Когда Данил на вопрос «Юде?» отвечал, что он чуваш, и настаивал на этом, подошёл комендант лагеря и начал проверять его. Сперва заставил произносить имя Абрам – у Данила выходит «Апрам»: нет в чувашском языке звука «б». Затем велел переводить с русского на чувашский несколько слов. Оказалось, этот немец, будучи пленённым нашими в Первую мировую войну, участвовал в строительстве Мокринского железнодорожного моста в Канашском районе, в 20 километрах от родного села Данила. Он знал про чувашский народ, помнил некоторые чувашские слова. И немецкий офицер, потомственный землевладелец, не только подтвердил, что Данил действительно чуваш, но и отправил его в свою семью выполнять крестьянскую работу. Видимо, воспоминания о чувашах у него были добрые. Данил же всю оставшуюся часть войны проработал в этом хозяйстве и вернулся домой только в 1947 году, пройдя фильтрационный лагерь.

И я запомнила, как Танькки кукки (дядя по матери) предсказывал погоду на предстоящую зиму по цвету позвоночной кости зарезанной на Дмитровскую родительскую субботу (Кърсьри) курицы, и отец говорил, что прогнозы его сбывались. Данил объяснял, что научился этому в плену у хозяина-немца, который не обижал, одевал-обувал аккуратно, сажал за стол со своей семьёй. У меня, 10-летней девочки, это вызывало удивление, потому что тогда для нас слова «немец», «фашист», «гитлеровец» были синонимами...

Третий пример связан непосредственно с нашими детьми. Бабушка зятя и дедушка невестки – поволжские немцы. Их предки со времён Екатерины Второй жили в России, занимались земледелием, обрусели. В 1941 году из СССР немцев Поволжья их депортировали в Оренбургскую и Кемеровскую области. Дедушка невестки в 8 лет вместе со всей семьёй попал из-под Саратова в город Осинники Кемеровской области. Повзрослев, Виктор Александрович Райх стал шахтёром, после вечерней школы сумел пробиться в медицинский институт и стал хирургом, Заслуженным врачом РСФСР, Отличником здравоохранения, кандидатом медицинских наук, 20 лет руководил Кузбасской областной клинической больницей имени Беляева. Дочь, зять и внучка – тоже врачи.

И на друзей семьи – потомков немцев – нам повезло. С Шиффером Валентином Владимировичем 1930 года рождения муж познакомился в са­натории в 1982 году, а после его ухода из жизни поддерживаем связь с семьёй его дочери. Дед Валентина Владимировича приехал в Россию на строительство железной дороги и остался. А его внук стал директором ор­ганизации «Союзреставрация» в Москве и посвятил свою жизнь сохране­нию известных исторических памятников, содействовал украшению нашей любимой столицы.

Конечно, эти семьи постепенно обрусели, хотя сначала в них царило немецко-русское двуязычие. Внуки и правнуки, к сожалению старших, язы­ком предков уже не все владеют.

«Мир тесен», – любим мы повторять. Да, он тесен, но тесен не только в пределах одного города или страны, – он тесен в буквальном смысле. И я лет 10 назад уже начала подумывать о том, что постепенно люди становятся «гражданами мира» в том смысле, что могут легко переезжать из страны в страну, чтобы учиться, жить и работать, где им нравится или климат для здоровья больше подходит. Разумеется, в рамках соблюдения законов кон­кретных стран. Но...

Что я хочу сказать своей статьёй?

Люди разных национальностей, верований и культур хотят жить в мире, делиться друг с другом знаниями и умениями, культурой, создавать семьи, а не воевать, не противостоять...

Список литературы

1. Алексахина Н.М. Этнически смешанные браки в РФ / Н.М. Алексахина. – М., 1996. – 250 с.
2. Бойко И.И. Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике / И.И. Бойко // Вестник Чувашского университета. – 2013. – №3. – С. 5–10.
3. Корнеева С.В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ: автореф. дис.... канд. социол. наук / С.В. Корнеева. – М., 2006. – 23 с. EDN ZNQYRJ
4. Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии / С.В. Лурье // Петербургская социология сегодня. – 2018. – №10. – С. 122–148. DOI 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077. EDN YUKHZB
5. Силласте Г.Г. Русская семья в республиках России в условиях новой межнациональ­ной ситуации (по материалам Мордовии и Чувашии) / Г.Г. Силласте // Исследование Рос­сийской академии государственной службы. Сер. 1. Социология. – 1996. – №3.
6. Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях / Т.А. Ти­това. – Казань: Форте-Диалог, 1999. – 163 с.

Таймасов Леонид Александрович

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК: ПОЕЗДКА В СЕЛЕНИЯ ЦИВИЛЬСКОГО ОКРУГА

Аннотация: в статье представлена информация об экспедиционной поездке этнографов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по селениям Цивильского муниципального округа 30.05.2025 г. для сбора полевых материалов о традиционной культуре чувашского народа, а также сведений об ученом-историке, профессоре В.Д. Дмитриеве и просветителе Д.Ф. Филимонове.

Ключевые слова: этнология, экспедиция, традиционная культура, Цивильский муниципальный округ, этнокультурные процессы, Дмитриев, Филимонов.

Статья выполнена в рамках гранта ЧГУ им. И.Н. Ульянова «Трансформации этнической культуры чувашей: исторический опыт и современные тенденции».

Современное общество переживает период масштабных перемен во всех сферах жизнедеятельности. Развитие цифровых технологий разрушают традиционный уклад жизни народов. При планировании экспедиции ставилась задача фиксировать сохранившиеся памятники, предметы материальной и духовной культуры, отметить региональные особенности современных этнокультурных процессов.

Один из маршрутов предполагало посещение селений Цивильского муниципального округа. Известно, что Прицивилье является одной из территорий, заселенных древними людьми. Здесь обнаружены стоянки эпохи палеолита, бронзы, раннего железа [2; 5, с. 330]. В разные исторические эпохи происходили взаимодействия финно-угорских, тюркских, ираноязычных, славянских народов, которые наложили отпечаток на этнокультурные особенности этого региона.

Маршрут экспедиционной поездки пролегал через районный центр Цивильск, поселения: Чурачики, Первое Степаново, Третье Муратово. На этапе подготовки экспедиции созвонились с Николаем Антониновичем Порфирьевым, долгие годы проработавшим в редакции районной газеты «Цивильский вестник» на должностях корреспондента, редактора и т. д. Он также превосходный фотограф. Николай Антонинович хорошо знает Цивильский округ и мог бы стать проводником в нашей поездке. Предложение принять участие в экспедиции по Цивильскому округу он принял с воодушевлением.

Н.А. Порфирьев нам сказал, что в день выезда его пригласили в Чурачскую общеобразовательную школу на «последний звонок». Так как одной из задач наших поездок является взаимодействие со школами по вопросам профорientации и краеведения, решили принять участие в этом мероприятии. В ходе поездки в Цивильский МО мы также наметили собрать

дополнительные сведения о жизни и деятельности уроженцев этого округа: Д.Ф. Филимонове и В.Д. Дмитриеве.

Утром 30 мая 2025 г. исследовательская группа в составе профессора Л.А. Таймасова, аспирантов Е.В. Семенова и Е.В. Павлова выехала из Чебоксар и направилась в Цивильский МО. В Цивильске в назначенное время к нам присоединился Н. А. Порфирьев. Первая остановка была сделана в Чурачикской СОШ. Нас приветствовали директор школы Павел Иванович Бардышев, учителя и ученики. Заместители директора А.Г. Александрова и Л.Г. Петрова провели ознакомительную экскурсию, показали учебные кабинеты, актовый и спортивный залы. На линейке были выступления представителей администрации, награждения отличившихся учителей и учеников. Л.А. Таймасов поздравил выпускников и весь коллектив школы с успешным завершением учебного года, сообщил о факультетах и особенностях поступления в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. По завершении линейки в формате круглого стола состоялось обсуждение вопросов сотрудничества школы и университета.

Большой интерес представляет история школы в с. Чурачики. В разные годы в селе действовали приходское училище, школа грамоты. В 1862 г. во флигеле дома приходского священника К. Каменского была открыта земская школа, в которой в 1867 г. начал учиться Д.Ф. Филимонов [8, с. 12–20.]. Как известно, в последующем он поступил Казанскую инородческую учительскую семинарию, после окончания которой стал видным деятелем христианского просвещения чувашского народа. В советские годы Чурачикская школа прошла ряд реорганизаций: в 1932 г. была открыта школа крестьянской молодежи с семилетним сроком обучения, в 1936 г. она стала средней. Через два года было построено здание школы по типовому проекту. Одним из первых выпускников обновленного учебного заведения был доктор исторических наук, профессор В.Д. Дмитриев [1, с. 151–152]. Следующим этапом истории школы можно считать переезд в двухэтажное здание, построенное в 1962 г. к ее 100-летию юбилею.

В настоящее время Чурачикская школа размещается в новом учебном комплексе, который был возведен на специально выделенной территории на живописной окраине села. Первый звонок прозвенел 7 ноября 2024 г. Она возведена по федеральной программе «Комплексное развитие сельских территорий» строителями Цивильского ПМК-8. В рамках программы строились также дома для сельских специалистов, большой стадион и другие объекты. Значительную помощь оказывали такие предприятия как ООО «Трансдорстрой» (генеральный директор – А.Н. Федоров), ООО «Волгадорстрой» (директор – А.С. Ильин) [3].

Учебные кабинеты, залы и площадки оснащены самыми современными приборами и оборудованием. В школе учатся ученики из с. Чурачики и более десяти поселений Цивильского МО. Их перевозку осуществляют комфортабельные автобусы. По заявлению учащихся, им нравится учиться в школе, в которой учебный процесс осуществляется высокопрофессиональными учителями с использованием новых технологий и методик. Участники экспедиции покинули пределы учебного заведения в приподнятом настроении с надеждой на дальнейшее сотрудничество Чувашского госуниверситета со школой.

Село Чурачики расположено рядом с автомагистралью А151, что даёт его жителям коммуникационные преимущества. Отсюда можно быстро доехать в города Цивильск, Канаш и другие промышленные центры. Это обстоятельство было весьма значимым и в прежние годы. Хотя основная часть жителей являлась земледельцами, многие крестьяне занимались и животноводством, и ремеслами, и промыслами. В начале XX в. здесь действовали две мельницы, две круподерки, солодовенное, красильное, сушильное предприятия, три питейных заведения и др. Свою продукцию предприниматели продавали на местном базаре, вывозили в другие селения и города [5, с. 330–332].

Члены экспедиции прошли по улицам села, произвели фотосъёмку отдельных домов и хозяйственных построек. Облик чувашских сел в постсоветский период претерпел существенные изменения. С распадом колхозов многие административные и хозяйственные постройки ветшали и разрушались. Те объекты, которые выкупили фермеры или предприниматели, реставрировались или перестраивались. Из публикаций авторов XIX – начала XX в. известно, что крестьянские жилые и хозяйственные постройки почти не отражали имущественный ценз хозяев. Так, А.А. Фукс писала, что избы у богатых и бедных чувашей не имеют никакой разницы [9, с. 56]. Полагая, что объяснение этому явлению заключалось в общинных коллективных традициях и в ментальности чувашей, тесно переплетённых с их мировоззрением. Мало отличались дома крестьян в советскую эпоху, так как уровень жизни тогда преимущественно носил уравнилительный характер.

В наши дни ситуация кардинально изменилась: в условиях развития рыночных отношений происходит социальная дифференциация общества. Процесс глобализации разрушает традиционный уклад жизни, меняет ментальные установки. Люди, имеющие большие доходы, в отличие от далёких предков, демонстрируют свой достаток и социальный статус возведением просторных коттеджей, покупкой дорогих автомобилей и т. д. Чурачики в сравнении со многими поселениями Чувашии выглядят относительно благополучно: имеются промышленные объекты (ЗАО «Чурачикский завод ЖБИ», ОАО ПМК «Чурачикская»), магазины, кафе, участковая больница, детский садик, школа, поэтому население не так быстро сокращается, как во многих селах и деревнях республики. Согласно статистическим сведениям 2013 г. в Чурачиках проживало 1911 чел. [6, с. 330]. Здесь не бросаются в глаза бесхозные дома, только изредка встретишь заросшие бурьяном хозяйства.

По состоянию домов можно судить об их владельцах. В двух-, трёхэтажных коттеджах живут состоятельные лица, как правило, предприниматели, высокопоставленные чиновники и руководители. Люди среднего достатка, зарабатывающие «отходничеством», частным или индивидуальным бизнесом, имеют одноэтажные дома и крепкие хозяйства, а пенсионеры и бюджетники довольствуются домами, доставшимися им по наследству. Мы сделали большое число фотоснимков различных административных, жилых, хозяйственных строений в селе.

Участники экспедиции с большим интересом ознакомились с церковью Успения Пресвятой Богородицы. Храм был возведён в 1828 г. и много повидал на своём веку. В советскую эпоху церковь закрыли, а в здании расположили маслозавод. В 1990-е гг. усердием верующих и строителей организации «Воддорстрой» храм восстановили, построили трёхярусную

колокольню из облицовочного кирпича, на прилегающей территории посадили деревья, разбили клумбы и обнесли красивым забором. Хотя здесь ещё есть над чем работать, но церковный комплекс производит благоприятное впечатление.

Покинув Чурачики, направились в с. Первое Степаново. Наш путь пролегал мимо д. Новое Сюрбеево, и мы не могли не остановиться в местах, связанных с жизнью видного историка, доктора исторических наук, профессора В.Д. Дмитриева. Наша группа сделала остановку около дачного домика, который он построил в 1980-е годы и изредка приезжал на отдых. Я рассказал своим молодым спутникам некоторые случаи из жизни моего учителя и наставника. Мне посчастливилось учиться у Василия Дмитриевича, а позже работать и общаться с ним. Он участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. О годах войны и о службе в армии В.Д. Дмитриев опубликовал воспоминания. Наша группа заехала в д. Новое Сюрбеево, зафиксировала несколько жилых и хозяйственных построек, сделала остановку около обелиска в честь участников войны.

В с. Первое Степаново по предварительной договорённости мы встретились с краеведами Николаем Петровичем и Ираидой Николаевной Филимоновыми. Николай Петрович приходится правнуком младшего брата Д.Ф. Филимонова Василия. Он подарил нам написанную им книгу «Православный просветитель чувашского народа» о своём славном предке [8]. Супруги Филимоновы в настоящее время на заслуженном отдыхе. До выхода на пенсию проработали в местной школе, которая в настоящее время закрыта, о чём они очень сожалеют. В ней был музей, экспонаты которого оказались бесхозными, поэтому Филимоновы перенесли их в свою хозяйственную постройку. Среди различной утвари, орудий труда, предметов быта, одежды и т. д. имеются весьма уникальные, нуждающиеся в специальных условиях хранения. Они надеются, что их музейные коллекции вызовут интерес муниципального руководства. Чета Филимоновых рассказала много интересного из истории и традиций села, сообщила новые сведения о Данииле Филимонове. Николай Петрович сопроводил нас на местное кладбище, где покоится прах Д.Ф. Филимонова. Члены экспедиции почтили память чувашского просветителя

Далее исследователи ознакомились д. Третьи Вурманкасы и ее окрестностями. При осмотре деревни создается впечатление, что здесь преимущественно проживают люди преклонного возраста. Коттеджи, какие мы видели в Чурачиках, здесь отсутствуют. В основном дома и хозяйственные постройки советской эпохи. Бревенчатые срубы обшивались деревянными дощечками и окрашивались. Когда-то они выглядели нарядно, но сейчас многие нуждаются в покраске и ремонте. Большим разнообразием отличаются наличники окон, украшенные резьбой. Считаю необходимо провести специальное исследование деревянного зодчества. Так как с каждым годом их количество сокращается.

В окрестностях деревни находится подворье Цивильского Тихвинского женского Богородицкого монастыря, обустроен святой источник. Мне приходилось изучать историю монастыря, поэтому поделился со своими спутниками некоторыми сведениями пока спустились в овраг к оборукованному роднику [7]. На этом роднике мне приходилось бывать раньше. Обратил внимание, что деревянная лестница заменена на

металлический. Сюда приезжают люди из разных мест, чтобы окунуться в освященную воду купели.

На обратном пути группа заехала в районный дом культуры, где состоялась встреча с заведующим отделом библиотеки Алевтиной Филипповой Дмитриевой и молодым краеведом, учеником 10 класса Максимом Тестовым, который увлекается историей, археологией родного края и мечтает поступить в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова на историко-географический факультет. Мы пригласили собеседников посетить университет и обязались ознакомить их с ведущим вузом республики.

В ходе поездки в Цивильский МО исследовательская группа собрала значительный информационный материал, который был зафиксирован на бумажном и электронном носителях, интервью, аудио, фото-видеозаписи пополняют архивное собрание кафедры археологии, этнографии и региональной истории и будут служить источником научных исследований истории и культуры чувашского народа.

Список литературы

1. Автобиография В.Д. Дмитриева / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – 252 с.
2. Археологическая карта Чувашской Республики / авт.-сост. Е.П. Михайло. Т. 2. – Чебоксары, 2014. – 311 с.
3. Дети в Цивильском округе начали учебу во второй четверти в новейшем учреждении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agro-in.cap.ru/Info.aspx?id=4636138&type=news&page=10> (дата обращения: 31.11.2025).
4. Дмитриев В.Д. В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии: воспоминания / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары, 2000. – 160 с. EDN WKKUTD
5. Каховский Б.В. Чурачакский комплекс памятников / Б.В. Каховский, Е.П. Михайлов // Энциклопедия Цивильского района. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. – С. 330.
6. Питернова В.Ф. Чурачки / В.Ф. Питернова, Н.С. Яковлева // Энциклопедия Цивильского района. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. – С. 330.
7. Таймасов Л.А. Цивильский Тихвинский Богородицкий монастырь в период преобразований 1860–1870-х годов / Л.А. Таймасов // Вестник Чувашского университета. – 2024. – №1. – С. 114–124. DOI 10.47026/1810-1909-2024-1-114-124. EDN TZDDXF
8. Филимонов Н.П. Православный просветитель чувашского народа / Н.П. Филимонов. – Чебоксары, 2023. – 190 с.
9. Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии / А.А. Фукс. – Казань, 1840. – 167 с.

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПРИСУРСКИХ РАЙОНОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

***Аннотация:** в статье раскрывается этнографический потенциал музейных коллекций Присурских районов Чувашии. Анализируются собрания предметов традиционной культуры чувашей и других народов региона. Выявляются возможности использования коллекций для изучения и популяризации уникального материального и духовного наследия Присурья. Даются рекомендации по расширению выставочной и образовательной деятельности на основе музейных фондов.*

***Ключевые слова:** этнография, музей, Чувашское Присурье, чувашии-ви-рьял, краеведение, частные коллекции, вышивка, резьба по дереву.*

Статья выполнена в рамках гранта ЧГУ им. И.Н. Ульянова «Трансформации этнической культуры чувашей: исторический опыт и современные тенденции».

Присурские районы Чувашской Республики не впервые становятся объектом изучения этнографической экспедиции кафедры археологии, этнографии и региональной истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Здесь проводились фольклорные, лингвистические, этнографические исследования, летние студенческие практики. В ходе археологических экспедиций, организуемых кафедрой, также попутно фиксировались данные о сохранившихся элементах архитектуры (глинобитные дома, декоративная резьба), быта, местах проведения традиционных религиозных обрядов (киремети, сакральные территории) [4, с. 146–147]. Чувашское Присурье является полиэтничным регионом, где соприкасаются культуры чувашей, русских, марийцев и мордвы. Активизация этнографических исследований на современном этапе позволяет определить направления, в которых можно получить новые данные и вещественный материал.

Следует отметить, что сохранение элементов традиционной культуры на современном этапе связано с деятельностью музеев, в том числе не входящих в музейный фонд Российской Федерации, отдельных энтузиастов и краеведов. Первоначально были осмотрены экспозиции музеев муниципальных округов, установлены контакты с администрациями и краеведами. Осмотренные музеи необходимо разделить на муниципальные, частные и «бесхозные» (без определённой принадлежности).

Муниципальные музеи имеют официальный статус, финансирование от органов власти или муниципалитетов, но не входят в государственный музейный фонд РФ (музей г. Ядрин и Шумерля, д. Верхние Ачаки).

Частные коллекции собираются и содержатся за счёт личной инициативы энтузиаста или нескольких единомышленников (коллекции А.Н. Полядаева, З.М. Черновой). Официального статуса они не имеют.

Хуже всего дела обстоят в музеях, созданных в советский период в школах, домах культуры и при правлениях колхозов. После 1991 г. они оказываются «бесхозными» и существуют за счёт равнодушных жителей. Музей в д. Яровойкасы и Персирланы расположены в отдельных зданиях, но не имеют отопления и электричества, что приводит к постепенной порче и утрате экспонатов. В первую очередь страдают предметы из тканей, бумаги, дерева.

Уникальность музейных коллекций на первый взгляд определить сложно. Они как правило представлены предметами быта местного населения XX, реже XIX в. Более древние находки, в том числе являющиеся археологическими и палеонтологическими предметами, единичны. У каждого музея есть своя специфика.

Результаты многолетних этнографических экспедиций краеведа Анатолия Никаноровича Пояндаева представлены в двух музеях. Музей традиционного быта в д. Пояндайкино Шумерлинского МО является местом хранения экспонатов, собранных в чувашских селениях республики. Он занимает большой сельский дом с надворными постройками. Подворье вмещает крупногабаритные экспонаты (телеги, сани, шерстобитный станок, бочки). Внутри дома содержится большая коллекция одежды и принадлежностей для ткачества и вышивания (ткацкие станки, прялки, холсты). Устроен школьный уголок, имитирующий обстановку сельской школы. Есть предметы советской эпохи.

В музее имеются уникальные инструменты сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственных продуктов (плуги, жернова, сито, маслобойки). Особый интерес А.Н. Пояндаев, как краснодеревщик по профессии, проявляет к инструментам и методам деревообработки. Им составлен альбом деревянного зодчества конца XIX–XX вв., в котором отражены основные стили, приёмы и традиции в оформлении наличников, фриз, старинных ворот [3]. В музее представлена коллекция наличников, оформленных разными приёмами и техникой резьбы. Краеведом совершены поездки по русским селениям Порецкого и Алатырского муниципальных округов с целью фотофиксации деревянных элементов архитектуры.

Совместно с Анатолием Никаноровичем совершена поездка по чувашским селениям Шумерлинского округа, в ходе которой собраны или сфотографированы элементы деревянного творчества. Из д. Савадеркино вывезена одна из частей фриза с растительным орнаментом. Ранее другая часть фриза с датой «1893 г.» была размещена в экспозиции музея д. Пояндайкино.

Одну доску-фриз с растительным орнаментом удалось найти у директора библиотеки д. Юманай В.П. Оферкиной на ул. Гагарина. Она осталась от старого родительского дома, на данный момент уже снесённого. На этой же улице ещё находится деревянный дом Долговых-Раскиных с хорошо сохранившейся резьбой 1897 г. (на нём полностью сохранился фриз, причелины (крылья) и т.д.).

В д. Ишлей Вурнарского МО сфотографированы два фронтона домов. На доме 1893 г. постройки кроме растительного орнамента вырезаны «берегиня» (образ русалки) и львы. На доме 1894 г. сфотографированы несколько фронтонов с растительным орнаментом. В селении множество резных наличников и украшенных резьбой ворот.

По мнению А.Н. Пояндаева, резные фасады — это влияние русской традиции деревянного зодчества. Данный куст селений является юго-западной окраиной территории верховой группы чувашского населения и русских селений, в отличие от граничащих с Поречским районом (например, куст селений Алгаши) здесь нет. В русских селах Алатырского МО такие резные фасады были обычным явлением. Искусным чувашским мастерам пришлось по нраву такая манера декора дома, и они переняли её.

В д. Ишлей у родственников А.Н. Пояндаева удалось получить заготовки обода колеса из согнутого в кольцо дубового бруса.

А.Н. Пояндаевым начата работа по сбору экспонатов для музея истории г. Шумерля. В последние годы в городе идёт обновление жилого фонда и сносятся старые здания. Станция Шумерля развивалась как рабочий посёлок с дубильно-экстрактной и лесопильной промышленностью. Среди первых переселенцев были выходцы из русских, мордовских и чувашских селений Присурья. Город имеет большой частный сектор и малоэтажный, как правило деревянный, жилой фонд, попадающий под переселение. Собранные предметы городского быта характеризуют разные этапы жизни города. Среди них оконные наличники, литые печные дверцы, самодельная мебель, предметы с закрытых заводов. В музее много предметов из советского быта второй половины XX в., оригинальных фотографий.

Историко-краеведческий музей г. Шумерля с 1983 г. является центром сосредоточения предметов старины и обихода города. На базе музея концентрируется краеведческая и ветеранская работа. Большая экспозиция посвящена периоду Великой Отечественной войны и строительству Сурского оборонительного рубежа.

С исторической точки зрения интересны музеи, сохраняющие историю отдельных населённых пунктов. Персирланский музей размещён в здании школы, построенной и оснащённой на средства купцов-братьев Таланцевых. В нём имеется этнографический отдел, зал истории трудовой коммуны «Чеморданы» 1918–1956 гг., истории СХПК им. Тимирязева. Среди экспонатов — документы по деятельности коммуны, фотографии, личные вещи тружеников, письма-треугольники периода Великой Отечественной войны, мебель, уголок-реконструкция быта крестьянской избы, оригинальные образцы вышивки.

В музее д. Яровойкасы имеется целый комплекс историко-этнографических объектов: музей боевой и трудовой славы, в котором представлены фотографии участников Великой Отечественной войны, тружениц тыла; «Парк Победы» с деревянной скульптурой; музей истории деревни; каменное двухэтажное здание школы дореволюционной постройки.

В музее представлены предметы крестьянского быта с типичным набором предметов, вышивки, керамическая посуда. На фотографиях представлены все дома деревни, сюжеты из полевой работы колхозников, праздников сельчан, жители в традиционной одежде. Музей на данный момент не имеет официального статуса, и присматривают за ним местные энтузиасты.

Музей натурального хозяйства крестьянского быта XIX в. в д. Верхние Ачаки из всех осммотренных является лучшим примером организации хранения и экспонирования этнографических коллекций [2]. Он открыт по инициативе заслуженного работника культуры РФ А.П. Айдака. В музее

собраны оригинальные предметы и отдельные реплики для всестороннего освещения крестьянского быта. Дух сельской усадьбы передают жилые и хозяйственные постройки.

В д. Мочей Краснотетайского МО одна из старейших жителей селения Зинаида Михайловна Чернова собирает и сохраняет старинные вещи и предметы обихода XX в. (батманные весы, кованые изделия, детская люлька, деревянная посуда). У неё представительная коллекция вышивки (масмаки, сурбаны). На открытии мемориального комплекса, посвящённого строителям Сурского оборонительного рубежа в д. Выселок №1 (28 октября 2025 г.) [1], она демонстрировала самодельный вещмешок (заплечную сумку с двумя лямками), которым пользовались женщины-строительницы рубежа. Всем участникам она предлагала попробовать ржаной хлеб, испечённый по традиционным рецептам.

В рамках реализации первого этапа гранта удалось установить связи с краеведами, местными жителями, неравнодушными к истории Родного края. В вопросе сохранения элементов традиционной культуры наметилась следующая тенденция: у местных жителей сохраняются отдельные элементы крестьянского быта, костюма, старинные предметы. Благодаря энтузиазму краеведов удаётся собирать небольшие частные коллекции. К сожалению, описательная часть коллекций о месте находок или принадлежности к конкретному лицу в таких музеях слабая, однако каждый из музеев даёт новый материал для научного изучения традиционной культуры.

Список литературы

1. В Ядринском округе открыли экспонат будущего мемориального комплекса // Чувашия медиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chuvashia.media/news/v-yadrinskoy-okruge-otkryli-odin-iz-ekspozitsionnykh-budushhego-memorialnogo-kompleksa/> (дата обращения: 25.11.2024).
2. Музей натурального хозяйства крестьянского быта XIX в. // Культура.РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/institutes/65366/muzei-naturalnogo-khozyaystva-chuvashskogo-krestyanina-xix-veka> (дата обращения: 25.11.2024).
3. Памятники деревянного зодчества Шумерлинского района / авт.-сост. А.Н. Пояндаев. – Шумерля, 2007.
4. Федулов М.И. Этноархеологические аспекты средневековой истории чувашского народа / М.И. Федулов // Чуваш: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. мат. Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рожд. П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 141–147. EDN UFPCKR

Щанкина Любовь Николаевна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ МОРДВЫ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье исследуются похоронно-поминальные обряды мордвы, проживающей в селе Калиновка Сорокинского района Тюменской области. Особое внимание уделяется структуре данных обрядов, которая включает три основных этапа: действия, совершаемые над умершим; погребальные обряды и последующие поминальные ритуалы. Материалами для анализа послужили этнографические источники, в частности полевые материалы, собранные автором в 2009 году.

Ключевые слова: мордва, переселенцы, село Калиновка, Тюменская область, похоронно-поминальные обряды.

Мордовский этнос села Калиновка Ишимского уезда (ныне Сорокинского района Тюменской области) не является коренным населением региона. В 1924 г. мордва основала это поселение. Они были выходцами из деревень д. Старая Потьма, Старое Зайцево Краснолободского района, Курташки Атюрьевского района, Толковка и Рыбкино Ковылкинского района Мордовии [1, с. 6–8]. В условиях оторванности от основного массива своего этноса мордва успешно адаптировалась к новым природным, этнокультурным и социально-экономическим условиям проживания в Сибири, сумела сохранить этническое самосознание, язык, особенности материальной и духовной культуры.

У мордовского населения было поверье, что перед смертью человека дома зажигали свечу, чтобы его «уход» в иной мир был лёгким. На подоконник ставили воду, которую позже выливали в «чистое место», а догорающие свечи, которые раньше относили в церковь, теперь сжигают в печи, но не выбрасывают. Когда бросали в печь, говорили следующие слова: «Святой огонь будь на месте, куда поставила, туда и садись, везде не выскакивай». Это делалось для того, чтобы покойник не «вернулся» и для защиты от пожаров. Для облегчения страданий тяжело умирающего человека открывали двери.

Через некоторое время после смерти умершего начинали обмывать. В с. Калиновка этим занимались, как правило, пять человек. Участников обряда одаривали: мужчинам вручали рубашки и полотенца (семьи победнее могли подарить носовые платки), женщинам – платья, платки и другие вещи. Воду, оставшуюся после обмывания, выливали снаружи дома под «святой» угол (с правой стороны в переднем углу) или под кусты. Мыло, использованное в обряде, иногда забирали, считая его целебным: им мыли руки и ноги для предотвращения болезней. Также целебными свойствами наделяли платок, который был на голове у умершей (его использовали для лечения головной боли) [ПМА: Шутова].

Одежду для покойника готовили обязательно чистую и новую, предпочтительно сшитую вручную. Например, М.Г. Шутова сама сшила сарафан, пояс, а также купила платок, полотенце для спуска гроба (нардама котф) и церковное покрывало [ПМА: Шутова].

Голову женщины покрывали сначала маленьким белым платком, а поверх него повязывали платок побольше, завязывая его под подбородком. Девушку хоронили либо в одном платке, либо в фате, а мужчину – без головного убора. Во время одевания покойника с ним разговаривали, призывая его не упрямиться, одеваться покорно и помогать тем, кто его одевал.

Традиционно до изготовления гроба тело усопшего клали на лавку или доски, установленные на табуретах. Раньше гробы делали из сосны, сейчас их обычно покупают. В селе Калиновка над гробом также сооружают полати из сосны. Существует обычай перед помещением тела в гроб окуривать его ладаном для «изгнания бесов». Внутри гроба кладут стружки, оставшиеся от изготовления досок, или же сухие венки и листья, которые затем покрывают белым материалом. Подушку для покойного шьют вручную из белой ткани, при этом в правый, левый углы и под затылок вшивают по чёрному крестику. Тело накрывают специальным церковным покрывалом для усопших или обычным белым полотном. Руки покойника складывают на груди: в правую руку вкладывают носовой платок и «Писание». На лоб кладут церковный венчик. Обувь (туфли или тапочки) для усопшего должна быть новой [ПМА: Левин, Левина].

Народные традиции прощания с умершим включают различные обыряды и суеверия. Например, считалось, что если у покойного приоткрыты глаза, это может предвещать скорую кончину кого-то из близких, так как он ищет «спутника». Во время похорон было принято говорить: «Прощай, иди с Богом, а мы придем, как наш срок настанет». Использование фразы «До свидания» строго возбранялось, чтобы избежать «явления» покойника живому человеку. Чтобы побороть страх, существовал обычай касаться ног усопшего. Поминование усопшего, явившегося во сне, также следовало определённым правилам: пекли блины на помин души, молились за упокой в храме и ставили свечи [ПМА: Зайцева].

Согласно обычаю, тело покойного находится в доме двое суток. Рядом с гробом постоянно находятся родные и близкие, молятся, и никто не спит. На ночь лицо усопшего зарывают светлой тканью, а крышка гроба выставляется за ворота дома до похорон, назначенных на третьи сутки [ПМА: Никитин].

Время проведения похорон чаще всего назначают на первую половину дня. Перед выносом тела из дома обычно читают молитвы или исполняют песнопения, например, «Вечную память». Тело усопшего традиционно выносят из дома ногами вперёд. Во время шествия люди соблюдают тишину, выражая скорбь, иногда могут звучать молитвы. Обряд захоронения включает рытьё могилы длиной около двух метров. Так как в Калиновке вокруг болота, дно могилы сначала укрепляют палками и камышом. Гроб опускают на длинных полотенцах, которые затем делят между копальщиками (каждому по 2 метра). Все, кто пришёл попрощаться, кидают по три горсти земли и говорят: «Прости и благослови нас, пусть земля тебе будет пухом». Памятник принято устанавливать в ногах усопшего, чтобы, согласно поверью, «когда он захочет встать, было бы за что ухватиться руками и подняться» [ПМА: Преснякова].

Религиозные предписания и этнические традиции устанавливают обязательные поминальные обряды в день похорон, на 9-й и 40-й день после смерти, по истечении полугода, года и трёх лет. Дополнительно в селе Калиновка могли проводить поминания на 20-й день и вторую годовщину.

В день похорон принято, чтобы все, кто провожал покойного в последний путь на кладбище, затем присутствовали на поминках. Организацией

стола занимаются знакомые и дальние родственники, которые не участвовали в похоронной процессии на кладбище. Застолье проводится без вилок и ножей – только ложки. На поминках в ключевые дни (1-й, 9-й, 40-й) обязательно подают ритуальные блюда: кутью, блины и хлеб (копша). В с. Калиновка также подают холодец и пироги. Трапеза начинается с кутьи и яйца, затем следуют щи, молочная каша и кисель. В постные дни меню соответствующее; готовят позу, квас. За стол первыми приглашают пожилых людей для чтения молитв. Принято помогать с готовкой поминальной пищи и приносить с собой продукты для общего стола [ПМА: Зайцева].

Самые большие поминки устраивали на сороковой день. В с. Калиновка в этот день «проводжали душу» так: выносили на тарелке продукты, наливали в стакан квас, ставили на стул и начинали оплакивать, а также читать молитвы. Затем продукты крошили и отдавали птицам, веря, что так для покойника будет лучше и благотворно повлияет на состояние покойника.

Накануне всех поминок обязательно топили родительская баню. В ней говорили: «Кода минь парятама, стане и тиньге паряда, ару лямбе ведняса штада, равжа шапнеть каясть, акшенетнеть шайть» («Как мы паримся, так и вы помойтесь, чистой теплой водой, снимите грязную одежду, наденьте новую»). Таким образом, «меняли» одежду покойника. Его вещи выносили из дома на могилу, чтобы «вывести дух» умершего из жилища (согласно выражению куженц лихтихть) и передавали родственникам или знакомым.

На сороковой день поминок участникам раздавали столовые приборы в память об усопшем и после трапезы «крестили» их ножом. Чашки затем использовали на других поминках, принося в них угощения (пироги, конфеты, пряники и т. д.), которые складывались на общий поминальный стол. Специальный набор (ложка, миска, бокал) готовили и для самого покойного [ПМА: Шутова].

В дни поминовения усопших принято посещать могилы близких и оставлять угощения (еду, питьё). Согласно поверьям, если птицы склевывали приношения, это воспринимается как хорошая примета, символизирующая насыщение душ умерших. Также на могиле принято всегда держать кружку, тарелку, расположенные возле памятника.

В целом похоронно-поминальные обряды мордвы Тюменской области представляют сложную систему верований и ритуалов, где языческие воззрения (например, приглашение в баню, угощение души умершего) тесно сосуществуют с элементами православной традиции (отпевание в церкви, молитвы, установка креста на могиле). Эти обряды направлены на то, чтобы обеспечить душе умершего «нормальное» существование в ином мире и зачеркнуть её покровительством.

Полевой материал автора (ПМА).

1. Зайцева Марина Федоровна, 1926 г.р., с. Калиновка.
2. Никитин Иван Егорович, 1933 г.р., с. Калиновка.
3. Левин Михаил Григорьевич, 1938 г.р., с. Калиновка.
4. Левина Ефросинья Андреевна, 1939 г.р., с. Калиновка.
5. Преснякова Валентина Семеновна, 1963 г.р., с. Калиновка.
6. Шутова Мария Григорьевна, 1936 г.р., с. Калиновка.

Список литературы

1. Никонova Л. И. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Ч. 1: Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / Л.И. Никонova, Л.Н. Щанкина, Ж.В. Шерстобитова; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. – Саранск, 2009. – 112 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Агеева Наталья Николаевна

канд. ист. наук, доцент

Сорокина Александра Александровна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАЛОМНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ЧУВАШСКОЙ МИТРОПОЛИИ ПО РАЗВИТИЮ ПАЛОМНИЧЕСТВА В ЧУВАШИИ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос деятельности Чувашской Митрополии по развитию паломничества в республике. Основное внимание уделено работе Паломнического отдела Чебоксарской епархии и его руководителя иеромонаха Феодосия. Дана характеристика основных направлений деятельности отдела, рассмотрены формы организации религиозных поездок, выделены наиболее популярные туры у верующих Чувашии. Дан анализ перспектив развития паломнической деятельности в регионе.

Ключевые слова: православное паломничество, Чувашская Митрополия, Паломнический отдел, иеромонах Феодосий (Аксенов).

Развитие паломничества в православии имеет глубокие корни, в том числе и в России [2]. Однако десятилетия атеистической пропаганды и тотальных запретов в годы советской власти привели к прерыванию древней традиции. Только с 1990-х гг. по всей стране стали открываться новые храмы, восстанавливалась приходская жизнь, вместе с этим возрастал интерес к религиозному наследию и святыням. Стали возрождаться и традиции православного паломничества.

К началу 2000-х годов во многих регионах России уже существовали специальные отделы при епархиях, которые занимались организацией поездок верующих к святым местам [5, с. 150]. Их деятельность показала, что паломничество интересно людям и такой опыт надо развивать. Паломнический отдел Чебоксарской епархии Чувашской митрополии был создан в январе 2013 года. Его работа направлена на организацию религиозных поездок и духовное просвещение верующих. Отдел помогает объединить в себе духовную и организационную сторону таких путешествий, сделать их не просто туристическими, но и осмысленными и духовно наполненными. Паломнический отдел стал важным шагом в развитии церковной жизни региона [8].

Вскоре после создания был сформирован коллектив отдела, в который вошли как представители духовенства, так и миряне. Руководителем отдела с момента его основания является иеромонах Феодосий (Андрей Васильевич Аксенов), настоятель храма Владимирской иконы Божией Матери села Анат-Киняры Чебоксарского муниципального округа, кандидат богословия (кандидатская диссертация была защищена в Санкт-Петербургской Духовной Академии в 2024 г. на тему «Богословие схииерхимандрита Софрония (Сахарова) в контексте неопатристического синтеза») [7].

С первых лет своего существования это подразделение епархии начало активно работать. Появились паломнические поездки по Чувашии, а также в крупные религиозные центры такие как Москва, Дивеево, Раифа и другие. Для информирования паломников и распространения сведений о православных святынях был создан официальный сайт отдела, где публикуются актуальные программы паломнических поездок, отчёты о прошедших путешествиях, контакты организаторов, памятки для паломников [8]. Со временем сотрудники отдела также начали использовать и социальные сети для общения с верующими и распространения информации о своей деятельности [6].

Паломнический отдел стал важным звеном в жизни православных верующих нашего региона. Он является единственной церковной некоммерческой паломнической службой в Чувашской митрополии. Его сотрудники не просто организуют туристические поездки, а помогают людям лучше почувствовать духовную сторону таких путешествий. Они всегда готовы помочь и ответить на интересующие вопросы, касающиеся паломничества. На сайте отдела можно ознакомиться с отзывами людей, которые были участниками организованных отделом религиозных поездок.

Паломнический отдел занимается организацией поездок как по России, так и за рубеж. Предлагаемые туры подходят разным людям: как постоянным прихожанам, так и тем, кто только начинает интересоваться религией. Регулярно организуются паломнические поездки к православным святыням центральной России. Наиболее частыми направлениями стали поездки в такие известные центры русского православия, как Дивеево, Оптиная Пустынь, Шамордино, Троице-Сергиева Лавра, Толгский монастырь, Валаамский архипелаг. В последние годы также становятся популярными более долгие поездки. Например, тур в Соловки, где паломники посещают Спасо-Преображенский монастырь, а также другие святыни [8].

Организация таких поездок, как правило, очень хорошо проработана. Оперативно решаются все вопросы с транспортом, питанием, проживанием. Большинство маршрутов рассчитаны на 2–3 дня, однако некоторые паломничества могут продолжаться и значительно дольше.

Пандемия ковида естественно негативно отразилась на развитии паломничества, как и всей туристической индустрии. Более того, не удалось реализовать ряд уже оплаченных туров, особенно зарубежных, с большими финансовыми потерями [3]. Но в последние годы работа отдела была восстановлена. Однако в связи с закрытием границ активизировались прежде всего внутрисерийские маршруты. Так, только в 2025 г. состоялась серия поездок в Дивеево и Арзамас, Оптину пустынь и Шамордино, на Валаам, в Тихвин, Александрово-Невскую Лавру и Валдай, в Крым.

Важным направлением остаются паломничества в честь православных праздников. Например, поездка в посёлок Первомайский Алатырского района на День памяти новомучеников и исповедников Чувашских. Это мероприятие имеет особое значение для православных верующих региона. Так, 29 июня 2025 года в день памяти Собора святых Чувашской митрополии «Преосвященнейший Феодосий, епископ Алатырский и Порецкий сослужил главе Чувашской митрополии – митрополиту Чебоксарскому и Чувашскому Савватию за Божественной Литургией под открытым небом на месте массовых расстрелов и захоронения жертв политических репрессий близ п. Первомайский» [1]. По окончании Литургии глава Чувашской митрополии сердечно поблагодарил всех собравшихся в этот день за радость соборной молитвы и поздравил всех с праздником. Затем митрополит Савватий обратился со словами проповеди и преподал благословение всем желающим. Подобные мероприятия с участием главы Чувашской митрополии неизменно привлекают большое количество верующих.

Популярностью пользуются поездки в Дивеево на Крещение Господне (18–19 января), включающие участие в литургии, купание в источнике и посещение Канавки Серафима Саровского. Особое место занимают поездки в Москву – в Покровский монастырь к мощам святой Матроны Московской и в Главный храм Вооружённых Сил РФ в Кубинке.

Каждое паломничество имеет чётко составленную программу: время и место отправления и прибытия, маршрут, посещаемые святыни, экскурсии. Записаться на поездку можно заранее по контактному номеру, размещённому на сайте Паломнического отдела [8]. Программы составлены так, чтобы каждый желающий мог присоединиться к поездке, независимо от возраста и уровня дохода. Паломнический тур обязательно «включает в себя не только посещение и осмотр храмов, монастырей, святых мест, но и реальное участие паломника в религиозной жизни храма или монастыря, возможность посещать богослужения» [5, с. 151].

Многие паломнические маршруты проводятся в пределах России, что позволяет укреплять внутренний туризм. Паломнические службы способствуют развитию социальной и экономической жизни регионов, так как для организации поездок требуется сотрудничество с транспортными компаниями, гостиницами, монастырями, храмами. Каждая поездка тщательно продумывается: маршруты выбираются так, чтобы участники могли познакомиться с историей, культурой и традициями православия. Паломничество объединяет религиозную и культурно-просветительскую цели. «При посещении святых источников и мест человек узнаёт об истории и духовных обычаях монастырей и церквей, специфике богослужения, подвижниках благочестия, чья деятельность и жизнь была связана со святынями, которые входили в паломнический маршрут» [2].

Важную роль в деле возрождения религиозного паломничества играют современные технологии предоставления услуг в организации богомолья и специальная инфраструктура путешествий, которые должны создать и освоить представители церковных структур в России. «Высокий уровень предоставляемых услуг не противоречит содержанию религиозного паломничества, потому что они не затрагивают внутренней сути этой древней традиции и отражают лишь определённый культурный уровень современного общества, неотъемлемые социальные гарантии для людей, а

также требования безопасности. Возможность же проявить личное благочестие для каждого паломника в святом месте всегда найдётся» [4].

Главными препятствиями для развития полномасштабной паломнической и туристской деятельности в нашей стране являются: «дефицит информации о святых и достопримечательных местах и религиозных маршрутах, нехватка воцерковлённых и подготовленных гидов-переводчиков и квалифицированных экскурсоводов, а также недостаточный уровень связи и координации между государственными и туристскими организациями. Недостаточно привлекается для финансирования и организации религиозного туризма и паломничества российский крупный бизнес» [4].

Интерес к духовной жизни и православной культуре в последние годы заметно растёт. В связи с этим развитие паломнической деятельности в Чувашской Республике имеет хорошие перспективы. Люди всё чаще стремятся путешествовать ради укрепления веры, знакомства с религиозным наследием. В этом плане Паломнический отдел Чебоксарской епархии играет ключевую роль для создания условий участия верующих в духовных путешествиях.

Перспективы развития паломничества в регионе связаны, прежде всего, с увеличением количества организованных поездок и расширением географии маршрутов. На сегодняшний день отдел предлагает достаточное количество поездок по святым местам России. Появление новых направлений поездок по соседним регионам позволит объединить духовные, культурные и исторические аспекты.

Ещё одним важным направлением развития может стать создание новых локальных маршрутов по территории Чувашии. В республике немало храмов, монастырей и памятных мест, связанных с историей православия и подвигом новомучеников.

Также одним из вариантов развития паломничества может послужить сотрудничество с образовательными учреждениями. Религиозно-просветительские поездки для школьников и студентов помогут приобщить их к традициям православия. Духовные беседы будут развивать интерес к истории и культуре родного края.

Таким образом, Паломнический отдел Чебоксарской епархии за двенадцать лет своего существования проделал большую работу. Благодаря его деятельности паломничество получило устойчивое развитие в республике, стало более организованным. Паломнический отдел Чебоксарской епархии стал важным звеном духовной жизни Чувашии, который помогает сохранять традиции и передавать ценности православия новым поколениям.

Список литературы

1. Алатырская епархия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alathia.ru/news/arkhiereyskoe-sluzhenie/9015/> (дата обращения: 25.10.2025).
2. Ершов Б.А. Динамика развития современного религиозного паломничества в России / Б.А. Ершов // Вестник ВГУ. – 2014. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-sovremennogo-religioznogo-palomnichestva-v-rossii> (дата обращения: 25.10.2025).
3. Интервью с иеромонахом Феодосием (Аксеновым) // С нами Бог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-10490292_62538 (дата обращения: 25.10.2025).

4. Житенёв С.Ю. Религиозный туризм и паломничество в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития / С.Ю. Житенёв // Журнал Института наследия. – 2016. – №1(4) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-turizm-i-palomничество-v-rossiyskoy-federatsii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 25.10.2025).

5. Оборин М.С. Религиозный туризм как особый вид деятельности / М.С. Оборин // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14. №2(89). – С. 147–156. DOI 10.24411/1995-042X-2020-10213. EDN JYVQVO

6. Паломнический отдел Чувашской митрополии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/club52685639> (дата обращения: 25.10.2025).

7. Чувашская митрополия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chebparhia.ru/info.aspx?org=1&type=news&id=87753> (дата обращения: 25.10.2025).

8. Чувашская митрополия. Паломнический отдел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://putnik.cerkov.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).

Гаврилов Александр Олегович

аспирант, ассистент

Гаврилов Олег Елизарович

канд. геогр. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СВЕДЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ДЕЙСТВИЯХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Аннотация: в статье исследуется деятельность Нижегородской губернской учёной архивной комиссии (НГУАК) с момента её основания в 1887 году. Основное внимание уделяется этнографическим и историческим исследованиям нерусских народов Поволжья (чувашей, татар, мордвы, марийцев), проводившимся сотрудниками комиссии. В работе выделены ключевые направления этих изысканий – историческая география и культурная история, а также оценена роль НГУАК как центра краеведения и хранения историко-культурного наследия региона.

Ключевые слова: Нижегородская губернская ученая архивная комиссия, НГУАК, народы Поволжья, этнография, чуваш, мордва, марийцы, татары, культура Поволжья, действия НГУАК.

Статья выполнена в рамках гранта ЧГУ им. И.Н. Ульянова «Трансформации этнической культуры чувашей: исторический опыт и современные тенденции».

Особое место в истории российского краеведения и архивного дела занимает Нижегородская губернская учёная архивная комиссия (НГУАК). Возникнув в 1884 году по указу Александра III, она с самого начала была призвана стать не просто административной структурой, а подлинным центром научной и культурной жизни. Инициатива её создания принадлежала выдающемуся историку Николаю Калачову, чья реформа была

направлена на спасение бесценных архивных документов на территории Нижегородской губернии.

Деятельность комиссии была чрезвычайно многогранна. Её сотрудники вели кропотливый поиск и описание исторических источников, исследуя архивы различных городов и частные коллекции письменных документов. Они не ограничивались простым собирательством, а активно изучали, а также публиковали свои материалы, тем самым вводя в научный оборот огромный пласт исторических письменных источников.

В результате за три десятилетия плодотворной деятельности НГУАК удалось собрать колоссальный массив письменных источников по истории, этнографии и культуре Нижегородского края и опубликовать многочисленные труды. Преодолевая различные трудности при сборе материалов и подготовке публикаций, сотрудники комиссии неизменно находили силы и ресурсы для продолжения этой важной работы [1].

Изначально главной задачей комиссии являлись разбор, описание и систематизация документов Нижегородской губернии, которые, несмотря на истечение официальных сроков хранения, обладали несомненной исторической ценностью. Однако очень скоро её деятельность вышла далеко за эти рамки. Комиссия смогла объединить вокруг себя наиболее образованных и преданных науке людей. В её рядах состояли такие выдающиеся личности, как А.С. Гациский, В.И. Снежневский, профессора Н.И. Драницын и А.Я. Садовский, писатели А.П. Мельников и В.Г. Короленко, архимандрит Макарий (Миролюбов), а также представители дворянства и купечества, оказывавшие учреждению финансовую поддержку.

Деятельность НГУАК была чрезвычайно многогранной. Комиссия спасла от гибели тысячи уникальных документов XVII–XIX веков: судебные дела, ревизские сказки, материалы органов самоуправления. Был создан Губернский исторический архив, ставший основой для будущего государственного архива Нижегородской области. В некоторых томах изданий Комиссии были опубликованы статьи В.К. Магницкого, который активно занимался в те годы изучением народов Поволжья. Он не был членом ученой архивной комиссии, но активно с ней сотрудничал [8; 9]. В своей работе «Нечто о чувашах, татарах и мишарях», которая была опубликована в третьем томе Действий архивной комиссии, исследователь попытался установить точное происхождение этнонимов изучаемых народов Поволжья [8; 9]. Исторические данные в пользу самоназвания исследуемого народа еще сильнее убеждали Магницкого в правильности его точки зрения [2].

В.К. Магницкий проделал огромную работу по систематизации и анализу архивных документов, касающихся истории народов Поволжья. Его научные труды по истории, этногенезу и религиозным верованиям чувашей имеют большую научную ценность. Он одним из первых систематизированно подошел к изучению чувашской культуры в контексте их исторических связей с другими тюркскими и финно-угорскими народами.

В своей статье «Нечто о чувашах, татарах и мишарях» В.К. Магницкий указывает, что в официальных документах XVI–XVII веков существовала путаница в названиях народов Поволжья. Согласно его исследованиям, низовые чувашы (анатри) в актах часто именовались «татарами», а верховые чувашы (тури), проживавшие на правобережье Суры, фиксировались как

«черемисы» (марийцы) или «горная черемиса». Учёный полагает, что причинами такой подмены этнонимов послужили внешнее сходство в традиционной одежде чувашей и марийцев, а также низкая этнографическая грамотность царских писцов, что привело к путанице в этнонимах.

С 1888 года Нижегородская учёная архивная комиссия (НГУАК) приступила к публицистике и изданию сборников «Действия НГУАК». В них публиковались протоколы заседаний, научные доклады, исторические документы, отчёты об археологических изысканиях и библиографические обзоры. Всего было издано 17 томов, которые и сегодня остаются ценнейшим источником для историков и краеведов. Помимо издательской деятельности, комиссия активно организовывала и финансировала археологические раскопки на территории Нижегородской губернии, исследуя курганы, городища и селища. Значительный вклад в это направление работы внёс А.А. Титов, изучавший памятники Волжской Булгарии. Ценные сведения по истории и культуре нерусских народов региона также содержатся в многочисленных статьях членов комиссии, опубликованных на страницах «Действий НГУАК» [6; 7; 10; 12].

Анализ материалов, опубликованных в «Действиях НГУАК», показывает, что в них содержатся данные по истории и хозяйственной деятельности нерусских народов Поволжья. Присутствуют также ценные наблюдения, касающиеся колонизации, процессов обрусения и христианизации данного региона. Важно отметить, что большая часть сотрудников архивной комиссии специально не ставили своей целью изучение вопросов истории и этнографии нерусских народов Поволжья [5; 11].

Работа Нижегородской ГУАК была прервана революцией 1917 года. В 1918 году она была упразднена, а её архив и музейные коллекции национализированы. Однако её наследие оказалось неоценимым, благодаря комиссии был сохранён гигантский массив исторических источников, без которого современное изучение истории народов Поволжья было бы невозможно. Созданные ею музей и архив продолжают работать по сей день, являясь главными хранилищами историко-культурной памяти региона. НГУАК выработала комплексный подход к краеведению, сочетающий работу с архивами, археологию, этнографию.

Нижегородская губернская учёная архивная комиссия – блестящий пример того, как усилия группы энтузиастов могут оказать серьёзное влияние на развитие этнографической и исторической наук. Их бескорыстный труд по сохранению этнографических сведений заслуживает самой высокой оценки.

Список литературы

1. Ветринский М.Н. Архивные комиссии / М.Н. Ветринский // Голос минувшего. – 1913. – №2.
2. Гаврилов О.Е. Издание Нижегородской губернской ученой архивной комиссии как источник по изучению нерусских народов Поволжья / О.Е. Гаврилов // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сб. статей. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2014. – С. 66–70.
3. Демьянов Г.Н. В лесах Балахнинского уезда / Г.Н. Демьянов // ДНАК. – Т. 1. – С. 410–415.
4. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. – Н. Новгород: Изд-во архивной комиссии, 1887–1909. – Т. 1–16.

5. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма / В.Д. Димитриев. – Чебоксары, 1986. EDN WCAKMX
6. Доброхотов И.М. Мордовское село Кавресь / И.М. Доброхотов // ДНАК. – Т. 1. – С. 25–26.
7. Звездин А.И. И нарече имя ему новь град Нижний / А.И. Звездин // ДНАК. – Т. 1.
8. Магницкий В.К. К истории «присурских чуваш, черемис, мордвы...» / В.К. Магницкий // ДНАК. – Т. 5. – Вып. 1.
9. Магницкий В.К. Нечто о чувашах, татарах и мишарях / В.К. Магницкий // ДНАК. – Т. 3. – Вып. 18. – С. 43–45.
10. Савельев А.А. Старинные акты церковные земли при селе Моляксе Ардатовского уезда Нижегородской губернии / А.А. Савельев // ДНАК. – Т. 1. – С. 110–112.
11. Снежневский В.И. Генеральное межевание земель и несколько сведений о характере землевладения в Нижегородском крае в XVI–XVIII вв. / В.И. Снежневский // ДНАК. – Т. 3. – С. 38–41.
12. Эйнгорн В.О. К истории обрусения мордвы / В.О. Эйнгорн // ДНАК. – Т. 1. – С. 103–105.

Григорьев Александр Дмитриевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-151873

ИЗМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье предпринята попытка рассмотреть вопросы деятельности налоговых органов Чувашской АССР как в годы Великой Отечественной войны, так и в довоенный период, а именно, увеличение объемов средств, взимаемых с населения в период перехода финансовой системы на военные рельсы. Автором дан анализ существующей в годы Великой Отечественной войны системы налогообложения, связанной с введением новых налогов и сборов, а также механизма деятельности налоговой службы и эффективности его работы.

Ключевые слова: Чувашская АССР, Великая Отечественная война, налог, налоговая политика, военный налог, налогообложение, тыл в годы войны, военные нужды.

Начало Великой Отечественной войны существенным образом изменило задачи, которые встали перед советской экономикой; в первую очередь необходимо было реформировать существовавшую ранее финансовую систему, так как со всей остротой проявилась необходимость перехода всей экономики на военные рельсы. Это неизбежно меняло как условия работы, так и характер встававших производственных заданий, а также их значимость и сроки исполнения. В годы Великой Отечественной войны значение получаемой населением заработной платы как основного экономического рычага было ослаблено существованием в СССР карточной системы.

В работе Народного комиссариата финансов Чувашской АССР, как и исполкомов районных и городских советов в период Великой Отечественной войны, имели место случаи нарушения налогового законодательства [3, л. 9]; это существенным образом сказывалось на уровне жизни наименее обеспеченной части населения республики, с этой целью руководством государственных органов предпринимались действенные меры для улучшения работы финансовых органов.

Именно начальный период войны стал самым сложным для экономики страны. Огромные трудности упали на финансово-кредитную систему государства в конце 1941 г. и начале 1942 г. Именно тогда происходят кардинальные изменения в структуре госбюджета, которые привели к существенному снижению удельного веса доходов от предприятий промышленного сектора; в то же самое время идёт рост доли поступлений за счёт добровольных (займы) и обязательных (налоги) платежей, которые поступали от населения и которые до начала войны составляли всего 5% от налогов и сборов. В период Великой Отечественной войны этот показатель увеличился в три раза [11, с. 98], а в 1943 г. он составил 30,8% [9, с. 350].

С началом войны рост налоговых поступлений осуществлялся за счёт введённой стопроцентной надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогам, что говорит об изменениях, которые государство проводило в финансовой системе. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1941 г. «О временной надбавке к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения» [8] устанавливалась стопроцентная надбавка к сельскохозяйственному налогу. Следует подчеркнуть, что были предоставлены льготы в размере 50% для хозяйств колхозников и единоличников, где имелся гражданин, находившийся на военной службе и призванный по мобилизации. При наличии двух и более военнослужащих хозяйства были полностью освобождены от вводимой надбавки. Для рабочих и служащих временная надбавка к подоходному налогу распределялась следующим образом: при месячной зарплате от 300 руб. и до 500 руб. – 50% к сумме налога, предъявленного к уплате; при доходе меньше 300 руб. граждане освобождались от уплаты надбавки; со всех других категорий граждан взималось 100% к сумме налога. Переход к удержанию подоходного налога с надбавкой был осуществлён со второй половины июля 1941 г.

Система налогового обложения сельского хозяйства, которая в целом сложилась в довоенный период, в условиях начавшейся войны нуждалась в существенных изменениях. Связано это было с тем, что размер налога на хозяйство перед войной главным образом определялся по наличию объектов. С началом же войны ключевым стало именно количество работоспособных лиц, что и стало важным фактором, связанным с увеличением объёма планируемых к поступлению налогов. Именно эта ситуация была коренным образом изменена с введением в 1942 г. военного налога в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 29 декабря 1941 г. [13, с. 169–172]. В основу военного налога был положен принцип подушного обложения, что значительно образом увеличило количество лиц, которые должны были его уплачивать. К уплате были привлечены все граждане Советского Союза, которым на 1 января 1941 г. уже исполнилось 18 лет. От военного налога были освобождены все

военнослужащие, а также члены их семей, которые получали государственное пособие, инвалиды I и II групп, мужчины от 60 лет и женщины от 55 лет, которые не имели дополнительного дохода. Для граждан, находящихся в эвакуации и работающих в колхозе, были предусмотрены льготы: так, они оплачивали военный налог в размере 100 руб. в год. После того как данный налог был введён, утратили силу надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогам [13, с. 172].

Таблица 1

Значение величины военного налога
от получаемого гражданами годового дохода [13, с. 170]

Доход (в рублях)	Сумма налога (в рублях)	Доход (в рублях)	Сумма налога (в рублях)
До 1800	120	10800	1020
2400	180	12000	1140
3600	240	14400	1320
4800	360	16800	1560
6000	480	19200	1800
7200	660	21600	2040
8400	780	24000	2280
9600	900	Свыше 24000	2700

В условиях военного времени руководство страны стремилось к функционированию прогрессивной шкалы налогообложения, так как она могла учитывать материальные интересы малообеспеченных граждан. При освобождении гражданина от призыва и мобилизации по различным причинам ставка введённого военного налога для него автоматически увеличивалась на 50%.

Следует отметить, что ставки военного налога для рабочих и служащих в тот период начислялись в строгой зависимости от размеров доходов, на селе вводились фиксированные ставки налога: так, жители села вынуждены были оплачивать налог размером от 150 до 600 руб. в год с каждого члена хозяйства. 30 января 1942 г. СНК ЧАССР были утверждены ставки военного налога с каждого члена хозяйства колхозника и единоличника по всем районам Чувашской АССР, тем самым ставки налога на селе дифференцировались не по социальному признаку, а по территориальному. Размер налога теперь зависел в первую очередь от среднего дохода, который получал один колхозный двор на территории Чувашской АССР. Различные размеры ставок в зависимости от районов республики были обусловлены существующей разницей в стоимости товаров, получаемых от сельского хозяйства [2, л. 5]. Ежегодно ставки налога повышались в связи с имеющейся в этот период инфляцией [1, л. 2–3]. С введением данной схемы налогообложения было увеличено количество тех, кто стал уплачивать военный налог, – это в первую очередь те граждане, кто ранее не работал по найму, но при этом являлся трудоспособным.

Введённый военный налог в период Великой Отечественной войны составил в Поволжье более 50% всех поступлений от налогов [10, с. 50–51].

Он просуществовал до окончания 1945 г. Постановлением СНК СССР от 1 ноября 1945 г. «О сроках отмены взимания военного налога» он был упразднён на территории СССР с 1 января 1946 г. [7, л. 28].

Указом Президиума ВС СССР от 21 ноября 1941 г. был введён налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан [12, с. 304–305]; данный налог начал действовать с 1 октября 1941 г. Налогом облагались как одинокие, так и семейные граждане, не имеющие детей. Это были мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины от 20 до 45 лет. Были освобождены от налога учащиеся средних и высших учебных заведений, военнослужащие и их супруги. Налог взимался из зарплаты рабочих и служащих, ставка его составила: до 150 руб. – 5 руб., свыше 150 руб. – 5% от получаемого заработка.

В связи с принятым Указом Президиума ВС СССР от 8 сентября 1944 г. ставка военного налога была повышена до 6% от дохода тех, у кого не было детей. Колхозники и единоличники платили 150 руб. в год, при наличии одного ребёнка – 50 руб., двух детей – 25 руб. От налога была освобождена категория граждан, у которых дети погибли или без вести пропали в ходе боевых действий.

После введения военного налога и осуществления пересмотра норм доходности по сельскохозяйственному налогу на основании Указа Президиума ВС СССР от 9 января 1943 г. отменялись сборы, введённые постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 января 1934 г. на нужды жилищного и культурно-бытового строительства [13, с. 190].

В действовавшие до войны налоги были внесены серьёзные изменения, что имело целью увеличить для государства бюджетные поступления. С началом Великой Отечественной войны происходил значительный рост цен, что привело к увеличению доходов колхозников от своего хозяйства. Так, при обложении сельскохозяйственным налогом облизполкомы теперь могли менять районные нормы доходности для отдельно взятых селений в пределах, установленных законом, 30%, как в сторону увеличения, так и уменьшения; это могло зависеть в частности от имеющегося расстояния населённого пункта от рынка сбыта продукции сельского хозяйства и получаемого дохода от торговли [11, с. 100].

С началом войны также подверглись существенному пересмотру и размеры налогов. По введённой ещё до начала Великой Отечественной войны шкале прогрессия ставок при имеющемся годовом доходе с хозяйств могла составлять до 4000 руб. Теперь в соответствии со статьёй 8 инструкции Народного комиссариата финансов СССР «О сельскохозяйственном налоге» с хозяйств, имеющих доход от личного подсобного хозяйства, налог исчислялся с годовой суммы облагаемого дохода и варьировался до 8000 руб. [4, л. 11]. Это повысило налоговые платежи колхозников и единоличников с более крупными доходами.

Президиумом ВС СССР 10 апреля 1942 г. был принят Указ «О местных налогах и сборах», в соответствии с ним происходило повышение ставок существующих налогов [12, с. 306]. В соответствии с Указом в ведение городских и районных Советов депутатов переходило взимание таких платежей, как сбор с владельцев скота и государственный налог на лошадей, налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, с единоличных хозяйств – сбор с владельцев транспортных средств.

Согласно обозначенному Указу, также взимался налог с имеющихся строений жилого фонда кооперативных предприятий, учреждений и организаций в размере 0,5% от стоимости строений, с остальных строений – в размере 1% от стоимости построек. Следует заметить, что городские налоги подверглись меньшим изменениям, чем сельские.

Основным показателем проводимой государством налоговой политики являлся бюджет региона. Так, например, бюджет ЧАССР в годы Великой Отечественной войны состоял из следующих показателей (см. табл. 2) [5, л. 49].

Таблица 2

Исполнение бюджета Чувашской АССР в 1941–1944 гг. (тыс. руб.)

1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.	
Доходы	Расходы	Доходы	Расходы	Доходы	Расходы	Доходы	Расходы.
147826	143896	149725	141925	151893	136201,5	163468,3	163216,1

Приведённые данные говорят о выполнении налоговой политики, проводимой региональными властями. Однако, как показывают факты, имелись недопоступления в бюджет республики по налоговым платежам с населения, проживающего в сельской местности. Для ликвидации налоговой задолженности в республике неоднократно осуществлялось проведение месячников [6, л. 24]. Можно констатировать, что региональным Совнаркомом были приняты все возможные меры, направленные на полное выполнение плана по сбору доходов в бюджет по всем видам платежей. Необходимо отметить, что привлечение средств населения в период Великой Отечественной войны проводилось в совершенно различных формах: это и сельскохозяйственный налог, и самообложение, а также культсбор, страхование, реализация облигаций госзайма и тому подобное.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 239.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 239.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 263.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 319.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 356.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 432.

7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 18. – Оп. 27. – Д. 483.
8. Известия. – 1941. – 4 июля.
9. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 8. – М.: Воениздат, 1977. – 519 с.
10. Мышлицев Н.П. Деятельность партийных организаций Поволжья по улучшению материально-бытовых условий жизни работников промышленности в годы Великой Отечественной войны / Н.П. Мышлицев // Партийное руководство развитием промышленности Поволжья: научные труды. – Куйбышев, 1979. – С. 43–52.
11. История налогов России: важнейшие даты, факты и события / А.Б. Паскачев, В.А. Кашин, М.Р. Бобоев [и др.]. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 240 с. EDN YBQSRW
12. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1967). Т. 2. – М.: Известия, 1968. – 751 с.
13. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июнь 1944 г.). – М.: Ведомости, 1944. – 470 с.

Казимиров Максим Сергеевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-151810

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В АЛАТЫРСКОМ РАЙОНЕ ЧУВАШИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Аннотация: в статье исследуется процесс возрождения православной религиозной жизни на территории Алатырского района Чувашской Республики в постсоветский период. В работе приведены и охарактеризованы основные проявления активизации религиозной деятельности после десятилетий действия политики государственного атеизма, включая рост религиозного самосознания населения и усиление роли местных общин, восстановление и строительство храмов и монастырей, влияние этих процессов на социокультурную жизнь района. На основе архивных данных, материалов местной прессы и научной литературы автор выявляет специфику религиозного ренессанса в Алатырском районе, который исторически являлся одним из важнейших духовных центров Чувашии и всего Поволжья.

Ключевые слова: Православие, Алатырский район, Чувашия, религиозное возрождение, религиозная жизнь, культурная идентичность.

Статья выполнена в рамках гранта ЧГУ им. И.Н. Ульянова «Трансформации этнической культуры чувашей: исторический опыт и современные тенденции».

Одной из наиболее крупных исторических, административных, культурных, индустриальных, духовных и религиозных единиц Чувашской Республики следует считать основанный в 1552 г. город Алатырь. Ныне он служит не только центром одноимённого муниципального округа, но и одноимённой епархии Русской Православной Церкви, в границах

которой на момент проведения исследования действовало 78 храмов, церквей и часовен, а также 2 монастыря [2].

В настоящее время подавляющее большинство алатырцев являются этнически русскими, основной религиозной конфессией в городе остаётся православное христианство. Аналогичная конъюнктура сохранялась и столетием ранее. Кроме этого, значительная часть представителей городской интеллигенции тогда обучалась в существовавшем в 1778–1918 гг. Алатырском духовном училище, первоначально основанном как низшая духовная школа [4, с. 23]. В силу этих обстоятельств курс, взятый советской властью после Октябрьской революции, не сразу получил поддержку и понимание со стороны горожан. Тем не менее, закрытию подверглись десятки храмов и учебных заведений, действовавших в городе и уезде (позднее – районе), были изъяты тысячи единиц утвари и другого церковного имущества. В этой связи к началу 1930-х гг. в Алатыре остался всего один действующий храм – Крестовоздвиженская церковь, в 1938–1944 гг., однако, тоже переставшая работать [4, с. 23]. В период правления Н.С. Хрущёва положение верующих советских граждан, в том числе и христиан-алатырцев, лишь ухудшилось – у стен храма, как вспоминают старожилы, организовывалось дежурство для ведения пофамильного учёта прихожан. За посещение богослужений, особенно на Рождество и Пасху, они рисковали быть исключёнными из партийных и общественных организаций, лишиться работы

Своеобразной точкой, ознаменовавшей начало разворота официальной политики советского государства к Русской Православной церкви, следует считать 11 марта 1985 г. – в этот день М.С. Горбачёв был избран генеральным секретарём ЦК КПСС. Хотя партийная программа, принятая в феврале 1986 г. на XXVII съезде, была по своей сути атеистической, а сам Михаил Сергеевич неоднократно высказывался о недопустимости примирения с религией, можно говорить о начале фундаментальных изменений в общественно-государственной жизни СССР [9, с. 110]. Так, из доклада К.М. Харчева, в 1984–1989 гг. являвшегося председателем Совета по делам религий при Совмине, датированного 1988 годом, следует, что в Советском Союзе в среднем не менее трети покойников проходили через обряд отпевания, а трети младенцев – обряд крещения [10, с. 216–217]. В 1987 г. Совет выступил с предложением наделить религиозные объединения правами юрилиц и разрешить им вести пропагандистскую деятельность. В списках реабилитированных жертв репрессий звучало всё больше имён священнослужителей, на территории СССР впервые за 30 лет был констатирован заметный рост численности православных приходов.

Но, несмотря на начало многочисленных положительных преобразований, Крестовоздвиженская церковь долгие годы оставалась единственным функционирующим храмом в городе, пока в 1993 г. не началось возрождение женского Киево-Николаевского монастыря [2] и не состоялась передача в ведение Чебоксарской и Чувашской епархии собора Рождества Богородицы. Часто даже после закрытия храмов и монастырей их здания использовались для хозяйственных нужд – в них располагались производства, склады, музеи, детские кружки и секции, другие подразделения. Кроме того, снос прочных многовековых кирпичных или каменных кладок, образующих стены таких построек, был достаточно трудоёмким и

сложным процессом, и потому невыгодным с экономической точки зрения. Благодаря этому многим культовым сооружениям удалось «пережить» десятилетия богоборчества.

К сожалению, комплекс построек Киево-Николаевского монастыря и собора Рождества Богородицы на момент передачи в ведение епархии находился в упадке. Протоиерей Владимир Николаевич Теплов, новый настоятель собора, сразу объявил сбор средств на его восстановление – благодаря своевременно начатым работам удалось остановить обрушение, восстановить внутреннее убранство и открыть храм для прихожан летом 1994 г. [4, с. 24]. В свою очередь, ещё в феврале того же 1994 г. в храме Покрова Пресвятой Богородицы – центральном храме возрождаемого Киево-Николаевского монастыря – было торжественно проведено первое богослужение [12].

Но, несмотря на начавшиеся преобразования, в самом Алатыре и в окрестных населённых пунктах оставались десятки осквернённых и разрушенных бывших часовен, церквей, храмов и монастырей, только ожидавших передачи в ведение Русской Православной Церкви. Одним из них был основанный ещё в 1584 г. Свято-Троицкий мужской монастырь, столетиями являвшийся центром духовной жизни алатырской земли. В течение первых полутора веков все постройки этой святыни были деревянными – лишь в 1754 г. был освящён достроенный годом ранее каменный храм. К началу 1917 г. монастырь состоял из Троицкого собора, двухэтажных настоятельских покоев, келий для братии и послушников, колокольни, пещерной церкви, школы и фруктового сада. Поэтому его восстановление, начавшееся 6 апреля 1995 г. [4, с. 24], стало одним из ключевых событий истории города Алатыря.

Следующая по счёту церковь – храм святого апостола Иакова Алфеева – вновь открыла свои двери для прихожан 19 мая 1996 г. Небольшая однопрестольная церковь была возведена в Ямском Посаде ещё в 1749 г. За почти полуторавековой срок деревянная конструкция обветшала – на пожертвования местных жителей была возведена каменная церковь, освещённая в 1895 г. В годы богоборчества большой колокол храма был сброшен и отправлен на переплавку на алатырскую гармонную фабрику, в то время как сам храм оборудован под склад. Первым настоятелем возрождённой церкви стал иеромонах Алипий (Моторкин).

Начавшиеся изменения напрямую затронули и общественную жизнь города. Так, в конце 1998 г. вышел первый номер газеты «Православный Алатырь», надолго ставшей вестником православного сообщества города, а год спустя улице Троицкой, с 1939 г. носившей имя революционера Щорса, трудам братии монастыря и неравнодушных прихожан было возвращено её историческое название [4, с. 24].

Важно отметить, что в рассматриваемый хронологический промежуток в Алатыре не только возрождались старые святыни, но и возводились новые. Ещё в довоенные годы город лишился кладбищенской церкви: ранее её функции выполняла уже нами упомянутая Крестовоздвиженская церковь, в ней проводились отпевания и находилась она вблизи городского погоста. Кладбище это, однако, было закрыто и снесено в 1931 г., а формально – перенесено в совершенно другую часть города. Новый кладбищенский храм был основан в 2002 г. и освещён в честь иконы Божией

Матери «Нечаянная Радость». Комплекс построек на городском погосте, помимо самой церкви, состоит из мастерских, дома священника и часовни, предназначенной для совершения панихид и отпеваний, освещённой 8 мая 2005 г. в честь новомучеников и исповедников Российских.

Одним из ключевых событий в духовной жизни города следует считать визит в 2001 г. высшего церковного иерарха Русской Православной Церкви – Патриарха Алексия II [5]. Это событие не только приковало на несколько дней к Алатырю внимание всего мирового православного сообщества, но и не имело аналогов по своей значимости: никогда – ни ранее, ни впоследствии – город не посещали священнослужители в таком высоком сане. Его Святейшество посетил два алатырских монастыря – Свято-Троицкий, в котором отслужил Божественную литургию, и Киево-Николаевский – а также лично встретился с горожанами [6].

«Настоящий патриот тот, у кого дети патриоты, и настоящий православный тот, у кого дети православные» – этот тезис звучал в докладе первого заместителя руководителя Администрации президента РФ Сергея Кириенко на XXVI Всемирном русском народном соборе в 2024 г. Действительно, вопросы религиозного воспитания подрастающего поколения в контексте современных угроз и вызовов приобретают особое значение и особую остроту актуальности. В этой связи Русская Православная Церковь укрепляет сотрудничество со многими средними, профессиональными и высшими учебными заведениями и руководящими ими структурами, одной из которых является отдел образования и молодёжной политики администрации города Алатыря. Результатом этого деятельного взаимодействия стало проведение в 2002 г. в память о святых равноапостольных Кирилле и Мефодии «Дней славянской письменности и культуры» [7], ныне ставших для алатырцев доброй ежегодной традицией.

Одним из ценнейших духовных и культурных объектов города по праву считается храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи. По преданию, эта святыня была заложена непосредственно Иваном IV во время Казанских походов и фактически является ровесником Алатыря. Оригинальная деревянная церковь не сохранилась – она была сожжена ещё в 1670 г. одним из отрядов разинцев. Храм был отстроен не позднее 1703 г. присланными из Москвы мастерами каменного дела и функционировал вплоть до закрытия в 1929 г. Впоследствии в разные годы в нём располагались склад и краеведческий музей. Работы по реставрации и восстановлению стремительно разрушавшегося здания бывшего храма были начаты в 1969 г. Немалая заслуга в этом принадлежит Всероссийскому обществу по охране памятников истории и культуры, городской администрации и заводу «Электроприбор». Уже после распада Советского Союза, в 1995 г., оно получило статус памятника истории и культуры федерального значения. Четыре года спустя краеведческий музей был перенесён в другое здание, в 2002 г. состоялось малое освящение храма, а в 2006 г. – полное. Помимо регулярно проводящихся богослужений, в нём действуют воскресная школа для детей и взрослых «Купель» и уникальный для Чувашии Центр защиты семьи, детства и материнства «Благовещение». Оба этих структурных подразделения заслуживают отдельного рассмотрения.

Так, основной целью Центра является помощь многодетным семьям, матерям-одиночкам и беременным женщинам, находящимся в трудной

жизненной ситуации. При необходимости нуждающимся предоставляются материальная, юридическая, медицинская и психологическая помощь, а также место для временного проживания. В свою очередь, особенностью проводимых в воскресной школе занятий служит их практическая ориентированность, охватывающая не только духовные, моральные и нравственные аспекты, но и, например, вопросы ведения домашнего хозяйства [4, с. 25].

Приведённые в исследовании преобразования остались бы нереализованными без самоотверженного труда священнослужителей. Один из них – архимандрит Василий (в миру Пьер Мари Даниэль Паскье). Его духовный путь в православии неразрывно связан с алатырской землёй. Сначала отец Василий служил в селе Никулино Порецкого района, затем благочинным Свято-Троицкого мужского монастыря и, наконец, настоятелем церкви Иверской иконы Божией Матери, инициатором и организатором восстановления которой он и стал. В 2003 г. храм был передан в ведение Русской Православной Церкви, а два года спустя освящён митрополитом Чебоксарским и Чувашским Варнавой [1].

Как и в случае с храмом Усекновения Главы Иоанна Предтечи, при нём действует воскресная школа, а точнее даже две воскресные школы. Программа первой – детской – включает изучение Закона Божьего, церковно-славянского языка, рукоделия, актёрского мастерства и даже военных дисциплин. В летний период учебный и воспитательный процесс реализуются в рамках деятельности детского лагеря, созданного при храме. Работа, проводящаяся во второй из действующих при церкви воскресных школ – родительской – охватывает различные области воспитательного процесса, возрастной и семейной психологии.

Попечением и трудами отца Василия духовная жизнь была распространена и на заключённых ИК-2 – женской исправительной колонии, расположенной в Алатыре. В 2007–2010 гг. в этом федеральном казённом учреждении был построен храм Святого Иоанна Воина, в котором вплоть до настоящего времени проводятся богослужения для заключённых. Работа, проведённая архимандритом Василием, была отмечена ведомственной наградой – 3 февраля 2009 г. он был награждён Серебряной медалью «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России» [13].

Таким образом, можно констатировать, что в ходе последнего десятилетия XX в. и первого десятилетия XXI в. духовная жизнь вернулась на алатырскую землю и прочно на ней закрепилась. В частности, ныне алатырские монастыри являются не только крупными духовными, религиозными и культурными центрами России, но и достаточно мощными хозяйственными единицами. Например, Свято-Троицкому мужскому монастырю принадлежит Рождественский скит – достаточно богатое хозяйственное подворье площадью в 400 гектаров земли, на которых монастырская братия занимается растениеводством, животноводством, птицеводством и рыбоводством [8, с. 101]. Аналогичным подворьем, но меньшим по масштабу, обладает и Киево-Николаевский женский монастырь – расположено оно в селе Стемасы Алатырского района.

В общей сложности, в рамках рассмотренного двадцатилетнего хронологического промежутка, в одном только Свято-Троицком мужском монастыре было восстановлено 7 храмов. Особое внимание обращает на

себя и восьмидесятиметровая надвратная колокольня, построенная в 2006–2008 гг. и ныне служащая одним из его наиболее узнаваемых объектов. В связи со стремительно возрождающейся православной жизнью, в 2012 г. была образована Алатырская епархия Чувашской митрополии.

В заключение, констатируем, что богатая и многовековая, многоаспектная и многогранная духовная жизнь алатырской земли наделяет её правом считаться центром православной культуры Чувашской Республики и заметным очагом православия в Поволжье. Несмотря на десятилетия богоборчества и проведения целенаправленной атеистической государственной политики, направленной на полное искоренение религии, трудами и попечением священнослужителей и неравнодушных верующих Алатырю удалось сохранить и восстановить большую часть своих святынь. Тем не менее, эта работа ещё всё же далека от завершения – десятки храмов, представляющих высокую религиозную, историческую и культурную ценность, всё ещё ожидают начала восстановительных работ, а души, умы и сердца людей, сталкивающихся с перманентно возрастающим разрушительным воздействием деструктивных сил, продолжают нуждаться в духовной поддержке.

Список литературы

1. Алатырская епархия. Кафедральный храм в честь Иверской иконы Божией Матери г. Алатырь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alat-eparhia.ru/eparkhiya/prikhody/3897/> (дата обращения: 19.11.2025).
2. Алатырская епархия. Храмы епархии, монастыри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alat-eparhia.ru/eparkhiya/prikhody/> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Алатырская епархия. Храм святого апостола Иакова Алфеева г. Алатырь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alat-eparhia.ru/eparkhiya/prikhody/4533/> (дата обращения: 14.11.2025).
4. Аркаев Д.Д. Возрождение православной жизни в провинциальной России (по материалам г. Алатыря) / Д.Д. Аркаев, А.В. Фролов // Юный ученый. – 2022. – №5(57). – С. 23–25. EDN QGNBAL
5. Алатырь: летопись города. Факты, события, воспоминания фотографии. Часть 2. – Алатырь, 2002. – 512 с.
6. Алатырские вести. – 2001. – 3 июля. – №65.
7. Алатырские вести. – 2002. – 8 июня. – №52.
8. Захаров Ю. Сподобь мя Господи в день сей без греха сохраниться / Ю. Захаров // Об Алатыре и алатырях. – Алатырь, 2002. – 120 с.
9. Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в период «Перестройки» 1985–1991 гг. / А.Н. Кашеваров // Terra Linguistica. – 2015. – №1(215). – С. 109–115. DOI 10.5862/JHSS.215.14. EDN TNIKSL
10. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. – Кн. 2. – 464 с.
11. Советская Чувашия. – 1993. – 21 октября. – №212.
12. Советская Чувашия. – 1994. – 18 февраля. – №35.
13. Чувашская Митрополия Русской Православной Церкви. Архимандрит Василий (Паскье), наместник Свято-Троицкого мужского монастыря г. Чебоксары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cheb-eparhia.ru/person.aspx?id=15> (дата обращения: 18.11.2025).

Ласточкин Вячеслав Борисович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1920–1941 гг.)

Аннотация: в статье подвергнута исследованию трансформация различных сторон образа жизни народа Чувашии (труда, быта, общественно-политической жизни, качества жизни, массового сознания и его ценностных, мировоззренческих ориентиров) под влиянием политических, экономических и культурных преобразований в России и ее составной части – Чувашской автономной области (с 1925 г. – АССР) после Октябрьской революции и под влиянием директив XII съезда РКП(б) о скорейшем преодолении культурной и экономической отсталости национальных регионов России. Хронологические рамки исследования включают двадцатилетний период от образования Чувашской АО 24 июня 1920 г. до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г.

Ключевые слова: Россия, Чувашия, национальная политика, этнокультура, культурная революция, образ жизни, качество жизни, мировоззрение, массовое общественное сознание.

Социальные, политические, экономические и культурные преобразования в нашей стране после Октябрьской революции привели к кардинальным изменениям образа жизни и качества жизни народов как России в целом, так и особенно входящих в её состав национальных автономий, задача преодоления экономической и культурной отсталости которых была поставлена в апреле 1923 г. резолюцией XII съезда РКП(б) о национальной политике. Народы этих автономий, в т.ч. образованной в июне 1920 г. Чувашской автономной области (с 1925 г. – Чувашской АССР), обрели новый образ и новое качество жизни.

Образ жизни – категория комплексная, многогранная. Российская социологическая энциклопедия даёт такую трактовку её смысла и содержания: «Образ жизни – социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, которая берется в единстве с условиями жизни, определяющими её. Эта категория даёт возможность комплексно, во взаимосвязи рассматривать основные сферы жизнедеятельности людей: их труд, быт, общественную жизнь и культуру, выявлять причины их поведения (стиль жизни), обусловленного укладом, уровнем, качеством жизни» [9, с. 327].

Переход к новому образу жизни народа на основе новых условий труда и быта и мировоззренческих ценностей последовательно ставился после Октябрьской революции в качестве главной задачи государственного строительства. Эта задача была одной из приоритетных во всех главных

культурных и экономических мегапроектах того времени, таких как ликвидация безграмотности, кооперативный план, ГОЭЛРО и т. д., на её решение были направлены первые пятилетние планы развития народного хозяйства СССР. Характерны высказывания В.И. Ленина в речи на III съезде РКСМ с призывом к комсомольцам и молодёжи овладеть в интересах строительства нового общества знанием всех тех культурных богатств, которые за много веков создало человечество, или в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов в части, касающейся мегапроекта ГОЭЛРО. Там Ленин подчеркнул, что одного только ликбеза недостаточно, что это лишь первый шаг на пути к формированию новой, пролетарской интеллигенции и плацдарм для дальнейшего просвещения народа: «Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся... Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения» [5, с. 160–161]. Как видим, Ленин во главу угла ставил и тут проблемы культуры, просвещения народа, формирования нового человека – носителя и создателя нового образа жизни.

Этот процесс не просто сопровождался, но был, безусловно, детерминирован взаимовлиянием и взаимопроникновением этнокультур, в условиях Чувашии – в первую очередь русской и чувашской, а также татарской, мордовской, марийской и т. д. В современной Чувашии живут представители 90 наций и народностей, постоянной площадкой их культурного общения стал созданный по инициативе академика Л.П. Куракова Дом дружбы, и это общение стало неотъемлемой частью нашего образа жизни, и начало ему было положено именно в первые послеоктябрьские годы. Как подчёркивает профессор Т.С. Сергеев, «взаимобогащение и взаимовлияние культур – плодотворный процесс, на основе которого укрепляется их интернациональная сущность. Оно даёт возможность выявить всё то лучшее, прогрессивное, что имеется в культуре каждой нации, и в то же время освобождаться от всего устаревшего, противоречащего новым условиям жизни» [10, с. 21]. Эта традиционная черта чувашского народного образа жизни усилилась под влиянием благотворной просветительской деятельности И. Я. Яковлева и педагогов его школы. Академик Г.Н. Волков считал необходимым подчеркнуть: «Взаимное изучение языков являлось основой и условием укрепления дружбы между чувашским и русским народами» [1, с. 267]. Эта тенденция после Октябрьской революции и обретения чувашским народом национальной государственности не только проявилась ещё более ярко, но и была возведена в ранг государственной политики поощрения мультилингвизма и взаимобогащения национальных культур.

Большое положительное влияние на старте советских культурных преобразований в Чувашии оказало наличие чувашского алфавита, созданного И.Я. Яковлевым, национального литературного языка, на котором издавались, пусть и немногочисленные, недостаточными тиражами, книги преимущественно религиозной направленности, первая ещё дореволюционная газета на чувашском языке «Хыпар».

Ликвидация безграмотности в Чувашии, в основном завершённая к концу 1930-х годов, открыла путь проникновению в массы трудового народа книг и газет, повсеместно открывались избы-читальни, клубные учреждения. Число таких учреждений в Чувашии за годы предвоенных

пятилеток многократно возросло: клубных учреждений за 1927–1940 гг. – в 8,7 раза (с 104 до 905), массовых библиотек за тот же период – в 11 раз (с 79, располагавших 189,4 тыс. экземпляров книг, до 858 с 870,5 тыс. экземпляров книг), количество киноустановок увеличилось вчетверо (с 38 до 113). Как отмечает Т.С. Сергеев, расширению сети и обогащению фондов публичных библиотек в городах и сельской местности способствовали библиотечные походы, сборы книг среди населения, активно поддержанные самими трудящимися. На Козловском домостроительном комбинате библиотека была сформирована за счёт средств, заработанных рабочими и специалистами во внеурочное время. Рабочие Чебоксар добровольно собрали на эти цели 500 тыс. р. Это свидетельствовало об их сознательном отношении к пополнению библиотечных фондов как к важнейшему государственному делу [10, с. 71–72].

Над культурным строительством шефствовал Ленинский комсомол и такой его отряд, как Чувашская областная организация ВЛКСМ. По решению бюро обкома ВЛКСМ с 15 января 1931 г. был объявлен массовый общественный комсомольско-молодёжный поход под лозунгом «В каждом колхозе – изба-читальня и радио». Первичные и районные комсомольские организации приняли шефство над сельскими очагами культуры. Комсомольцы работали заведующими клубами, избами-читальнями, библиотеками, вели в этом качестве работу по культурному и политическому просвещению односельчан [7, с. 153], руководствуясь при этом указанием из речи В.И. Ленина на III съезде РКСМ: «Все задачи своего обучения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодёжь практически решала ту или иную задачу общего труда» [4, с. 318]. Только за один 1935 год было завершено строительство 12 новых клубов, 219 красных уголков, открыто 508 агрозоокружков, 700 кружков художественной самодеятельности и т. д. [10, с. 73].

Побывавший в Чувашии в это время Н.Ф. Погодин так передал свои впечатления об увиденном возрождавшейся к новой жизни крае: «Культурный национальный подъём пробуждающей народности. Здесь следуют одна за другой лекции. Читают по-русски об истории чувашей, дискусируют о чём-то по-чувашски, кропотливо устанавливают своё древнее происхождение, впервые изучают свой язык, собирают народные национальные песни. Какие-то трудолюбивые люди по ночам копаются в старых книгах и древних грамотах, пишут доклады. Спешат. Бросается в глаза эта энергичная торопливость, – скорее, как можно скорее восполнить пробел столетий. В этой торопливости чувашей чувствуется сердце народа, забившееся впервые в национальном самосознании» [11, с. 381–382].

Не случайно как раз этот период истории Чувашии озаменован небывалым прежде ростом общественного интереса к краеведению. Он выразился в учреждении в 1921 г. Общества изучения местного края, объединившего под эгидой руководителей республики Д.С. Эльменя и С.А. Коричева несколько сотен энтузиастов, которые развернули комплексные исследования чувашского языка и культуры, истории и экономических возможностей молодой республики, а в 1928 г. провели в Чебоксарах съезд.

Существенное влияние на культурный прогресс в Чувашии оказала радиофикация и кинофикация города и села. К 1 октября 1928 г. число радиоприёмных станций в республике достигло 223 [2, с. 165]. Если в 1922–1923 гг. в Чувашии был всего один коммерческий киноэкран (в

Чебоксарах), то уже к концу 1927 г. – 3 коммерческих экрана (в городах Чебоксары, Алатырь и Мариинский Посад), 5 клубных и 12 передвижных киноустановок. В 1934 г. Совнарком ЧАССР утвердил положение о государственном централизованном органе управления радиовещанием – комитете по радиофикации и радиовещанию, на который была возложена обязанность организовать регулярное вещание на русском, чувашском и татарском языках, рассчитанное на дифференцированную аудиторию (колхозников, молодежь и т. д.) [2, с. 275–276]. В этом же году был создан трест по кинофикации и управлению кинофотосетью при Совнарком Чувашской АССР, который стал центром планирования и руководства киноделом на территории республики [2, с. 277]. В Чебоксарах был открыт первый в Чувашии звуковой кинотеатр «Родина». Резонансным событием культурной жизни Чувашии, как и всей страны, стала демонстрация художественного фильма о нашем знаменитом земляке – герое «Чапаев».

Коренному улучшению качества и образа жизни народа способствовало развитие здравоохранения, охват квалифицированным медицинским обслуживанием всего населения, ликвидация трахомы, туберкулёза и других в прошлом социально обусловленных заболеваний. На объединённом пленуме Чувашского обкома и Чебоксарского горкома ВКП(б) 14 февраля 1933 г. был отмечен рост сети глазных медицинских учреждений, охватившей к тому времени 3 глазных лечебницы и 11 врачебно-глазных пунктов с 300 койками. За четыре года (1928–1932 гг.) было проведено трахоматозное обследование 344 тыс. человек, что составляло тогда примерно половину сельского населения республики [2, с. 247]. С 1934 г. была введена поголовная антитрахоматозная диспансеризация населения.

Важнейший показатель трансформации образа жизни – мировоззренческий – проявляется в изменении отношения к труду, который стал делом чести и доблести. Это проявилось в развившемся в ходе индустриализации и коллективизации массовом патриотическом движении трудящихся – ударничестве, а с 1935 г. – стахановском движении, юбилей которого мы как раз отмечаем в текущем году. Это движение было поддержано декабрьским (1935) Пленумом ЦК ВКП(б). Уже в 1936 г. на Шумерлинском деревообрабатывающем комбинате трудились около 900 стахановцев и 475 ударников. На Козловском домостроительном комбинате стахановцем в первый же год стал каждый четвёртый труженик. Рабочий механического цеха этого предприятия комсомолец Павел Истомин за смену давал до 750% нормы. Кузнец Алатырского паровозоремонтного завода Александр Максимов в декабре 1935 г. выполнил месячное производственное задание на 600% [8, с. 246]. Такие передовики социалистического производства воплощали собой новый тип квалифицированного рабочего, отличавшегося высокосознательным, творческим отношением к труду, смело осваивавшего новую технику и технологию производства. Они проявляли и высокую общественно-политическую активность. Так, стахановки комсомолки рамщица, а затем сменный мастер разделочного цеха Козловского комбината Екатерина Цыганова, бригадир, затем мастер Алатырского паровозоремонтного завода Тамара Моисеева были избраны депутатами Верховного Совета ЧАССР первого созыва [8, с. 246–247].

Новый образ жизни неузнаваемо преобразил и повседневный быт. П. Осипов в декабре 1934 г. писал в корреспонденции «Изменилось лицо нашей деревни» о деревнях и селах родного Яльчикского района: «Можно

ли было думать о сплошной грамотности, когда грамотных в районе было 12%? Можно ли было думать о трахпункте в каждом селе, когда трахома считалась неизбежным бытовым явлением? Можно ли было думать о пользовании молотилкой, сеялкой, жнейкой, не говоря о двигателе, тракторе и автомашине? Нет. Всё это дала нам Советская власть.

Культура настойчиво проникает в избу колхозника. Пользование зубной щёткой, отдельное полотенце, регулярное мытьё полов, содержание изб в чистоте стало повседневным делом большинства колхозников.

Район в основном стал районом сплошной грамотности. И грамотные колхозники предъявляют большие требования. Колхознику ещё 2 года назад неграмотному теперь требуется не только букварь. Он требует «Поднятую целину» М. Шолохова, «Мать» М. Горького» [6].

29 мая 1941 г. бюро Чувашского обкома ВКП(б) одобрило обращение труженников сельхозартели «Серп и молот» Чебоксарского района ко всем колхозникам и колхозницам республики по благоустройству села, наведению культуры и чистоты во всех общественных зданиях и на личных подворьях. Они взяли на себя обязательство и призвали всех колхозников и колхозниц Чувашии заменить соломенные крыши домов глинобитными, черепичными или тесовыми, очистить территорию около домов, устроить палисадники, посадить на каждой усадьбе не менее 10–15 деревьев и т. д. [3, с. 66–67].

Так новая жизнь стучалась в ворота каждого дома и усадьбы. Важнейшими задачами были объявлены преодоление пьянства, хулиганства, неуважительного отношения к женщине и других позорных пережитков, недостойных нового, советского человека.

Итоги преобразования образа жизни многонационального народа Советской Чувашии были подведены в передовой статье газеты «Правда», посвящённой 15-летию чувашской национально-государственной автономии и награждению её орденом Ленина: «Твёрдой поступью идёт сегодня чувашский колхозник к зажиточной, радостной жизни. Нет больше захудалой и отсталой Чувашии, страны безграмотной, страны с полуслепым населением. Есть Чувашия орденосная, есть Чувашия поголовно грамотная, есть Чувашия, проделавшая громадную работу по оздоровлению населения... Чувашаи – агрономы, чувашаи – инженеры, врачи, механики, мастера, руководители крупных колхозов и совхозов, учителя, поэты, писатели – все эти люди, рождённые революцией, национальные кадры, венчают сегодня крупнейшие достижения свободной Советской Чувашии» [2, с. 296–297].

Это достаточно убедительная характеристика тех социально-экономических, культурных преобразований образа жизни и качества жизни народа Советской Чувашии, которые были достигнуты за первые полтора десятилетия её истории.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Чувашская этнопедагогика / Г.Н. Волков. – Чебоксары, 2004. – 488 с. EDN QTGBTD
2. Культурное строительство в Чувашской АССР. Сб. док-тов. Кн. 1-я (1917–1937 гг.) / сост. В.В. Катагощин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина [и др.]; под ред. В.Л. Кузьмина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 400 с.
3. Культурное строительство в Чувашской АССР. Кн. 2 (1938–1967 гг.) / сост. В.В. Катагощин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина [и др.]; под ред. В.Л. Кузьмина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 400 с.

4. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III съезде РКСМ 2 окт. 1920 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 298–318.
5. Ленин В.И. Из материалов VIII Всероссийского Съезда 22–29 дек. 1920 г. Доклад ВЦИК и СНК о внутренней и внешней политике 22 дек. 1920 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 137–191.
6. Осипов П. Изменилось лицо нашей деревни / П. Осипов // Красная Чувашия. – 1934.
7. Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ / С.Н. Хаймулин, М.В. Румянцев, С.В. Владимиров [и др.]; отв. ред. Н.Е. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. – 543 с.
8. Очерки истории Чувашской областной организации КПСС / ред. коллегия: И.П. Прокопьев [и др.]; науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 627 с.
9. Российская социологическая энциклопедия / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед.; под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М.: Норма-Инфра-М, 1998. – 664 с.
10. Сергеев Т.С. Социалистическая культура Чувашии / Т.С. Сергеев – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 160 с.
11. Чуваши в русской литературе и публицистике: хрестоматия: В 2 т. Т. 1 / М-во образования Рос. Федерации. Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова; сост. Ф. Уяр (Ф.Е. Афанасьев). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 456 с.

Обжогоина Наталия Юрьевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО НАРОДА В ЭСКИЗАХ И АКВАРЕЛЯХ Ф.Г. СОЛНЦЕВА

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос роли Ф.Г. Солнцева как одного из первопроходцев в области систематического сохранения культурного наследия России. Исследование акцентирует внимание на принципах и методах фиксации и документирования исторической архитектуры, предметов быта и национального костюма в живописных работах мастера. Применение данных методов повлияло не только на популяризацию памятников дореволюционного времени, но и на формирование стандартов реставрационной деятельности.*

***Ключевые слова:** Солнцев, Оленин, акварель, народный костюм, фиксация объектов культурного наследия, художественная реставрация.*

XIX век в России ознаменовался растущим интересом к национальному наследию и документированию исторических и культурных артефактов. Среди деятелей, внесших значительный вклад в эту работу, был Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892) – академик живописи, историк и художник-реставратор, специализировавшийся на древностях Отечества. Его эскизы и акварели отразили суть культурного и исторического

наследия России, подчеркивая вклад мастера в этнографию, искусство и историческую документацию.

Первым крупным проектом Ф.Г. Солнцева в данном направлении можно считать работу над «Изложением средств к исполнению главных предначертаний нового образования...» (1831), заказанную Президентом Академии художеств А.Н. Олениным. Это публикация с эскизами молодого художника была необходима ученикам Академии для изучения обычаев и костюмов народов России. «Къ симъ рисункамъ должно быть приложено краткое описаніе, или истолкованіе предметовъ, основанное на несомнительныхъ доводахъ; ибо Художникамъ нѣтъ времени входить въ Археологическія, Хронологическія, Филологическія или Техническія изслѣдованія и споры» [5, с. 63], так как данные изыскания нужны скорее ученым, чем художникам. Тогда же появляется необходимость точного изображения одеяний и оружия русских витязей для воссоздания обветшалых деревянных Нарвских триумфальных ворот. Для выполнения поставленных перед ним задач Солнцев отправляется 9 августа 1830 года в Оружейную палату с целью «срисовыванія старинныхъ нашихъ обычаевъ, одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скраба, конской сбруи и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ» [8, с. 634]. Все сделанные рисунки художник отправлял Оленину на утверждение. Кроме археологических зарисовок, Федор Григорьевич успевал также работать в Успенском, Архангельском и других соборах, совершенствуя навыки фиксации храмовой архитектуры.

Следует отметить, что одной Оружейной палатой сбор материала не ограничился. Начиная с 1830 года Ф.Г. Солнцев начинает совершать художественно-археологические экспедиции по стране, углубляя работу и над иллюстративной частью «Изложения средств...». Каждая его поездка сопровождалась подробными инструкциями от Президента Академии художеств. Например: «...при семъ поручаю вамъ снять планъ съ тѣхъ церквей и фасады ихъ, или прорѣзы, буде понадобятся, представить не перспективно, а геометрально, съ показаніемъ ихъ размѣровъ саженьями, аршинами, вершками или дюймами» [8, с. 637]. Это показывает нам, как постепенно складывалась в русской реставрационной школе методика работы с археологическим памятником.

Исследуя российскую провинцию, академик художеств создал несколько сотен изображений домашней утвари [6] и одежды представителей различных областей страны, проявив интерес «к костюмам крестьян, сарафанам и украшениям «баб и девок». Причем он не только фиксировал фасоны, но и снимал с них выкройки» [3, с. 132]. Так сохранялось национальное достояние страны. Интерес к народному, понимаемому как национальный, костюму ограничивался в первой половине XIX века головными уборами и украшениями, а с второй половины просвещенная часть империи переключилась на одежду, и эскизы художника-историка, опубликованные в издании «Древности Российского государства» [2], вызывали огромный интерес у читающей публики.

С 1830 года за двадцать лет Ф.Г. Солнцев успел побывать в таких городах, как Старая и Новая Рязань, Новгород, Ярославль, Торжок, Смоленск, Рязань, Псков, Печора, Александров, Суздаль, Владимир, Звенигород,

Казань, Юрьев-Польский, Белозерск, Изборск, Ладога, Ревель, Коломна, Осташково, а также посетить Троице-Сергиеву лавру, Новый Иерусалим и другие известные большинству россиян места. За это время он выполнил более 3000 эскизов и акварелей (а всего, с учетом позднего периода творчества – 5000) [7, с. 472], детально запечатлев в них внешнее и внутреннее убранство древнерусских памятников архитектуры – от общих видов до деталей фресок, изразцов и т. д. Исследуя их, А. Трифонова отмечала некоторую неточность в изображении светских и религиозных сооружений, которая была свойственна ранней манере Ф.Г. Солнцева и которую отмечали и его современники. Так, дальние планы Софийского собора и южной части кремля в Великом Новгороде художник запечатлел в своих работах довольно условно и «даже разваливавшуюся на глазах кладку изображал как благородные руины» [9, с. 118]. Скорее всего, он таким образом сознательно уходил в эскизах от неприглядного реального положения дел, так как в начале XIX столетия существовала мода на все античное, и это освобождало художника от необходимости детализировать сиюминутное или то, что он не считал для себя существенным.

Несмотря на общие замечания, рисунки мастера – достоверные документальные свидетельства, несущие исчерпывающую информацию о несохранившихся или перестроенных позже зданиях и элементах архитектуры. Например, именно благодаря акварелям Солнцева 1833 года, в которых художник подробно запечатлел вид резных деревянных ворот времен Ивана Грозного, украшавших южный портал Софийского собора в Новгороде [9], стала возможной их реконструкция на рубеже XIX–XX вв.

Работа над сбором этнографического и художественного материала была непростой. Отправляя своего помощника в разные города, А.Н. Оленин снабжал его рекомендательными письмами к генерал-губернаторам и настоятелям храмов и монастырей, чтобы Ф.Г. Солнцеву позволяли срисовывать хранящиеся там предметы старины и оказывали всевозможную помощь в данном деле. Тем не менее, мастер достаточно часто сталкивался с препятствиями со стороны светских и духовных лиц, не понимавших целей его живописного труда. Порой художнику приходилось представляться простым паломником, чтобы его не принимали за ревизора и не боялись пускать в алтари и ризницы.

Постепенно в своих экспедициях благодаря советам наставника и кропотливому опыту Солнцев все глубже осознавал значимость своей кропотливой работы в сфере сбора информации о предметах старины и их атрибуции. Много времени ему приходилось проводить в архивах, наводя справки о предмете, уточняя детали и определяя время создания артефакта. Художник учитывал указания патрона по поводу описания фиксируемых в эскизах и акварелях предметов: «... весьма подробно карандашом означать на самых рисунках: а) Какъ, по преданіямъ мѣстнымъ, оружіе или другой какой-либо предметъ, или особая часть онаго называлась <...>; в) На всѣхъ вами вырисованныхъ подробностяхъ и на прорисяхъ ставить явственно нумера или литеры, чтобы можно было ихъ, при отдѣлкѣ предметовъ начисто, безошибочно размѣщать...» [8, с. 636–637]. В итоге у будущего знатока допетровской Руси вырабатывается определенная методика фиксации предмета, по параметрам похожая на современный этикетаж, которую мастер будет применять

до конца творческого пути. Кроме того, можно отметить, что в созданных им в 1830–1850-е годы рисунках Федор Григорьевич не ограничивался только фиксацией фасадов, а отмечал детали интерьеров церквей, икон и церковной утвари, необычную форму наличников, дверей, иконостасов и сеней над престолом, понравившиеся формы крестов и т. д. Он уделял большое внимание фиксации мелких деталей, которые составляли внутреннее убранство средневекового храма. В дальнейшем собранный художником материал помогал архитекторам и реставраторам создавать или воссоздавать храмы в «национальном» стиле.

Позднее у Ф.Г. Солнцева, уже сформировавшегося мастера по фиксации и сохранению исторического наследия, появляются свои ученики. Например, А.А. Мартынов, которому в связи с его командировкой в Новгород в 1859 году наставник давал подробные методические указания [3], рекомендуя видеть различия между исторической и эстетической ценностью объектов, срисовывать не только то, что необходимо по заданию, но и перспективные виды городов, ведь в будущем они могли также пригодиться в качестве исторического или этнографического материала.

Выдающимся результатом накопленного Ф.Г. Солнцевым материала и опыта стало оформление мастером кисти в 1849 году шеститомного сборника «Древности Российского государства» [2]. В 1841 году А.Н. Оленин разрабатывает проект издания, цель которого состояла в том, чтобы «...старинные наши русские нравы, обычаи, обряды, одежды духовные, военные, светские и простонародные, а также жилища и здания, степень познания и просвещения, промышленности, искусства, ремесла и разные предметы в общезнании сделались известными – посредством ваияния или рисования – со всей их точности и с сохранением их характера или вида, как бы он ни был странен и неисправно изображен» [4, с. 144]. В окончательном варианте издание состояло из более чем 500 рисунков большого формата с соответствующим описанием. В первых пяти томах были помещены рисунки, изображающие церковное и светское искусство, доспехи, оружие, царские и народные костюмы, а также портреты; в шестом – изображения архитектурных деталей и декоративного убранства: дверей и врат иконостасов, решеток окон, сеней над патриаршими и царскими престолами и т. д.

Капитальный труд «Древности Российского государства» имел широкий резонанс в обществе. Значение труда «фиксатора артефактов» в области искусства определил позже главный редактор журнала «Русская старина» М.И. Семевский: «...Солнцевъ <...> произведеніями своими пробудилъ въ русскихъ художникахъ чувство народнаго самосознанія и уваженія къ образцамъ, завѣщаннымъ намъ предками» [1, с. 305]. Это издание стало значительным вкладом и в отечественную археологию, а также обозначило формирование внимания государства к охране памятников истории. Издательский комитет в предисловии к сборнику отметил, что богатства отечественной старины часто хранились «въ развалинахъ, въ забвеніи, подъ спудомъ новой жизни, изтребляясь, изтлѣвая и постепенно теряя свое значеніе въ преданіяхъ. Время охраненія памятниковъ Россіи настало со вступленіемъ на престолъ <...> Государя Императора Николая Павловича» [2, с. I–II]. До сих пор акварели и эскизы Ф.Г. Солнцева в «Древностях...» не имеют аналогов в области фиксации памятников средневековой старины. Многие рисунки, не вошедшие в издание, содержали планы,

чертежи и обмеры древнерусских памятников, которые со временем были разрушены. Уже к концу XIX века эти работы стали единственным достоверным источником, на который далее опирались русские и зарубежные ученые в своих исследованиях о допетровской Руси.

Фиксация и документирование Ф.Г. Солнцевым состояния ряда древнерусских памятников архитектуры и живописи стали основой и его работы как реставратора на таких значимых объектах, как Теремной дворец в Москве (1836–1837) и Софийский собор в Киеве (1843–1853). Несмотря на то, что оценка этой стороны его деятельности, с точки зрения современной науки, неоднозначна, а в случае с фресками Софийского собора вызывает осуждение реставраторов, заслуга Ф.Г. Солнцева заключалась в том, что именно он первым ввел метод послойной расчистки изображений, их копирования в отечественный подход к сохранению памятников старины.

Таким образом, акварели Ф.Г. Солнцева, запечатлевшие не только внешний вид зданий древнерусского и средневекового зодчества, но и детали интерьеров, церковную утварь и народные костюмы, стали важным инструментом в деле сохранения национальной идентичности. Художник-историк показал, что сохранение культурного наследия – это не только защита памятников прошлого, но и формирование основы для национального самосознания и преемственности традиций. С годами, на фоне сложных стиливых переплетений, уникальное дарование Солнцева не потеряло своего значения. Тот фундамент, который был им заложен, развили и обогатили его последователи. Его рисунки в научном и художественном отношении – это живописная летопись Древней Руси.

Список литературы

1. Семевский М.И. Большая золотая медаль, поднесенная Императорским Археологическим обществом профессору Ф.Г. Солнцеву 20 мая 1876 г. / М.И. Семевский // Русская старина. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. – Т. XVI. – С. 303–308.
2. Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Государя императора Николая I / Ф. Солнцев. В 6 отд. – М.: Тип. Александра Семена, 1846–1853. – Отд. 1. – 1849. – 232 с.
3. Евтушенко М.М. Академик живописи Ф.Г. Солнцев (1801–1892): монография / М.М. Евтушенко; Государственный Эрмитаж. – М.: Кучково поле, 2017. – 351 с.
4. Калугин В.И. «Древности» Ф.Г. Солнцева / В.И. Калугин // Альманах библиофила. – Вып. 13. – М.: Книга, 1982. – С. 144–152.
5. Оленин А.Н. Изложение средств к исполнению главных предначертаний нового образования Императорской Академии художеств, предлагаемое Президентом, господином Действительным и Почетным сей Академии членом художником / А.Н. Оленин. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. – 90 с.
6. Предметы старины в рисунках Ф.Г. Солнцева / сост., вступ. ст. Е.В. Лазаренко, И.Л. Фомина. – М.: Исторический музей, 2013. – 109 с.
7. Собко Н.П. Ф.Г. Солнцев и его художественно-археологическая деятельность / Н.П. Собко // Вестник изящных искусств. – СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1883. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 471–482.
8. Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды: гл. 1–4: рассказ / Ф.Г. Солнцев // Русская старина. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. – Т. XV. – С. 109–128, 311–323, 617–644.
9. Трифонова А.Н. Древний Новгород Федора Солнцева / А.Н. Трифонова // Родина. – 2007. – №6. – С. 117–118. EDN IAUHOP

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Балковая Валентина Григорьевна

д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой
Дальневосточный юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»
г. Владивосток, Приморский край

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИМНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос возможностей использования государственной символики Российской Федерации в государственно-патриотическом воспитании обучающихся. На примере авторской методической разработки раскрывается значение гимна как официального музыкального символа государства.

Ключевые слова: государственная символика, государственный гимн, патриотическое воспитание, государственно-патриотическое воспитание, гражданско-патриотическое воспитание.

В современной России на образовательные организации всех уровней вновь возложена задача формирования личности обучающегося, что привело к развитию различных направлений воспитательной работы. Важное место среди них занимают государственно-патриотическое и гражданско-патриотическое воспитание, имеющие целью формирование социально-активной личности гражданина, патриота своей страны, осознающего свою национальную идентичность, готового работать на благо своего народа.

Решить эти задачи можно различными способами, и, в этой связи, нельзя не отметить тот значительный воспитательный потенциал, которым обладает государственная и национальная символика. Настоящая статья посвящена возможностям Государственного Гимна Российской Федерации в реализации различных форм работ по государственно-патриотическому воспитанию.

Необходимо отметить, что под государственным гимном в современном мире понимается торжественная песня (реже – мелодия без слов), которая является официальным символом государства, вследствие чего ее исполнение предусмотрено на торжественных официальных мероприятиях, национальных праздниках, международных спортивных соревнованиях. Оно предполагает выражение национальных патриотических чувств, что реализуется через многозначность и многозадачность этого музыкального и поэтического произведения, способного воздействовать как на область сознания, так и бессознательное, создавать у индивидов эмоциональные переживания особого рода.

Задачи, которые призван решать государственный гимн, сводятся к следующему: 1) обеспечение стабильности государственной власти;

2) закрепление политических ценностей конкретного государства; 3) реализация политического программирования населения [3, с. 133].

Так как государственный гимн во время своего действия имеет статус официального музыкального символа государства, его разработка и принятие обладают особой значимостью. Государственный гимн является комплексным художественным произведением, сложным синтезом музыки и поэзии, многократно усиливающим эмоциональное воздействие каждого из них. Вследствие этого сформировалось целое научное направление – гимнодия, которое разрабатывает технологические подходы к составлению текста гимна.

При создании государственного гимна важно, чтобы заложенные в нем символы и поэтические образы оказались близки национальному менталитету, способствовали консолидации населения, отражали сведения о славной истории страны, ее природных богатствах, ценностях и идеалах [2, с. 44–47].

Государственные гимны различных периодов истории российского государства в поэтической форме отражали особенности того времени, в который они были созданы, их содержание и форма закрепляли ключевые ценности и идеалы эпохи.

Несмотря на то, что любой гимн является средством художественного отражения целей и задач государства конкретного исторического периода, во всех их текстах также традиционно закрепляются общие национальные символы конкретного народа, разнообразные положительные образы и метафоры. В частности, в российской гимнодии наиболее распространенным и эмоционально окрашенным является уподобление родной страны матери (Родина-мать), образ, впервые использованный еще в 1791 г. поэтом Г.Р. Державиным. Первоначально этот символический образ был применен по отношению к Екатерине II, матушке-императрице, однако в дальнейшем он приобрел более абстрактный характер и стал ассоциироваться с Россией в целом.

В истории России существовали как государственные гимны, сохранявшие связь с религиозной традицией («Боже, царя храни!»), так и гимны атеистические («Интернациона»). При этом, «несмотря на атеизм советского государства, его гимны проникнуты религиозным пафосом и библейскими аллюзиями. Этот парадокс можно объяснить стилиобразующей силой церковно-славянизмов в русском языке, влиянием речи революционеров, многие из которых вышли из церковной среды, и стремлением большевиков к сакрализации своей идеологии» [4, с. 201].

Как отмечает большинство исследователей, государственный гимн является средством закрепления важнейших постулатов государственной идеологии, которая существует даже в условиях политического плюрализма. Это становится возможным в силу того, что символы, закрепленные в государственном гимне, носят интегративный характер и стоят выше всех иных частных ценностных систем [8, с. 5–10]. Такими символами в современной России является идея патриотизма и любовь к Родине-матери, которые близки абсолютно всем этническим группам, исторически проживающим совместно и имеющим общую историческую судьбу.

Можно утверждать, что несмотря на все крутые политические повороты в истории России в XX веке, основой ее единства всегда был и остается русский национальный характер и национальная идентичность,

обеспечивавшие связь эпох и преемственность ее исторического развития. И именно поэтому все государственные гимны России, созданные в различных политических и исторических условиях, являются лучшими образцами музыкальной и поэтической культуры ее многонационального народа, закрепляют вечные ценности – любовь к родной стране, восхищение красотой ее природы, стремление к созидательному труду на благо новых поколений.

Государственный гимн занимает особое место в системе государственных символов, так как он одновременно воздействует как на отдельного человека, так и социальные общности различного уровня, создавая у них ощущение единения, сопричастности истории страны, формируя чувство национальной идентичности.

Прослушивание государственного гимна посредством заложенных в нем музыкальных и поэтических символов оказывает сильное эмоциональное программирующее воздействие на человека, что в результате приводит к осознанию гражданином своей сопричастности конкретному государству, кодированию его национальной идентификации. Именно этим обусловлен ритуал прослушивания Государственного Гимна Российской Федерации, введенный в большинстве образовательных организаций, который осуществляется либо ежедневно, либо при проведении торжественных мероприятий, посвященных государственным праздникам.

Современный Государственный Гимн Российской Федерации органично сочетает в себе как уважение к историческому прошлому многонационального Российского народа, так и закрепляет дальнейшие перспективы ее развития. В значительной степени это объясняется тем, что Россия объявила себя правопреемником СССР во многих вопросах внутренней и внешней политики. Возвращение к мелодии Государственного Гимна СССР, созданной в 1943 г. композитором А.В. Александровым, является органичным и оправданным, оно позволяет увидеть преемственность исторического развития многонационального российского народа при всех политических системах.

Смена этих систем отражена в эволюции текста Государственного Гимна. Его первый вариант был создан совместно поэтами С.В. Михалковым и Г.А. Эль-Регистаном в разгар Великой Отечественной войны. Именно поэтому, в противовес «Интернационалу», имевшему статус Государственного Гимна в первые годы советской власти и закреплявшему ряд космополитических идей, текст нового гимна, созданного в условиях тяжелой войны, был выдержан в духе патриотизма и любви к Родине.

Официальное утверждение текста нового государственного гимна СССР состоялось 14 декабря 1943 г, а в ночь на 1 января 1944 г. он впервые был исполнен по Всесоюзному радио.

Гимн СССР, созданный в 1944 г. оставался его официальным музыкальным символом вплоть до конца 1991 г. Вместе с тем, изменения политической ситуации в стране привели к корректировке заложенных в нем смыслов, что выразилось в существовании в период с 1944 по 1991 гг. трех подходов к его исполнению.

В частности, в период с 1944 по 1955 гг. действовала первая редакция текста, в ней упоминался И.В. Сталин, и подчеркивалась его историческая роль, а третий куплет был посвящен вооруженным силам и грядущей

победе в войне. Это обусловило подмену общих целей преходящими историческими задачами, вследствие чего в послевоенных условиях закреплённые в стихотворном тексте символы частично утратили свою актуальность.

Именно поэтому, на втором этапе истории Государственного Гимна СССР, в период с 1956 по 1977 гг., он исполнялся без слов. Это объяснялось борьбой за развенчание культа И.В. Сталина, утратой актуальности третьего куплета, а также возникновением перед советским государством новых исторических задач. Это привело к тому, что на уровне ЦК КПСС в этот период активно велись попытки создания нового текста гимна, причем некоторыми деятелями предлагалось изменить не только текст, но и мелодию.

Такие предложения не встретили поддержки населения, поэтому на третьем этапе истории Государственного Гимна СССР, в период с 1977 по 1991 гг., он не только сохранил свою знакомую мелодию, но и вновь стал исполняться со словами. Создание новой редакции текста гимна СССР было приурочено к принятию Конституции СССР 1977 г., она закрепляла новые приоритеты развития общества. Была сохранена общая концепция текста гимна, но единственному оставшемуся в живых к тому времени автору текста поэту С.В. Михалкову было предложено провести его серьёзную корректировку в духе 3-й редакции программы КПСС, поставившей целью развернутое строительство коммунизма.

В связи со сменой политической системы общества последний раз государственный гимн СССР в качестве официального музыкального символа советского государства был исполнен 25 декабря 1991 года – в последний день его существования.

Интерес представляет сюжет о становлении современной российской гимнодии, так как Россия после вступления в 1922 г. в состав СССР не имела своего собственного гимна. По инициативе первого Президента России Б.Н. Ельцина было принято решение исправить это положение, поэтому 23 ноября 1990 г. было принято постановление Верховного Совета РСФСР о создании Государственного Гимна суверенной России. В качестве него была принята «Патриотическая песня» Михаила Глинки, написанная в 1833 г. и исполнявшаяся без текста. Именно это музыкальное произведение являлось официальным музыкальным символом суверенной России в течение первых десяти лет ее развития.

Новый этап истории российского гимна наступил в 2000 г., когда, в связи с разработкой федеральных конституционных законов о государственной символике, встал вопрос о создании нового музыкально-поэтического произведения, отражающего реалии современной России.

Именно тогда было решено вернуться к мелодии государственного гимна СССР, написанной А.В. Александровым, о которой он сам еще в 1940-е гг. писал так: «Мне хотелось соединить жанры победного марша, чеканной народ-ной песни, широкого эпического русского былинного распева. Хотелось, чтобы гимн был другом и вдохновителем человека-гражданина» [5, с. 218]. Именно этим объясняется то уважение к этой мелодии, которое уже в момент принятия существовало у старшего поколения. Автором нового текста гимна вновь стал поэт С.В. Михалков, успешно отразивший в своих стихах новые реалии, в которых живет Россия.

Торжественность музыки и поэтичность текста современного гимна являются символом единства российского народа; слова его стихов вызывают чувства патриотизма и гордости за страну, уважения к ее истории, преемственности ее традиций.

Список литературы

1. Балковая В.Г. Государственный гимн России: история и современность: Методика проведения и сценарный план учебно-просветительского и государственно-патриотического мероприятия / В.Г. Балковая. – Владивосток: Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 26 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_59457235_39440286.pdf (дата обращения: 03.09.2025). EDN KKRFRMT
2. Герман Е.С. Государственный гимн как отражение идеологии государства / Е.С. Герман // Образование и право. – 2023. – №1. – С. 44–47. DOI 10.24412/2076-1503-2023-1-44-47. EDN QZBXYG
3. Зотеева Т.С. Государственный гимн как жанр политического дискурса / Т.С. Зотеева // Политическая лингвистика. – 2013. – №1(43). – С. 133–143. EDN PWNAWR
4. Казаков Г.А. Религиозный пафос советских гимнов / Г.А. Казаков // Политическая лингвистика. – 2013. – №4(46). – С. 196–203. EDN RSOTNN
5. Карабанов А.А. Государственные гимны России – символы патриотизма российского народа / А.А. Карабанов // Актуальные направления развития стратегии патриотического воспитания: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Великой Победы (Краснодар, 12–13 марта 2025 г.). – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2025. – С. 216–220. EDN UUBENE
6. Карабанов А.А. Роль Государственного гимна в воспитании патриотизма подрастающего поколения / А.А. Карабанов // Вестник МГИМ имени А.Г. Шнитке. – 2023. – №4(24). – С. 40–49. EDN CSXJDR
7. Чельшев Е.П. Государственный гимн как феномен государственной символики: к вопросу о русской национальной идее / Е.П. Чельшев // Пространство и Время. – 2012. – №3(9). – С. 146–151. EDN PBIAMX
8. Черногор Н.Н. Государственные гимны в механизме кодирования правового поведения: исторический опыт России / Н.Н. Черногор, А.С. Емельянов, М.В. Залоило // Вопросы истории. – 2021. – №4–2. – С. 43–54. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyi36. EDN QPKHTP
9. Яшук Т.Ф. Проявление идеологической функции государства в государственном гимне / Т.Ф. Яшук, В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 20. №1. – С. 5–11. DOI 10.24147/1990-5173.2023.20(1).5-11. EDN XXUZKV

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Павлова Алевтина Александровна

учитель
МБОУ «СОШ №3»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МУЗЕЙНАЯ СЕТЬ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос развития музейной сети Чувашской Республики в XXI в. Анализируются государственные, муниципальные, ведомственные музеи, а также частные инициативы. Особое внимание уделяется новым технологиям и методикам, внедренным в музейную практику региона.

Ключевые слова: музеи, Чувашская Республика, XXI век, Чувашский национальный музей, Чувашский государственный художественный музей, Мемориальный комплекс летчика-космонавта СССР А. Николаева, муниципальные музеи, ведомственные музейные учреждения, частные музеи.

Музейное строительство на территории Чувашии имеет более вековую историю, Музейное строительство на территории Чувашии имеет более вековую историю, первый музей – Цивильский уездный музей был организован 13 февраля 1913 г. решением Цивильского уездного земского собрания как научно-педагогический музей им. 300-летия династии Романовых. Свою работу он начал в феврале 1914 г. с целью распространения опыта наглядного обучения, повышения квалификации учителей, популяризации научных знаний [1]. В XXI в. музейная сеть республики получила новый импульс развития, озаменованный масштабными проектами и строительством современных музейных комплексов.

По состоянию на 1 июля 2022 г. музейная сеть Чувашской Республики была представлена 3 государственными музеями с 1 филиалом, 11 муниципальными музеями и 17 музеями, не имеющими юридической самостоятельности и являющимися структурными подразделениями муниципальных учреждений культуры, 2 музея относились к иным ведомствам [12].

Ведущим музейным учреждением республики остаётся Чувашский национальный музей, являющийся также одним из старейших в Чувашии, отпраздновавший в 2021 г. свой столетний юбилей. В его состав входят: музейно-выставочный центр [11], музей В.И. Чапаева [6], литературный музей имени К.В. Иванова [3], музей Михаила Сеспеля (г. Чебоксары) [8], музей М.Сеспеля (д. Сеспель) Канашского муниципального округа Чувашской Республики [9], музей чувашкой вышивки [10], мемориал «Строителям безмолвных рубежей» (находится около д. Байгулово Козловского муниципального округа Чувашской Республики, посвящён трудовому подвигу граждан Советского Союза в годы Великой Отечественной войны [4], в первую очередь строителям Сурского и Казанского

оборонительных рубежей, а также музей Вышитой карты России [7]. Причём четыре новых структурных подразделения Чувашского национального музея появились в XXI в.: музей Михаила Сеспеля (г. Чебоксары, открыт в 2003 г.), музей чувашской вышивки, он был открыт 23 июня 2015 г. в центре г. Чебоксары в старинном двухэтажном здании – памятнике истории и культуры, которое начали строить в 1913 г. как одноклассное училище, в годы Первой мировой войны в нём размещался госпиталь для воинов царской армии, после Октябрьской революции – различные учреждения, в 1930 г. – первое высшее учебное заведение – Чувашский государственный педагогический институт. В 2022 г. был создан Мемориал строителям безмолвных рубежей, в 2025 г. завершился строительством нового музея на главной туристической площадке столицы республики – Красной площади проект, начатый осенью 2021 г. по инициативе руководства Чувашской Республики по созданию Вышитой карты России. При строительстве нового музейного здания были использованы новейшие технологии: на медиафасадах музея демонстрируются цифровые интерпретации карты: анимированная версия от «Газпром межрегионгаза», «Интерактивная карта регионов России» лаборатории MARMA, мультимедийная инсталляция «Живая карта России»

Глобальные модернизации прошли и в основных зданиях Национального музея. Реконструкция главного здания музея, проведённая в 2003–2005 гг., значительно расширила экспозиционные площади, кардинально ещё и преобразовав фасад здания. Сегодня музей располагает технически оснащённым конференц-залом на 80 мест и малым конференц-залом на 20 мест для проведения секционных заседаний [15].

В 2018–2022 гг. находился на ремонте и музей В. И. Чапаева. В обновлённой экспозиции появились: ландшафтный макет города Чебоксары конца XIX – начала XX в., анатомические манекены солдата Русской императорской армии, ведущего пленного австрийца, а также красноармейца и уральского казака, появились сенсорные панели, благодаря которым у посетителей музея появилась возможность подробнее узнать о детских годах Василия Ивановича, о наградах периода Первой мировой войны, технике и вооружении, а также о боевом пути воинских подразделений, сформированных легендарным начдивом.

Вторым по времени появления государственным музеем Чувашии является Чувашский государственный художественный музей. Он был основан 17 сентября 1939 г., открыт 7 ноября 1939 г. Основой создания коллекции послужили 218 произведений художественного отдела Чувашского центрального музея, переданных художественному музею в сентябре 1939 г. В настоящий момент в структуру музея входят: Отдел русского и зарубежного искусства, Центр современного искусства, Мемориальный музей-квартира заслуженного деятеля искусств РФ, народного художника Чувашии М. С. Спиридонова. Музей проводит огромную работу по сохранению и популяризации чувашского профессионального художественного искусства.

Одним из самых молодых в системе государственных музеев Чувашии является Мемориальный комплекс лётчика-космонавта СССР А.Г. Николаева, такой статус в октябре 2006 г. получил Шоршелский музей космонавтики, созданный в 1972 г. на родине третьего космонавта СССР А.Г. Николаева в с. Шоршелы тогда Марпосадского района Чувашской

АССР в здании школы по инициативе её директора М.Я. Гаврилова, в 1978 г. школьный музей получил статус филиала Чувашского республиканского краеведческого (ныне Национального) музея. В 2001 г. музей переехал в новое специально для него построенное здание. В нём были использованы оригинальные решения для демонстрации наиболее крупных экспонатов, к примеру, для размещения автомобиля «ЗИС-110», на котором встречали А.Г. Николаева в Чебоксарах после первого космического полёта в сентябре 1962 г., одну из стен зала сделали поднимающейся, в результате чего автомобиль даже может выехать из здания музея.

В Чувашии помимо государственных музеев в настоящее время продолжает работать 11 муниципальных музейных учреждений. К ним относятся: МБУК «Алатырский краеведческий музей», МБУ «Краеведческий музей» города Канаша, МБУК Чебоксарского муниципального округа «Музей «Бичурин и современность» (филиал Ишакский краеведческий музей), МБУ «Историко-художественный музейный комплекс» города Новочебоксарска, МБУК «Районный литературно-краеведческий музей» Аликовского муниципального округа (филиал Чувашско-Сорминский краеведческий музей), МБУК «Историко-краеведческий Дом-музей Н.И. Лобачевского» Козловского городского поселения, МБУК «Музей верховых чувашей» Моргаушского муниципального округа (филиалы Музей Н.В. Никольского, Музей Ф.С. Васильева), БУК Батыревский районный историко-этнографический музей «Хлеб» (филиал Народный краеведческий музей села Алманчиково), МБУ «Централизованная музейная система» Ядринского муниципального округа (филиалы Ядринский художественно-краеведческий музей, Дом-музей народного артиста СССР Николая Дмитриевича Мордвинова, Верхнеачакский музей натурального хозяйства чувашского крестьянина XIX в.) [13], МБУ «Цивильский историко-краеведческий музей» Цивильского муниципального округа, МБУК «Краеведческий народный музей «Человек и природа» им. Валериана Толстова-Атнарского» Красночетайского муниципального округа [14].

Не имеют юридической самостоятельности и являются структурными подразделениями муниципальных учреждений следующие организации: муниципального бюджетного учреждения культуры (далее МБУК) «Центр развития культуры и библиотечного дела» Красноармейского муниципального округа – Красноармейский историко-краеведческий музей, Музей-картинная галерея им. Э. Юрьева, Народный мемориальный музей им. Ф.М. Лукина; МБУК «Централизованная библиотечная система» Комсомольского муниципального округа – народный музей «Земля и люди»; МБУК «Централизованная клубная система Яльчикского района» – Яльчикский народный историко-краеведческий музей, центра Детского творчества – Шумерлинский народный историко-краеведческий музей; МБУК «Централизованная библиотечная система» Янтиковского района – Янтиковский народно-краеведческий музей; Автономного учреждения «Централизованная клубная система» Шемуршинского муниципального округа – Большебуяновский историко-краеведческий музей; МБУ «Централизованная клубная система» Порецкого муниципального округа – Порецкий историко-краеведческий музей и картинная галерея; муниципального автономного учреждения МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Урмарского муниципального округа» – Урмарский народный краеведческий музей; МБУК «Централизованная клубная

система» Вурнарского муниципального округа – Вурнарский народный краеведческий музей; МАУК «Центральная клубная система» Мариинско-Посадского муниципального округа – Музей купеческого и мещанского быта, галерея им. Ю.А. Зайцева, творческая лаборатория «Музей геральдики» и музей музыки им. А.Н. Тогаева; филиалом МБУ «Центр развития культуры» Ибресинского муниципального округа является Ибресинский этнографический музей под открытым небом.

В XXI в. были внесены изменения и в названия некоторых музеев, к примеру, в декабре 2023 г. в Алатыре был открыт Музей русской провинции, он стал первым подобным учреждением в регионе, в результате чего появилось новое название – Алатырский художественно-краеведческий музейный комплекс, в который вошли Алатырский краеведческий музей и Музей русской провинции [1], по новому стал называться и районный краеведческий музей Мариинско-Посадского района, он стал музеем купеческого и мещанского быта.

Таким образом, общее число музеев, работающих в муниципальных округах Чувашии вместе с филиалами, составляет 35. При подсчёте мы ориентировались на сайты администраций муниципальных округов и самих музеев. Информация о количестве музеев в районах имеется и на сайте Национального музея Чувашии, но, к сожалению, она несколько устарела и не соответствует современной действительности.

Многие самостоятельные муниципальные музейные учреждения и музеи, являющиеся структурными подразделениями муниципальных учреждений, являются уникальными и имеют основательную историю своего развития. Так, Ибресинский этнографический музей под открытым небом стал первой подобной организацией в нашей республике. Он был создан при поддержке сотрудников Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в 1980 г. В музейный комплекс входят 4 объекта культурного наследия регионального значения: крестьянские усадьбы конца XIX в. (курная изба) и первой половины XX в., двухэтажный амбар, ветряная мельница, а также надворные постройки начала XX века – амбар, кузница, лачуга, баня по-чёрному, погреб, колодец «Журавль».

Все муниципальные музеи осуществляют важнейшую функцию сохранения и популяризации местной истории, традиционной культуры, памяти о выдающихся земляках, поэтому они проводят огромную работу с учащимися учебных заведений.

В Чувашии есть ещё два интересных музея, первый – входит в структуру МВД по Чувашской Республике, его экспонаты отражают становление, развитие и деятельность органов внутренних дел Чувашии, второй – Центра противопожарной пропаганды и общественных связей Главного управления МЧС России по Чувашской Республике. Они находятся в г. Чебоксары.

В Чувашской Республике работают и частные музеи. Наибольшую популярность приобрёл частное учреждение культуры «Научно-технический музей истории трактора». Он является единственным в России частным учреждением культуры, призванным содействовать техническому просвещению и образованию.

Таким образом, музейная сеть Чувашской Республики продолжает активно развиваться, меняясь организационно, расширяясь, внедряя

современные технологии и методики работы, при этом сохраняя свои исторические традиции и культурное наследие.

Список литературы

1. Алатырский художественно-краеведческий музейный комплекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alatyrg-km.ru/общая-информация/> (дата обращения: 25.11.2025).
2. Гусаров Ю.В. Цивильский уездный музей / Ю.В. Гусаров // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chuvenc.ru/filter_from_MainTable_Ц?page=8 (дата обращения: 25.11.2025).
3. Литературный музей имени К.В. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/литературный-музей-имени-к-иванова/> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Мемориал строителям безмолвных рубежей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/мемориал-строителям-безмолвных-руб/> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Мемориальный комплекс летчика-космонавта СССР А.Г. Николаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kosmos-memorial.ru/muzei/istoriya-muzeya/> (дата обращения: 25.11.2025).
6. Музей В.И. Чапаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/музей-в-и-чапаева/> (дата обращения: 25.11.2025).
7. Музей вышитой карты России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/музей-вышитой-карты-россии/> (дата обращения: 25.11.2025).
8. Музей Михаила Сеспеля (Чебоксары) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/музей-м-сеспеля-чебоксары/> (дата обращения: 25.11.2025).
9. Музей М. Сеспеля (д. Сеспель) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/музей-м-сеспеля-д-сеспель/> (дата обращения: 25.11.2025).
10. Музей чувашской вышивки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/музей-чувашской-вышивки/> (дата обращения: 25.11.2025).
11. Музейно-выставочный центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/branches/музейно-выставочный-центр/> (дата обращения: 25.11.2025).
12. Музейное дело [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.cap.ru/action/activity/muzejnoe-delo> (дата обращения: 25.11.2025).
13. Муниципальные музеи Чувашии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/муниципальные-музеи/> (дата обращения: 25.11.2025).
14. МБУК «Краеведческий народный музей «Человек и природа» им. Валериана Толстова-Атнарского» Красночетайского муниципального округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://muzei-krcht.rchuv.ru/doc/oficialjnie-dokumenti> (дата обращения: 25.11.2025).
15. Чувашский национальный музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnmuseum.ru/история/> (дата обращения: 25.11.2025).

Евдокимова Анжелика Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОСТАВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: в статье рассматриваются общие вопросы функционирования Казанской духовной академии, состоящей из духовного училища, семинарии и собственно академии, во второй половине XIX века. Обозначены особенности поступления на учебу, предметы, состав обучающихся, проблемы дальнейшего распределения на вакантные места в православных приходах Российской империи.

Ключевые слова: духовная семинария, духовное училище, духовная академия, духовно-учебные заведения, религиозное образование.

В течение долгого времени в силу наследственности духовного звания дети духовенства были обязаны учиться в религиозных школах. Родители данного периода неохотно отдавали своих детей в училище. В то время думали, что и без науки мальчик может быть полезным отцу в домашних трудах и со временем занять его место. Для освобождения детей от учёбы в училищах родители придумывали разные предлоги и отговорки. С серии церковных реформ 60–70-х гг. XIX в. сословные рамки стали рушиться, и это дало возможность самим духовным лицам определять собственный жизненный путь.

В 1860-х гг. система духовного образования в Российской империи претерпела значительные изменения. Уставы духовных училищ и семинарий 1867 г. и Уставы академий 1869 г. упразднили существовавшие окружные академические управления, ранее контролировавшие эти учреждения. Крупным образовательным учреждением являлась Казанская духовная академия, восстановленная в 1842 г. и фактически имевшая в своём составе три компонента: училище, семинарию, собственно академию. Обучаться здесь могли представители всех сословий [5, ст. 6, 6, ст. 6].

В училища принимались дети духовенства Казанской и Симбирской губерний. Приём в училища производился ежегодно в сентябре, с 1852 г. через каждые два года после вакации. Не разрешалось записывать детей менее восьми лет. Принимали и детей постарше с условием предварительной подготовки, в противном случае их отправляли домой с обязательством выучить весь необходимый материал к следующему учебному году [4, с. 457].

Курс духовных училищ был рассчитан на четыре года. После его окончания можно было поступать как в семинарии, так и в светские учебные заведения. Программа духовных училищ была простой и включала изучение Библии, катехизиса, богослужения, церковного устава, русского, церковнославянского, латинского и греческого языков, арифметики, географии, каллиграфии и церковного пения.

В семинарии принимали юношей от 14 лет, окончивших духовное училище. Получившие начальное домашнее образование сдавали вступительные экзамены. Успешная сдача выпускного экзамена давала право стать священником, а лучшие ученики могли продолжить образование в академиях. Учебный план семинарии включал изучение религиозных текстов, церковную историю, богословие, пастырское богословие, литургику, русскую литературу и историю, всеобщую и русскую историю, математику, физику, философию, латынь, греческий, французский или немецкий языки, а также церковное пение. Перевод в следующий класс осуществлялся по результатам ежегодного экзамена.

Религиозное воспитание в духовно-учебных заведениях страны было основополагающим и непреложным: это посещение богослужений, ежегодное причастие и исповедание, соблюдение церковных постов. Так называемые казённокоштные ученики проживали в общежитиях на полном государственном обеспечении, в то время как остальные вносили плату, размер которой определялся правлением. Форменной одежды как таковой не существовало, но одежда семинаристов была унифицирована.

Принимали в академию только лучших выпускников духовных семинарий. Одних приглашали по распоряжению руководства за счёт казны, другие приезжали добровольно и самостоятельно. Приглашения рассылались в разные епархии губернии. Во время учёбы родители часто просили руководство учебного заведения о переводе своих детей на казённый кошт, но лишь изредка эти прошения удовлетворялись: например, священнику с. Карамышево Чебоксарского уезда И. Апполонову в 1858 г. отказали в переводе сына Петра на казённокоштное содержание, посчитав, что доходы от приходского места позволяют отцу содержать в учебных заведениях даже двух сыновей. При этом отец писал много прошений, и каждое прошение должно было быть зафиксировано на гербовой бумаге стоимостью 1 рубль [3, д. 334, л. 31–32].

Накануне завершения учебного года правление академии составляло предварительный план, определяя число семинаристов, из которых будет произведён набор на следующий курс. При этом учитывались вакантные места, число выпускников в семинариях и их репутация. Готовились приглашения для лучших выпускников семинарий. Число приглашаемых семинаристов варьировалось. Хотя штат каждого курса предусматривал 30 студентов, фактическое число могло быть больше или меньше. Например, на первый курс в 1846 г. приняли 34 человека, ко второму осталось 33 [4, с. 457].

Основная часть приглашений отправлялась в семинарию Казанского учебного округа. Из Казанской семинарии, как ближайшей, вызывали больше студентов, чем из других, – по 3–4 человека, несмотря на небольшие выпуски (до 65 человек). Такое же количество приглашений получали наиболее крупные семинарии: Нижегородская, Тамбовская, Вятская, Пермская и Саратовская, первые три из которых считались образцовыми в плане обучения. Из других семинарий приглашали по 2 человека, а из малочисленной Астраханской и отдалённых Кавказской и Сибирских – нередко по одному.

Экзамен при приёме в семинарию для первого класса состоял в чтении гражданской и церковной печати по Часослову или Псалтырю, письме, пении, знании известных церковных молитв.

Изредка продолжалась практика предшествующих времён назначать фамилии ученикам: по округам, церквям и сёлам, именам родителей или родственников, наружности и особенностям личности или внешности учеников, а иногда и их родственников.

Во время учёбы происходило назначение обучающимся разрядов, в соответствии с произведённой аттестацией: «в I-й разряд поставлять тех, кто хорошо знает все предметы, во II-й ставить тех, кто хорошо знает предметы, за исключением 1–2, в III-й – кто все предметы знает удовлетворительно...» [2, д. 4047, л. 17].

Выпуск осуществлялся сразу после заключительного публичного экзамена. Частым явлением было то, что практически половина состава учеников не завершала обучение по тем или иным причинам, среди них на первом месте причины естественного характера. Из многолюдного пятого курса, поступившего в 1850 г., в котором было 38 студентов, выбыли только за один год 4 человека [1, с. 9].

В 1860-х годах духовное ведомство стремилось компенсировать материальные затраты на молодых людей, завершивших курс обучения, но впоследствии покинувших ряды духовенства. Для этого с выпускников духовных академий, переходивших на светскую службу, взимались денежные суммы, пропорциональные количеству лет обучения. Эти обязательства фиксировались документально. Однако в 1860–70-х гг. это привело к длительной и часто безрезультатной переписке, поскольку выпускники всячески уклонялись от выплат, ссылаясь на отсутствие обязательств при поступлении до 1864 года.

Традиционно по окончании академического курса выпускники обязывались служить в духовном ведомстве, подписывая соответствующие документы, в которых выражали намерение принять монашество или вступить в белое духовенство. Значительное количество воспитанников Казанской академии выбирали службу в белом духовенстве, в то время как монашество принимали сравнительно немногие.

После выпуска администрация академии занималась распределением выпускников. Внешнее правление академии запрашивает информацию о вакантных местах в семинариях и училищах. На основании полученных данных и с учётом успеваемости, происхождения и пожеланий студентов правление составляло проект распределения. Лучшие студенты, при наличии вакансий, оставались при академии, остальные назначались наставниками, смотрителями, инспекторами и учителями в семинарии и училища. В случае нехватки мест выпускники направлялись в епархиальные ведомства. Проект распределения утверждался духовно-учебным управлением.

Ожидание утверждения назначений занимало несколько месяцев, создавая неопределённость и неудобства для выпускников. Многие уезжали к родственникам, получая на это прогонные деньги, в то время как академия испытывала финансовые трудности с их содержанием. До утверждения назначений выпускники проживали в стеснённых условиях и питались за общим столом. После одобрения назначений студентам выдавались средства на дорогу (по паре на человека) и 50 рублей на первое время. Согласно положению 1837 года студентам разрешалось оставлять себе одежду и бельё (кроме столового), полученные в академии, а также постельные принадлежности. Это было большим подспорьем из-за небольших окладов. Академия, обеспечивавшая студентов всем

необходимым, выпускала их с полным «приданым» для начала самостоятельной жизни.

Духовно-учебное ведомство редко меняло назначения, предложенные академическим управлением. Просьбы студентов о переводе на другие места обычно передавались на рассмотрение академическому управлению. Мест было достаточно только в Сибири, но не все охотно ехали в отдалённые регионы. Студенты стремились получить места обычно сразу после распределения: в частности, огромное количество прошений сохранилось в архивах Казанской духовной консистории, семинарии, академии. Окончившие семинарию выпускники должны были быть посвящены в стихарь и перейти в епархиальное ведомство. Заканчивая учёбу в июне, редко кому удавалось найти приходское место, место дальнейшей службы, к осени текущего года [3, д. 334]. В силу же традиций и консервативности взглядов на дальнейшую судьбу пока ещё мало кто из выпускников стремился перейти в светское сословие.

С ликвидацией наследственного принципа занятия приходских мест детьми священно- и церковнослужителей в ходе церковных реформ 60–70-х гг. XIX в. на территории Казанской епархии выпускники духовных учебных заведений имели возможность перейти в другую сословную группу, но массового оттока из духовного звания пока не наблюдалось. Более того, общее количество приходов и приходских мест в епархии не росло существенно, что естественно приводило к переизбытку лиц, имеющих образование, но так и не приступивших к работе с прихожанами.

Список литературы

1. Липаков Е.В. Очерки истории казанских духовных школ / Е.В. Липаков // Семинарский вестник. – № (21). – С. 8–10.
2. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 10. – Оп. 1.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 116. – Оп. 1.
4. Терновский С.А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892 / С.А. Терновский. – Казань: Тип. имп. Ун-та, 1892. – 652 с.
5. Устав и штат духовных академий, высочайше утвержденные 30 мая 1869 года. – СПб.: Синодальная типография, 1869.
6. Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. – СПб.: Синодальная типография, 1867.

Иванова Ирина Николаевна

учитель

МБОУ «Тораевская СОШ»

Моргаушского МО Чувашской Республики

д. Сюлово, Чувашская Республика

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЯКОВЛЕВ И ТОРАЕВСКАЯ ШКОЛА

Аннотация: в статье рассматривается проблема роли Ивана Яковлевича Яковлева в развитии и становлении Тораевской школы. Анализируется исторический контекст прибытия И.Я. Яковлева в Тораевское училище в 1902 году, его педагогическая и административная деятельность, а также вклад в создание методических основ обучения и воспитания учащихся. Особое внимание уделяется влиянию Яковлева на повышение статуса национального образования и подготовку педагогических кадров в регионе.

Ключевые слова: Иван Яковлевич Яковлев, Тораевская школа, чувашское образование, национальная школа, педагогическое наследие, история образования, образовательные методики, Поволжье, педагогика.

Во второй половине 60–70-х годов XIX века в России началось проведение либерально-демократических реформ: было отменено крепостное право, проведены земская, городская, военная и судебная реформы. Их целью было преодоление экономической, военной, политической и культурной отсталости России и приближение её по уровню развития к передовым странам Европы.

Одной из серьёзных проблем в России и Чувашии второй половины XIX века была неграмотность основной массы крестьянского населения. Школ в Чувашском крае было мало: в 1860 году их насчитывалось всего 46. Не хватало учителей, детей обучали малограмотные дьячки и местные крестьяне. В 1864 году царское правительство было вынуждено издать «Положение о начальных народных училищах» и начать проведение школьной реформы среди нерусских народов. Вскоре после этого в Чувашском крае заметно увеличилось количество начальных школ.

В государственном историческом архиве Чувашской Республики есть дело «Сведения о Тораевской сельской начальной народной школе за 1876 год», где написано: «Тораевское сельское училище в селе Тораево Ядринского уезда открыто в 1867 году. Тораевская сельская школа помещается в здании Тораевского волостного правления, где и занимают одну комнату для учеников, а другую для учителя. Содержание получается для Тораевской сельской школы от крестьян Тораевской волости в год – 244 рубля, законоучитель получает в год – 60 рублей, учитель – 120 рублей, учитель пения – 24 рубля, на учебные пособия в год – 25 рублей и на отопление – 15 рублей» [1, л. 35, 35 об.]. Таким образом, школа в селе Тораево появилась 158 лет назад как волостная, содержащаяся на средства крестьян.

В это же время началась деятельность великого просветителя чувашского народа И.Я. Яковлева. Видя темноту и невежество простого народа, он часто задумывался над тем, как помочь родному народу выйти из нищеты, и пришёл к выводу, что наиболее верный путь освобождения от

вековой отсталости – это путь просвещения и образования. В 1875 году И.Я. Яковлев назначается инспектором чувашских школ Казанского учебного округа. Вскоре одноклассные и двухклассные училища Казанской, Симбирской и Самарской губерний были переданы в ведение инспектора чувашских школ Казанского учебного округа – т. е. в ведение И.Я. Яковлева. Также и Тораевское сельское училище было передано в ведение инспектора чувашских школ и Министерства народного просвещения. История Тораевской школы оказалась тесно связанной с именем И.Я. Яковлева.

В ГИА ЧР сохранился «Список учебных заведений, находящихся в непосредственном ведении инспектора чувашских школ Казанского округа», в котором написано: «Тораевское одноклассное Ядринского уезда открыто 1 августа 1882 года. Руководствуется инструкцией для двухклассных и одноклассных училищ Министерства Народного Просвещения. Помещается в собственном доме. А на содержание училища от Министерства Народного просвещения отпускается 366 рублей и от сельского общества 44 рубля. Есть законоучитель и учитель и учащихся 36» [2, лл. 4, 8]. Таким образом, 143 года назад Тораевская школа получила название «Начальное Министерства народного просвещения училище», была одноклассной с четырёхлетним сроком обучения.

Школа находилась в селе Тораево на базарной площади. Законоучителем был Александр Иванович Аргентов, учителем Арсений Макарович Быстров, учащихся было 61 мальчик и 5 девочек. В 1888 году здание Тораевского училища сгорело. Узнав об этом, И.Я. Яковлев срочно выехал в с. Тораево. По воспоминаниям старожилов, долго беседовал И.Я. Яковлев с крестьянами, увещевал их выделить земельный участок для постройки школы. Казалось, крестьяне вот-вот согласятся с мнением «батьюшки» – так они называли И.Я. Яковлева, принимая его за священника по длинному кафтану. Но крестьяне сначала робко, а потом решительнее начали отказываться. Ведь чувашские крестьяне считали, что грамота чувашским детям не нужна (хут пельни ним тума та кирле мар), крестьянин должен уметь пахать, сеять, ухаживать за скотом [5]. Крестьяне также были недовольны тем, что обучение велось на русском языке и нередко детей наказывали. Однако И.Я. Яковлев не опустил руки, а с удвоенной силой и энергией взялся за дело. Тотчас же он поехал в соседнюю деревню Сюлово, которая была расположена рядом. Яковлев предварительно поговорил с отдельными крестьянами и заручился их поддержкой. Нелегко было в то время построить школу, нужно было получить разрешение волостных органов на выделение земельного участка, найти необходимые средства на строительство и содержание школы. На сельском сходе он рассказал крестьянам о школах, открытых в других волостях, об учениках Симбирской чувашской школы. После некоторых споров община решила выделить участок под школу на северной стороне деревни. Окрылённый успехом, И.Я. Яковлев сразу же начал хлопотать о строительстве. Выбрав место, сам разбил участок, расставил колышки. Появился новый вопрос: «А как быть со строительным материалом?». После долгих хлопот и разговоров в Тораевском волостном правлении и Ядринском уездном земстве И.Я. Яковлев добился своего – сам съездил и купил здание в Ишлей-Покровском, организовал перевозку сруба [5].

Эти воспоминания старожилов подтверждаются архивными данными.

В ГИА ЧР фонде 501, опись 1, дело 99 находится «Дело инспектора чувашских школ Казанского учебного округа по устройству дома Тораевского одноклассного училища Министерства Народного Просвещения Ядринского уезда Казанской губернии». В материалах дела содержится копия приговора Тораевского сельского общества об отводе нового места для постройки Тораевского училища, копия договора между И.Я. Яковлевым и крестьянином с. Чиганары Рыбиным о строительстве Тораевского училища с подписью И.Я. Яковлева, которая подтверждает личное участие просветителя в создании и сохранении школы. Его личное присутствие подтверждает телеграмма от 22 сентября 1890 года со словами: «Я приеду в Тораево 6 октября, Яковлев» [3]. 28 октября 1890 года здание училищного дома было принято приёмной комиссией и торжественно освящено священником местной церкви. Так школа, называемая Тораевской, благодаря стараниям и упорству И.Я. Яковлева, обосновалась на территории деревни Сюлово.

Не раз пришлось приезжать в Тораевскую школу И.Я. Яковлеву. Прежде всего, было много забот со строительством и содержанием школы, много внимания он уделял и учебно-воспитательному процессу. Посещал уроки учителей, да и оказывал житейскую помощь крестьянам мудрыми советами. Много добрых воспоминаний сохранилось у старожилов о И.Я. Яковлеве. В памяти односельчан Яковлев остался доброжелательным и внимательным человеком, заботящимся о простых людях [5]. Каждый день он беседовал с крестьянами, постоянно вникал в их проблемы. Кроме строительства школы, он оказывал крестьянам помощь в приобретении земли. Всё это он делал бескорыстно, не жалея ни сил, ни времени, ни личных средств.

Постоянно заботился о своём детище И.Я. Яковлев, внёс идею создания при школе опытного сельскохозяйственного участка, школьного сада. В школе был введён ручной труд, в первые же годы открыт сапожно-башмачный класс, введено изучение столярного ремесла. Приезд И.Я. Яковлева был всегда радостным событием для учителей и учеников, он привозил ученикам книги и другие необходимые предметы. В 1900 году И.Я. Яковлев ходатайствовал перед Ядринской земской управой о преобразовании Тораевского одноклассного училища в двухклассное, о чём свидетельствуют архивные материалы, в которых И.Я. Яковлев собственноручно пишет: «В виду этого я предполагаю начать ходатайство о преобразовании Тораевского одноклассного училища в двухклассное, причём надеюсь на успех, тем более, что просить средства на увеличение здания не придётся, так как здание, занимаемое в настоящее время одноклассным училищем, вполне достаточно и для двухклассного» [4, лл. 22, 23].

В 1901 году Тораевское училище было преобразовано в двухклассное с шестилетним сроком обучения. А в 1902–1903 годах куплен дом купца и построено новое здание школы.

И.Я. Яковлев очень хотел, чтобы школа и её территория были самыми красивыми на селе, поэтому с самого зарождения школы предложил создать школьный сад. По его просьбе старейшие садоводы на селе Ф. Фёдоров, К. Ефимов, Г. Гаврилов посадили более сотни разных плодовых, хвойных и лиственных деревьев. Вскоре здесь стеной выросли могучие сосны и ели.

В 1902 году в Тораевской волости из-за неурожая наступили тяжёлые времена, население бедствовало и голодало. В это трудное время в Тораевскую школу приехал И. Я. Яковлев, он начал хлопотать об организации в школе питания для учащихся. Вскоре детям стали давать на обед горячий суп и хлеб.

Тораевская школа, созданная И.Я. Яковлевым, выдержала испытание революциями и временем. В 1932–1933 годах в Тораевской школе была создана Школа колхозной молодёжи. В 1933 году она была преобразована в неполную среднюю школу. В 1935–1937 годах, когда количество обучающихся резко возросло, было построено новое двухэтажное здание школы. В 1937 году Тораевская школа была преобразована в семилетнюю школу. В 1956 году после Великой Отечественной войны семилетняя школа была преобразована в среднюю школу.

Тораевская школа стала настоящим центром просвещения и образования. За свою долголетнюю историю она воспитала несколько поколений учащихся. Её выпускники достойно работают в различных отраслях хозяйства, стали прекрасными специалистами своего дела. Многие из них стали известными людьми ЧР: кандидатами и докторами наук, врачами и деятелями культуры, учителями и военными, работниками с/х и промышленного производства

Один из них – Николаев Пётр Николаевич – автор чувашского букваря, издававшегося в 50–70-х годах XX века. Николаев П.Н. оставил воспоминания о годах обучения в школе: «В школу ходили в холщевых рубашках и штанах, лаптях, кафтанах из домотканого сукна, книги носили в холщевых сумках...» [5]. После окончания Тораевской шестилетней школы он обучался в Чувашской учительской школе. Педагогическую деятельность начал в годы Гражданской войны, работал учителем, затем заведующим волостного отдела образования, инспектором в Наркомпросе ЧАССР, сотрудником института усовершенствования учителей. За достигнутые успехи в деле просвещения удостоился нескольких правительственных наград. В 1957 году ему было присвоено звание «Заслуженный учитель Чувашской АССР».

Школа гордится многими своими выпускниками.

Кириллов Райнольд Семёнович – доцент, заведующий кафедрой философии ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, награждён грамотами Министерства просвещения СССР, РСФСР, ЧР. Автор более 90 научных и научно-методических работ. Киров С.К. – генеральный директор ОАО «КамАЗ Автодор», заслуженный работник транспорта РФ. Иванова А.З. работает в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф. Павлова, заведует вокальным отделением, среди её учеников – А. Уляндина, М. Еланова. Иванов В.Н. – окончил Ленинградский государственный институт культуры, кандидат культурологических наук, имеет звание «Заслуженный работник культуры ЧР». Александров И.А. – заслуженный артист ЧР, солист Чувашской государственной симфонической капеллы. Салтыков В.Г. – рабочий Чебоксарского агрегатного завода, награждён орденом Ленина, заслуженный машиностроитель, имеет звание «Мастер – золотые руки».

Многие выпускники школы выбрали в своей жизни науку. Иванчиков Ю.В. – доцент ЦСХА, заведующий кафедрой; Егоров Ф.А. – доктор физико-математических наук, профессор, работает в институте радиотехники

и электроники РАН; Иванов В.И. – кандидат физико-математических наук, сейчас работает в Московском технологическом институте.

В 1982 году коллектив школы торжественно отметил 100-летие основания школы. В школе был официально открыт историко-краеведческий музей.

Здание школы, построенное в 1935–1937 годах, обветшало, устарело, в нём сохранялось печное отопление, возникла необходимость в новом современном помещении, соответствующем требованиям времени. Однако в 80-х перестроечных годах невозможно было найти средства на строительство нового здания школы. Благодаря усилиям администрации района в лице Вязова В.И., заведующего районным отделом образования Васильева В.М., руководителей колхозов им. Кирова и им. Суворова Албутова А.Н. и Трофимова В.Б., а также администрации школы Никифорова В.В. и Ершовой Р.Т., был найден выход. Весной 1997 года было принято решение о строительстве пристроя к зданию Тораевского Дома культуры. Это была первая экспериментальная площадка в ЧР – совмещение в одном месте школы и клуба – создание единого образовательного культурно-воспитательного центра. В последующие годы по примеру Тораевского ОВКЦ появились такие же центры в населённых пунктах Моргаушского и других районов ЧР.

30 октября 1997 года состоялось торжественное открытие первого в Чувашии образовательно-воспитательно-культурного центра «школа-клуб». На открытие центра приехал Президент ЧР Н.В. Фёдоров.

Тораевская школа продолжает стоять на том же месте, которое ей нашёл И.Я. Яковлев. Только стала она краше и лучше. Сегодня школа функционирует в типовом здании, располагает спортивным и актовым залом на 300 мест. Для питания учащихся есть уютная столовая на 40 мест. Для учёбы и дополнительного чтения – богатая школьная библиотека. У школы есть комбинированная мастерская для проведения уроков труда. Особую радость школьникам доставляет компьютерный класс, все компьютеры объединены в единую локальную сеть, установлена спутниковая тарелка для приёма передач школьного образовательного канала, имеется выход в Интернет.

В школе созданы все условия для полноценного развития учащихся: есть водопровод, канализация, газовое отопление. В 2004 году для перевозки учащихся из дальних деревень школе подарили новый автобус. Все учителя имеют высшее образование.

За последние годы достигнуты значительные успехи в учебной деятельности. Учащиеся школы принимают активное участие в предметных олимпиадах, научно-практических конференциях, интеллектуальных играх и различных других районных и республиканских конкурсах. Школе есть чем гордиться: своей историей, своими учителями и своими учениками.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 511. – Оп. 1. – Д. 1. – 35, 35 об. л.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 501. – Оп. 1. – Д. 48. – 4, 8 л.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 501. – Оп. 1. – Д. 99.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 501. – Оп. 1. – Д. 247. – 22, 23 л.
5. Научный архив историко-краеведческого музея МБОУ «Тораевская СОШ».

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-150819

КНЯЗЬ А.И. ВАСИЛЬЧИКОВ И ДИСКУССИЯ О РОЛИ ОБЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: в статье анализируется дискуссия о роли общины в российской истории, в которой в 70–80-е гг. XIX века приняли участие А.И. Васильчиков, В.И. Герье, Н.К. Михайловский, Б.Н. Чичерин и другие российские ученые и публицисты. Ход дискуссии был политизирован из-за несопадающих идеологических взглядов её участников, и обсуждение проблем русской общины отошло на второй план перед взаимными упреками оппонентов в мелких неточностях.

Ключевые слова: русская община, крестьянская община, земское самоуправление, российская история, землевладение, общественно-политическая дискуссия.

Князь Александр Илларионович Васильчиков (1818–1881 гг.) родился в знатной семье председателя Государственного совета Российской империи И.В. Васильчикова и мог бы сделать блестящую государственную карьеру. Но после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета А.И. Васильчиков отправился на Кавказ в составе комиссии барона П.В. Гана для организации там нового административного устройства. Однако этот проект так и не был реализован. В Пятигорске Александр Илларионович познакомился с М.Ю. Лермонтовым, посвятившим новому знакомому стихотворение, которое скорее можно назвать едкой эпиграммой. Там Васильчиков стал свидетелем ссоры М.Ю. Лермонтова и Н.С. Мартынова и был секундантом на их дуэли, за что затем попал под суд [8, с. 152].

В 1845 году после возвращения с Кавказа князь поступает на службу во II отделение канцелярии. Однако карьера чиновника его не прельщала. Позже он писал: «С ранней молодости я почувствовал всю ничтожность канцелярской службы и необходимость узнать быт народа и порядок службы вне Петербурга, где все представляется в ложном свете, – в провинции и в деревне, где уныло и мирно течет трудовая жизнь» [12, с. 111]. Он переезжает в Новгородскую губернию и в 1848 году становится уездным предводителем дворянства. Однако его неудачные попытки борьбы со злоупотреблениями местных чиновников и «распутным поведением помещиков» привели к его отказу баллотироваться на повторный срок. Во время Крымской войны он служил капитаном, а потом майором дружины народного ополчения. В 1856 году Александр Илларионович женился и увлекся модернизацией сельского хозяйства в своем имении Тауруген в Кованской губернии: упразднил барщину, устроил «вольнонаемное» хозяйство. В другом имении Трубетчино князь организовал образцовое хозяйство, построил завод по производству сахара из свеклы. Он даже подготовил свой проект

по освобождению крестьян, в котором выступал «за умеренный выкуп с помощью государства при сохранении помещичьего землевладения, основанного на применении вольнонаемного труда» [12, с. 19–20, 99].

Васильчиков с энтузиазмом принял реформу 1861 года, а затем с не меньшим энтузиазмом – земскую реформу. С 1865 до 1875 года он работал в Новгородском земстве, был активным членом Петербургского собрания сельских хозяев. Васильчиков стоял у истоков кооперативного движения в России, был председателем комитета ссудных товариществ. С целью пропаганды своей практической деятельности Васильчиков написал около десяти публицистических работ, в которых он ратовал за развитие местного самоуправления и образование крестьян, за создание условий для мелкого земельного кредита и т. п.

Однако самой популярной работой А.И. Васильчикова стала книга «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах», вышедшая в свет в 1876 году [1; 2]. Это объемное исследование в двух томах освещало проблемы землевладения, в том числе общинного, не только в России, но и в Европе. Сравнивая положение крестьянства во Франции, Англии, Германии и России, автор приходит к выводу о том, что «аграрное положение России особенно благоприятно». Он считает главными причинами «социальных смут» на Западе «безземелие народной массы», что приводит к эмиграции и неравенству [2, с. 550–551]. Он был против превращения крестьян в наемных работников, считая общинное землевладение исключительным явлением русской истории.

Васильчиков полагал, что общинное землевладение поможет России избежать социальных движений, таких как на Западе, поэтому необходимо дальнейшее улучшение общинного землевладения и ведения крестьянского хозяйства. Автор утверждал, что частное землевладение не имело в России «прочной, легальной основы», а поддерживалось «искусственными и отчасти насильственными мерами» [2, с. 561–562]. Однако, приводя в подтверждение своих выводов факты из западноевропейской истории, Васильчиков наделал массу, по словам В.И. Герье, «гимназических ошибок» [10, л. 16].

Превознесение роли русской общины, «первенство крестьянского сословия в русской земле», тезис о сокращении дворянского землевладения и росте крестьянского – все эти выводы Васильчикова с восторгом были приняты народниками. Сразу после выхода книги появилось несколько восторженных рецензий на неё в «Отечественных записках».

Однако для российских либералов-западников выводы Васильчикова показались неприемлемыми, как и трактовки этих выводов российской общественностью, на веру воспринявшей достаточно шаткие с научной точки зрения доказательства своей теории А.И. Васильчиковым.

Профессор Московского университета В.И. Герье после прочтения книги Васильчикова пришел в негодование от совершенных автором грубых ошибок по западноевропейской истории. Он писал, что «идеализация общинного землевладения со стороны кн. Васильчикова не что иное, как заблуждение, основанное на плохом знании и понимании истории» [10, л. 16]. Герье решил разоблачить «дилетантизм» князя, но так как сам «историей русского права никогда не занимался, а тут были исторические и юридические вопросы, касавшиеся России», то он обратился за

содействием к своему другу Б.Н. Чичерину. Чичерин, прочитав книгу, в первую очередь, был возмущен её «социалистическим духом» и тем, что она «восхвалялась на все лады и в русских журналах, и ученою братией», и решил «разобрать ее, в поучение русской публике» [3, с. 68]. Так появилась совместная книга Герье и Чичерина «Русский дилетантизм и общинное землевладение», которая по своему объёму (250 страниц!) и тщательности разбора всех положений Васильчикова стала уникальным изданием, далеко выходящим за рамки простой рецензии.

В этой книге В.И. Герье написал введение, критику методов Васильчикова и педантично разобрал его многочисленные ошибки из западноевропейской истории. Наибольшее отторжение у профессора вызвал тезис князя о «коренном антагонизме между славянской и европейской культурой», утверждения князя о том, что «славянской расе» исконно было свойственно общинное землевладение, а «германской расе» – «завоевание и захват земли», приведшие к частному землевладению» [4, с. 165]. Герье полагал, что тенденции развития землевладения первоначально были одинаковыми в Европе и в России. Однако «введение крепостного права затормозило переход к частновладельческому землевладению и укрепило общинное землевладение в России» [4, с. 170–171].

Б.Н. Чичерин написал главы об экономических взглядах Васильчикова, его неверной трактовке русской истории и ошибках в статистических выкладках. Главный вывод книги профессоров-либералов сводился к тому, что общинное землевладение тормозит развитие производительных сил России. Авторы ратовали за развитие предпринимательства в русской деревне и «личного интереса», которые смогут существенно поднять эффективность сельскохозяйственного производства» [4, с. 229–230]. Авторы считали, что идеализация общинного землевладения является вредной для развития сельского хозяйства в России.

Профессора считали «лжезащитниками» крестьян тех деятелей, которые «утверждают, что крепостное право было для них выгоднее, нежели свобода» [4, с. 233]. Неготовность крестьян хозяйствовать в условиях «дарованной им свободы», по их мнению, является следствием «господства общины и круговой поруки» [4, с. 237]. Авторы высоко оценивали реформы 1860-х годов, которые «перестроили весь наш общественный быт и внесли в него начало гражданской свободы» и считали «ложно понятым патриотизмом» отрицательное отношение к опыту Западной Европы, которым была проникнута вся книга Васильчикова [4, с. 249].

Появление книги В.И. Герье и Б.Н. Чичерина вызвало активную дискуссию в прессе вокруг проблем русской общины. Против Герье и Чичерина выступила разношерстная коалиция в лице народника Н.К. Михайловского, либерала М.М. Ковалевского, земского деятеля А.А. Головачева и др. Б.Н. Чичерин в своих воспоминаниях писал: «На нас посыпалась брань со всех сторон», ибо «обличать грехи писателя с социально-демократической тенденцией было непростительным преступлением» [3, с. 69].

В ходе дискуссии М.М. Ковалевский голословно обвинил Герье и Чичерина в том, что они якобы утверждали, «будто в Западной Европе общинное землевладение никогда не было известно» [6, с. 189]. В ответ Чичерин уличил оппонента в неверной трактовке выводов книги [13]. Тогда Ковалевский заявил, что Чичерин «в вопросах экономики дилетант» [7].

А.А. Головачев написал пространную статью, которую можно назвать «рецензией на рецензию» под символическим названием «Ученое невежество» с полемическими обвинениями в адрес Герье и Чичерина [5].

Очевидно, что дискуссия вокруг книги Герье и Чичерина был явно политизирована. Однако доказательные выводы этих ученых о дилетантизме и научном невежестве Васильчикова всё-таки привели к снижению его авторитета среди читающей публики. Так, К.Д. Кавелин признал аргументированность этой критики. Но народник Н.К. Михайловский, напротив, именно ученость Герье и Чичерина использовал в качестве обвинения против них, безапелляционно подвергая сомнению саму необходимость написания их книги и разоблачения ошибок Васильчикова. «Глашатаи истины, ... факелы просвещения, гордые одиночеством своего блеска во тьме русского дилетантизма» [8, с. 272], – иронично обращался Михайловский к профессорам, никак, впрочем, не опровергая научных доказательств ученых.

Таким образом, в ходе дискуссии обсуждение проблем русской общины отошло на второй план перед взаимными упреками оппонентов в мелких неточностях. При этом каждая из сторон осталась при своем мнении. В 1881 году, за несколько месяцев до смерти, Васильчиков во введении ко второму изданию своей книги признал, что «многие из замечаний моих критиков были вполне справедливы», но считал, что даже его «грубые ошибки» и «непростительные промахи» не опровергают правоту его выводов [2, с. 5–6]. Интересно, что и Герье незадолго до своей кончины в 1919 году опять обратился к этой проблеме. В рукописи своей последней статьи он писал, что «Российская империя погибла вследствие отрицания в ней права личной собственности», потому что право на землю опустилось в ней на «первобытную, общинную» ступень [11, л. 1, 21(об)].

Можно констатировать, что в этом споре ни один из участников не был полностью прав, т. к. проблемы русской общины не изучались ими на основе анализа источников, а дедуктивно трактовались для доказательства своих концептуальных построений.

Список литературы

1. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2-х т. / А.И. Васильчиков. – СПб.: М.М. Стасюлевич, 1876. – 565 с.
2. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах / А.И. Васильчиков. – 2-е изд. – СПб.: М.М. Стасюлевич, 1881. – 1008 с.
3. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума. – М.: Север, 1934. – 371 с.
4. Герье В.И. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги А. Васильчикова «Землевладение и земледелие» / В.И. Герье, Б.Н. Чичерин. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1878. – 250 с.
5. Головачев А.А. Ученое невежество / А.А. Головачев // Слово. – 1878. – №7. – С. 70–86.
6. Ковалевский М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века / М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1910. – №5. – С. 178–221.
7. Ковалевский М. Ответ проф. Б.Н. Чичерину / М. Ковалевский // Критическое обозрение. – 1879. – №4. – С. 34.
8. Лермонтовская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
9. Михайловский Н.К. Письма к ученым людям: полн. собр. соч. Т. 4. / Н.К. Михайловский. – 4-е изд. – СПб., 1909. – С. 597–619.

10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 12. Герье В.И. Мои воспоминания. – 44 л.

11. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 70. К. 33. Ед. хр. 12. Герье В.И. О необходимом условии прочности государства: статья. – 26 л.

12. Старостин А.Ю. А.И. Васильчиков (1818–1881): политические идеи и концепции / А.Ю. Старостин. – М.: Воробьев А.А., 2003. – 167 с. EDN QOSAER

13. Чичерин Б.Н. Письмо редактору журнала М. Ковалевскому / Б.Н. Чичерин // Критическое обозрение. – 1979. – №4. – С. 32–33.

Инков Александр Александрович

канд. ист. наук, доцент, доцент

АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

г. Москва

РУССКО-ПОЛОВЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIV–XVII В.

Аннотация: в статье представлен обзор памятников новгородского летописания, содержащих сведения о русско-половецких отношениях середины XI – первой трети XIII в. Автор рассматриваются вопросы, связанные с происхождением, датировкой, источниковой базой, соотношением новгородских летописей между собой. Отдельное внимание уделяется вычленению из источников непосредственно самих половецких известий. Указывается общее количество таких известий в каждой летописи, их месторасположение в тексте.

Ключевые слова: новгородские летописи, Русь, половцы, источник, летописный список, протограф.

Русско-половецкие отношения XI–XIII вв. рассматриваются достаточно большим кругом древнерусских летописей. К сожалению, оригиналы многих летописей не сохранились. Большинство из них дошли до нас в виде летописных сводов – собраний из нескольких летописей, соединенных вместе в XIV–XVII вв.

В период Киевской Руси основным центром летописания являлся Киев. Именно здесь в начале XII в. была создана первая общерусская летопись – Повесть временных лет, которая послужила основой для всех последующих летописных источников. С распадом Древнерусского государства на отдельные части, собственные центры летописания стали возникать также в других русских землях: Чернигове, Смоленске, Галиче, Рязани, Суздале, Ростове, Владимире-на-Клязьме. Работавшие в этих городах летописцы на первых порах продолжали традицию общерусского летописания, сообщая на страницах своих сочинений обо всех происходивших на Руси важных событиях. Однако уже вскоре акцент стал смещаться в сторону местных известий, которые к началу XIII в. полностью заняли доминирующее положение в региональном летописании.

По степени освещения русско-половецких отношений летописные источники условно можно разделить на три группы. Первую из этих групп

составляют летописи южнорусского происхождения. Важнейшее место среди последних занимает Ипатьевский летописный свод XV в., вобравший в себя ряд киевских и галицких летописей, а также разрозненные сведения из черниговского, волынского и смоленского летописания более раннего времени [7, с. Е]. На протяжении своей истории Южная Русь чаще других русских земель вступала с кочевниками евразийских степей в разнообразные отношения, находилась под их сильным влиянием. В XI–XIII вв. половецкий фактор был главным фактором ее развития. Поэтому южнорусские летописцы намного больше уделяли внимания русско-половецким отношениям, чем летописцы из других русских княжеств. Ипатьевская летопись не только подробно освещает взаимоотношения между русскими князьями и половцами, но и является главным и наиболее подробным источником по интересующей нас теме.

Вторую группу источников по истории русско-половецких отношений занимают северо-восточные и западнорусские русские летописи. Наиболее важными среди них являются Лаврентьевская (XIV в.) [6] и Радзивилловская (сохранилась в списках XV в.) [12] летописи. Северо-Восточная и Западная Русь, за исключением Рязанского княжества, не имела с Половецкой степью общей границы, вследствие чего гораздо в меньшей степени, чем южнорусские земли, подвергалась набегам степняков. Тем не менее, владими́ро-суздальские и смоленские князья охотно привлекали половцев к участию в многочисленных усобицах на юге Руси. Поэтому местные летописцы также уделяли освещению русско-половецких отношений значительное внимание. Лаврентьевская и Радзивилловская летописи уступают Ипатьевскому летописному своду в информативности, однако содержат ряд известий о взаимоотношениях владими́ро-суздальских и рязанских князей с половцами, которых нет в киевском летописании, что также делает их незаменимым источником по данной теме.

К третьей группе источников по истории русско-половецких отношений относятся новгородские летописи. По сравнению с двумя предыдущими группами, новгородские источники рассматривают интересующую нас тему весьма фрагментарно. Объясняется это тем, что Новгород и Новгородская земля располагались за тысячи километров от Половецкой степи на противоположном от нее конце Руси, а потому на протяжении всего периода своей истории они ни разу не сталкивались с половецкой угрозой. Взаимоотношения с половцами были для Новгорода важными только в той степени, насколько они затрагивали его интересы, связанные с безопасностью проходивших на юг торговых путей. А поскольку последним редко когда что угрожало со стороны половцев, то и внимания отношениям Руси и степняков новгородские летописцы уделяли намного в меньшей степени, чем южнорусские и северо-восточные источники.

Ряд историков отказывают новгородским летописям в какой-либо ценности в освещении русско-половецких отношений. Тем не менее, нельзя не отметить, что новгородские летописи в некоторых случаях не только дополняют известия других источников, но и содержат сведения о половецах, которые частично или полностью в них отсутствуют.

Наиболее важными в освещении русско-половецких отношений являются: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, Новгородская Карамзинская летопись, Новгородская вторая и Новгородская

четвертая летопись, Новгородская летопись Дубровского, Софийская первая летопись, Новгородская Уваровская летопись.

Новгородская первая летопись старшего извода (далее НПЛ) относится к наиболее древним памятникам древнерусского летописания. По мнению исследователей, текст летописи был написан в XII – первой половине XV в. на основе более ранней Новгородской владычной летописи, созданной при новгородской владычной (архиепископской) кафедре и дошедшей до нас в двух основных изводах (редакциях) [1, с. 6, 15]. Старший извод сохранился в единственном Синодальном списке XIII–XIV вв., который является древнейшим среди списков русских летописей. Вопрос об источниках НПЛ достаточен сложен. Основой ранних известий НПЛ до 1113 г. послужила Повесть временных лет. После 1113 г. в летописи значительно возрастает массив местных новгородских известий. Однако применительно к событиям южной Руси XII в. автор НПЛ, по-видимому, в первую очередь использовал заимствования из киевской летописи, попавшей на берега Волхова с кем-то из пришедших на княжение в Новгород южнорусских князей. Большинство сохранившихся в НПЛ известий о русско-половецких отношениях схожи с аналогичными сведениями Ипатьевской летописи. При этом новгородский летописец стремился всячески сократить киевский текст, а в отдельных случаях полностью убирал статьи, которые, по его мнению, были неинтересны или не относились к истории Новгорода. Так, например, НПЛ ничего не сообщает о первом появлении половцев на Руси в 1055 г., которое закончилось заключением между сторонами мира и датирует начало русско-половецких отношений вторжением степняков в Переяславское княжество в 1061 г. [4, с. 17]. Отсутствуют в НПЛ какие-либо известия о русско-половецких столкновениях 1140–1150-х гг., включая походы суздальского князя Юрия Долгорукого на Киев, когда тот, по свидетельству южнорусских летописцев, буквально вовлек в свои устоицы «всю Половецкую степь, что между Днепром и Доном». Нет сведений в ней о событиях 1170–1190-х гг., связанных с натиском на южные границы Руси половецкого хана Кончака. Не упоминает летописец и печально известный поход в Половецкую степь новгород-северского князя Игоря Святославича 1185 г., воспетый в «Слове о полку Игореве».

Всего в составе НПЛ старшего извода насчитывается 17 статей с упоминанием русско-половецких отношений: 6569 (1061), 6576 (1068), 6586 (1078), 6587 (1079), 6601 (1093), 6611 (1103), 6414 (1106), 6419 (1111), 6643 (1135), 6645 (1137), 6668 (1160), 6675 (1167), 6703 (1195), 6711 (1203), 6726 (1218), 6732 (1224), 6743 (1235) гг. Три статьи содержат факты, которые не встречаются в большинстве других летописных сводов или имеются только в более поздних списках. В статье 6711 г., посвященной разграблению Киева объединенным русско-половецким войском во главе с овручским князем Рюриком Ростиславичем, летописец, в отличие от большинства других источников, не упоминающих имен половецких предводителей, сообщает, что степняками во время этой осады командовали известные ханы Кончак и Данила Кобыкович [4, с. 45]. В статье 6732 г. наряду с кратким описанием битвы русских и половцев с монголами в битве на р. Калке, приводится поименный список павших в ней девяти русских князей (для сравнения, Ипатьевская летопись не упоминает имена погибших князей вовсе, а Лаврентьевская летопись сообщает имена только двух князей) [4, с. 63].

Новгородская первая летопись младшего извода представляет собой дополненную и отчасти переработанную редакцию старшего извода НПЛ, и наряду с последним содержит наиболее полный набор статей раннего новгородского летописания. Впервые в научный оборот летопись была введена В.Н. Татищевым. По мнению А.А. Шахматова, в ранних известиях младшего извода отразился так называемый Начальный свод конца XI в., который непосредственно предшествовал Повести временных лет и использовался в новгородском летописании XIII в [15, с. 271]. В целом, текст НПЛ младшего извода сходен с Синодальным списком, что объясняется происхождением обоих изводов от общего протографа – Новгородской владычной летописи. В настоящее время младший извод представлен несколькими списками XV–XIX вв. Наиболее важными из них являются Академический и Комиссионный списки, написанные в середине XV в. Комиссионный список в его основной части доводит изложение до 1439 г. и имеет продолжение до 1446 г. Академический список, с утраченным окончанием, судя по снятым с него в XVIII в. копиям, заканчивался статьей 1444 г. Остальные списки НПЛ младшего извода имеют достаточно позднее происхождение.

В статьях Комиссионного списка, посвященных истории Руси середины XI – начала XIII в., русско-половецкие отношения упоминаются в 18 статьях: 6563 (1055), 6569 (1061), 6576 (1068), 6579 (1071), 6586 (1078), 6587 (1079), 6601 (1093), 6611 (1103), 6414 (1106), 6419 (1111), 6643 (1135), 6645 (1137), 6668 (1160), 6675 (1167), 6703 (1195), 6711 (1203), 6732 (1224), 6743 (1235) гг. По сравнению с Синодальным списком, в составе НПЛ младшего извода сохранились две статьи Повести временных лет, которых нет в старшем изводе. Одна из этих статей под 6563 г. рассказывает о первом приходе половцев на Русь и заключении с ними мира переяславским князем Всеволодом Ярославичем, вторая – под 6579 г. повествует о набеге кочевников на пограничные городки Ростовец и Неятин [4, с. 182, 191]. Наряду с этим, в составе младшего извода отсутствует статья 6726 г. об убийстве рязанскими князьями Глебом и Константином при помощи половцев своих братьев на княжеском съезде в Исадах, присутствующая в Синодальном списке. В целом, половецкие известия НПЛ младшего извода, по сравнению с аналогичными известиями старшего извода носят более пространственный характер. В статье 6576 г. летописец не только подробно рассказывает о нашествии половцев на Русь, но и добавляет, что одним из его предводителей был хан Шарукан [4, с. 190].

Следующий этап развития новгородского летописания отразился в двух подборках (выборках) Новгородской Карамзинской летописи (далее: НКЛ), получившей свое название по фамилии крупнейшего российского историка начала XIX в. Н.М. Карамзина, которому она принадлежала. Летопись сохранилась в единственном списке конца XV – начала XVI в. Первоисточником ее послужил Софийско-Новгородский свод 1448 г., ставший протографом для Новгородской четвертой и Софийской первой летописей XV в., а через посредство последних также источником для последующего общерусского летописания [13, с. 3].

«Половецкие» известия присутствуют в обеих подборках Новгородской Карамзинской летописи. В первой выборке прослеживается 9 известий в ст.: 6569 (1061), 6576 (1068), 6579 (1071), 6587 (1079), 6602 (1094), 6603 (1095), 6645 (1137), 6668 (1160), 6688 (1180) гг. Во второй выборке

русско-половецкие отношения отражаются в 19 статьях: 6576 (1078), 6660 (1092), 6661 (1093), 6602 (1094), 6614 (1106), 6619 (1111), 6633 (1125), 6643 (1135), 6644 (1136), 6645 (1137), 6667 (1159), 6677 (1169), 6685 (1177), 6693 (1185), 6694 (1186), 6711 (1203), 6732 (1224), 6743 (1235), 6746 (1238) гг. Большинство известий обеих подборок представляют собой выдержки из Повести временных лет, Новгородской первой, Ипатьевской и Лаврентьевской летописей.

Новгородская вторая летопись – памятник позднего летописания XVI в., охватывающий период с 911 по 1572 гг. Получила свое название второй по тому порядку, в котором были опубликованы новгородские летописи при первом их издании. В настоящее время известны два списка летописи, датированные концом XVI – началом XVII в. и концом XVIII – началом XIX в. В Архивском списке известия за середину XI – начало XIII вв. носят краткий характер и посвящены исключительно новгородским событиям, общерусские события в нем почти не освещаются. Под 6633 (1125) г. приводится панегирик великому киевскому князю Владимиру Мономаху, в котором упоминаются победы последнего над половцами [11, с. 188–189]. Это единственное сообщение о русско-половецких отношениях в данном источнике. Других известий по интересующей нас теме в нем нет.

Новгородская четвертая летопись (далее: н4л) представляет собой русский летописный свод конца XV – начала XVI в. [8, с. XIV]. Летопись получила свое название по порядковому номеру, по которому она впервые была опубликована при первом издании новгородских летописей. В настоящее время известны восемь списков н4л, разделенных на две редакции (извода). Старшая редакция представлена двумя списками, доведенными до 1437 г. Остальные шесть списков составляют младшую редакцию, доведенную в основной части до 1447 г., а затем продолженную в различных рукописях до 1556 г [2, с. 51–52]. Обе редакции до 1428 г. мало чем отличаются друг от друга. По мнению историков, первоисточником н4л послужил созданный в Новгороде в первой трети XVI в. Новгородско-Софийский свод, соединивший в себе общерусское, новгородское, суздальско-ростовское, южнорусское (схожее с Ипатьевской летописью), псковское и тверское летописание [15, с. 247]. В реконструкции А.А. Гиппиуса, протографом Новгородско-Софийского свода была Новгородская владычная летопись, написанная при новгородской владычной (архиепископской) кафедре в XII–XIV вв. и послужившая также источником Новгородской первой летописи [1, с. 70].

Всего в составе н4л русско-половецкие отношения упоминаются в 31 статье: 6569 (1061), 6576 (1068), 6579 (1071), 6586 (1078), 6587 (1079), 6600 (1092), 6601 (1093), 6602 (1094), 6603 (1095), 6604 (1096), 6614 (1106), 6619 (1111), 6633 (1125), 6643 (1135), 6644 (1136), 6645 (1137), 6662 (1154), 6667 (1159), 6668 (1160), 6675 (1167), 6676 (1168), 6677 (1169), 6685 (1177), 6688 (1180), 6693 (1185), 6694 (1186), 6704 (1196), 6711 (1203), 6732 (1224), 6743 (1235), 6746 (1238) гг.

Одним из памятников русского летописания XVI в. является также Новгородская летопись Дубровского (Новгородская четвертая летопись по списку Дубровского). Летопись получила свое название в честь первого хранителя Депо манускриптов (ныне Отдел рукописей) Императорской публичной библиотеки (ныне Российская национальная)

П.П. Дубровского (1754–1816), в коллекции которого она находилась наряду с другими славянскими рукописями. Основу летописи Дубровского составляет новгородский свод начала XVI в., написанный по повелению архиепископа (впоследствии – митрополита всея Руси) Макария и вобравший в себя обширные сведения по истории Новгорода, дополненные известиями из общерусских, преимущественно московских великокняжеских летописей [14, с. 6]. Согласно О.Л. Новиковой, при составлении Новгородского свода 1539 г. использовались такие источники, как: «Краткий летописец новгородских владык», сборник новгородских сказаний и житий новгородских святых, Московский свод конца XV века, «Родословие великих князей Литовского княжества» [5, с. 13]. Летопись Дубровского сохранилась в единственном списке конца XVI – начала XVII в.

В изложении событий XI–XIII вв. летопись Дубровского близка к тексту Новгородской четвертой летописи, из чего можно заключить, что при ее составлении в этой части, последняя являлась ее главным источником. Отношения Руси и половцев рассматриваются в 30 статьях летописи: 6569 (1061), 6576 (1068), 6578 (1071), 6586 (1078), 6587 (1079), 6600 (1092), 6601 (1093), 6602 (1094), 6603 (1095), 6604 (1096), 6614 (1106), 6619 (1111), 6633 (1125), 6643 (1135), 6644 (1136), 6645 (1137), 6662 (1154), 6667 (1159), 6668 (1160), 6675 (1167), 6676 (1168), 6685 (1177), 6688 (1180), 6693 (1185), 6694 (1186), 6704 (1196), 6711 (1203), 6732 (1224), 6743 (1235), 6746 (1238) гг. В источнике отсутствует статья 6678 г., имевшаяся в н4л, а в статье 6693 г., рассказывающей о битве на р. Орели, пропущено количество взятых в плен половецких ханов.

Софийская первая летопись (далее: СПЛ) – русский летописный свод середины XV в., легший в основу всех общерусских летописей второй половины XV – начала XVI в. Известна в 14 списках, фрагментах и копиях со списков, которые объединяются в 2 редакции – старшую и младшую. Списки старшей редакции оканчиваются статьей 1418 г. Первоисточник списков младшей редакции первоначально, вероятно, доходил до 1423 г. В основе СПЛ лежит новгородское и центральнорусское (владимиро-суздальское, московское, тверское и т. д.) летописание. Текст летописи до 1418 г. близок с Новгородской четвертой летописью и Новгородской Карамзинской летописью, в связи с чем высказывается предположение, что у летописей был общий протограф – Новгородско-Софийский свод, составленный в Новгороде в конце 1430-х гг. [16, с. 208 – 210]. Всего русско-половецким отношениям в СПЛ старшего извода посвящено 30 статей: 6563 (1055), 6569 (1061), 6576 (1068), 6579 (1071), 6587 (1079), 6601 (1093), 6602 (1094), 6603 (1095), 6604 (1096), 6605 (1197), 6614 (1106), 6620 (1112), 6633 (1125), 6643 (1135), 6644 (1136), 6645 (1137), 6662 (1154), 6665 (1157), 6667 (1159), 6668 (1160), 6675 (1167), 6676 (1168), 6677 (1169), 6685 (1177), 6688 (1180), 6693 (1185), 6694 (1186), 6732 (1224), 6743 (1235), 6746 (1238) гг.

Новгородская Уваровская летопись (НУвЛ) – русская летопись, памятник новгородского летописания рубежа XVI – XVII в. Текст НУвЛ охватывает период русской истории от происхождения славян до начала воцарения Алексея Михайловича в 1145 (в летописи дата указывается как 1146) г. Летопись представлена тремя известными списками середины – последней четверти XVII в. Существует также компиляция НУвЛ, созданная в XVIII в. По своему составу летопись делится на две неравные части: до и после 1500 г. В

основе интересующей нас первой части лежит список Московского свода 1500–1505 гг., включающий в себя значительную часть Софийской первой летописи младшего извода, а также имеющий ряд совпадений с Лавrentьевской и Новгородской четвертой летописями [3, с. 336; 17, с. 292–294]. Известия о половцах упоминаются в НУВЛ в 39 статьях: 6569 (1061), 6576 (1068), 6578 (1071), 6587 (1079), 6601 (1093), 6602 (1094), 6603 (1095), 6605 (1097), 6607 (1098), 6611 (1103), 6614 (1108), 6619 (1111), 6646 (1138), 6652 (1144), 6654 (1146), 6657 (1149), 6658 (1150), 6660 (1152), 6662 (1154), 6663 (1155), 6667 (1159), 6668 (1160), 6674 (1166), 6677 (1169), 6678 (1170), 6679 (1171), 6685 (1177), 6693 (1185), 6694 (1186), 6710 (1202), 6711 (1203), 6714 (1206), 6715 (1207), 6723 (1215), 6725 (1217), 6727 (1219), 6732 (1224), 6743 (1235), 6746 (1238) гг.

Таким образом, проведенный нами краткий обзор новгородских летописей показывает, что в их составе сохранилось относительно немного сведений о русско-половецких отношениях. Большинство из них представляют собой пересказ соответствующих статей более ранних русских летописей – Повести временных лет, Ипатьевского и Лавrentьевского сводов. Тем не менее, имеются в новгородских летописях и оригинальные известия, не встречающиеся в других источниках. Все это делает последние важным источником по истории древней Руси, который значительно дополняет и расширяет наши представления о русско-кочевнических отношениях в домонгольское время.

Список литературы

1. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи / А.А. Гиппиус // Спорные вопросы текстологии НПЛ – Новгородский исторический сборник. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – Вып. 6(16). – С. 3–73.
2. Лурье Я.С. Летопись Новгородская IV / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1989. – 528 с.
3. Насонов А.С. История русского летописания XI – начала XVIII в. / А.С. Насонов. – М.: Наука, 1969. – 555 с.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.
5. Новикова О.Л. Новгородские летописи XVI века: автореферат дисс. ... канд. филол. наук / О.Л. Новикова. – СПб., 2000. – 22 с. EDN NJOBJN
6. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лавrentьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 728 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – Вып. 1. – 312 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). – М.: Изд-во АН СССР. – 413 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. – М.: Наука, 1965. – 241 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивилловская летопись. – Л.: Наука, 1989. – 179 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2002. – 224 с.

14. Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. – М.: Языки славянской культуры, 1963. – 368 с.
15. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях / А.А. Шахматов. – М.: Академический проект, 2001. – 878 с.
16. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А.А. Шахматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1938. – 373 с.
17. Яковлев В.В. Летопись Новгородская Уваровская / В.В. Яковлев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1993. – 439 с. EDN VJQOEP

Кодыбайкин Сергей Николаевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРОМЫСЛОВ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЧУВАШСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Аннотация: в статье рассматриваются факторы модернизации чувашского крестьянского хозяйства через развитие крестьянских промыслов в условиях развивающихся товарных отношений. Проанализированы причины и особенности основных тенденций кустарно-ремесленного производства чувашской деревни во второй половине XIX – начала XX в.

Ключевые слова: крестьянские промыслы, товарно-денежные отношения, традиционные ремёсла, капиталистический уклад.

Период второй половины XIX – начала XX в. в истории народов России отмечен как один из наиболее важных этапов модернизации по глубине и значимости преобразований традиционного крестьянского общества. Вероятно, особенно заметно эти процессы протекали на «национальных окраинах» Российской империи, к которым можно отнести и территорию Чувашского края. Товарные отношения в среде чувашского крестьянства становятся заметными в XVIII веке. Но именно в рассматриваемый период они, приобретая черты капиталистической эпохи, начинают разрушать многовековые устои традиционного хозяйства.

Переход от крепостной стадии развития российской экономики к капиталистической имел свои, отличные от Запада, черты. Одну из них выделил П.Г. Рындзюнский: «Существенной особенностью процесса перехода к капитализму было то обстоятельство, что здесь менее сильно выразился режим мелких собственников в деревне по сравнению с тем, как это было в передовых западноевропейских странах. Эта особенность отличала проникновение капиталистической системы в русскую деревню. Отсюда широкое распространение промыслов в сельском населении

России и преобладание несамостоятельных производителей» [13, с. 254]. Мысль известного исследователя-аграрника представляется справедливой, но на сегодняшний день несколько ограниченной. Признавая несомненную важность фактора социально-экономических условий, нельзя ограничиваться только ими, рискуя впасть в своего рода социально-экономический детерминизм. Как показывают последние исследования, социально-экономические условия подвергались значительным влияниям иных – этнических, природно-экономических, культурно-исторических факторов. Их совокупность, различная в разных национальных регионах России, обусловила неповторимые особенности процесса модернизации у разных этносов. Особое место в этом процессе, на наш взгляд, принадлежало крестьянским промыслам. С одной стороны, они являлись обязательным, быстро развивающимся компонентом сельской экономики, присущим крестьянскому укладу изучаемого периода, с выраженными товарными показателями. Уже поэтому их основные характеристики в разных регионах во многом совпадали, что обуславливалось макрохарактеристиками развития российской экономики. С другой стороны, этнические, природно-экономические, культурно-исторические условия накладывали свои особенности на темпы, масштабы развития крестьянских промыслов и их место в различных национальных культурах или экономиках. Данная работа является попыткой дать основные характеристики месту и роли промыслов чувашских крестьян в условиях меняющейся социокультурной среды чувашского этноса второй половины XIX – начала XX веков с целью осмысления исторического опыта.

В дореформенный период кустарные промыслы чувашских крестьян не носили ярко выраженного товарного характера. Эти производства были непостоянными и в большей степени домашними. Гораздо шире промыслы распространялись на юге края, где компактно проживали русские крестьяне. В пореформенный период идёт процесс быстрого вовлечения чувашских крестьян в буржуазные отношения в масштабе страны, в том числе и через кустарные промыслы. Хотя даже при высоких темпах этого процесса уровень буржуазных отношений в Чувашском крае оставался низким и в начале XX века.

Природно-географические и социально-экономические условия развития Чувашии во второй половине XIX – начале XX веков, с одной стороны, затрудняли развитие крестьянской промышленности – проблемы с использованием сырьевой базы (постоянно дорожающий лес), недостаток средств, слабое развитие товарных отношений. С другой – стимулировали его: аграрная перенаселённость и нехватка пахотной земли, активное проникновение торгового капитала, рынок дешёвой рабочей силы, близость к крупным промышленным центрам. Такая двойственность ситуации во многом обусловила специфику развития крестьянской промышленности края.

Первое место, как по числу крестьян-кустарей, так и по масштабам производства, занимали промыслы по обработке дерева. Издревле древесины была самым распространённым сырьём для изготовления большинства необходимых в хозяйстве вещей, а как строительный материал – единственным. Это сырьё было распространённым и дешёвым, местное население имело давние традиции в его обработке. Но относительно доступным для крестьян оно оставалось до второй половины XIX века. Близость этого лесистого края к одному из центров российской экономики

вызвала экспансию со стороны торгового капитала. Сначала лесные, а затем и трудовые ресурсы, сначала вдоль водных артерий, а потом и вблизи железной дороги (с 1893 г. начала функционировать Московско-Казанская железная дорога), попадают под власть лесопромышленников. При этом подавляющая часть их была представлена не местными, в том числе иностранными, предпринимателями. Местные крестьяне, с одной стороны, имеющие необходимые навыки в ремёслах, а с другой – задавлённые малоземельем, многими платежами и в силу традиций и государственной политики привязанные к своей земле, становились выгодными работниками. Особенно это заметно на примере кулеткацких мануфактур рассеянного типа и лесоразработок.

К началу XX века торговый капитал захватывает основные позиции в крестьянской промышленности, способствуя не столько экономическому прогрессу, сколько превращению края в поле деятельности торгово-ростовщических монополий типа Торгового дома Тихомировых, в чьих руках была сосредоточена основная часть рогожно-кулеткацкого производства северных уездов Чувашского края. Реальные доходы кустарей массовых промыслов, в результате всё усиливающейся эксплуатации, к началу XX века опускаются до крайне низкого уровня: почти полгода тяжёлого труда давали около 14% годового дохода (сезон длился до 170 дней) крестьянина-кулеткача [9, с. 300]. Московский профессор Н.А. Филиппов называл заработки скудными и оценивал чистый доход в 105 рублей на один стан (3 работника) [14, с. 356], но по данным Акулевского и Янгильдинского волостных правлений в начале XX века кулеткач зарабатывал ещё меньше – около 10 руб. в год; Тогашевского – до 20 руб. и т.п. [1, л. 33; 4, л. 22–23; 5, л. 23]. Таким образом, доходы были невысокими. Почему же крестьяне считали возможным затрачивать такие усилия при, казалось бы, явной нерентабельности промысла? К тому же он был очень тяжёлым – рабочий день кулеткача доходил до 18 часов в антисанитарных условиях. А занимались этим промыслом в северной Чувашии целыми селениями «в возрасте от 9 до 45 лет, не исключая и женского пола» [2, л. 24].

Сначала необходимо выяснить, какие заработки считались большими, а какие – нет. Среди чувашских крестьян Цивильского уезда доходы от промыслов до 12 рублей оценивались как низкие: «эти заработки особого значения для крестьянского хозяйства не имеют, но служат больше подспорьем в домашнем обиходе (покупают чай, сахар, мыло и т.п.)». Доходы до 25 рублей (сапожники, бондари, портные) оценивались как имеющие «для населения большое значение, так как благодаря им население в годы выше среднего урожая эти заработки идут на приобретение предметов домашнего обихода и отчасти для покупки мыла, скота и ремесленных построек». Наконец, доходы до 40–50 рублей (валяние сапог, выделка овчин) «имеют существенное значение для населения этих обществ...» [7, л. 21, 28, 43, 45]. В 1909 г. о мастере из с. Асакасы Ядринского уезда, делавшем деревянную утварь (ковши, блюда, лукошки и др.), писалось, что его «...доход несомненно порядочный. Ежегодная выручка от сего ремесла предполагается от 20–30 руб. средним» [16, л. 243]. Интересно сравнить эти цифры с аналогичными показателями русских крестьян Поречского – развитого в плане промыслов и торговли села Алатырского уезда, находившегося примерно в 100 км от г. Цивильск. По сведениям за 1897–1900 гг. самые низкие заработки показаны у изготовителей прялок и шапок – 60; у портных и

рогожников – 150; у колёсников и скорняков – самые высокие – 200 рублей в год [6, л. 24–27].

Разница в заработках чувашских и русских кустарей получается существенной. Объяснить это можно тем, что чувашские крестьяне продолжали видеть себя именно крестьянами, т.е. считать хлебопашество главным занятием. А промыслы рассматривались только как подспорье к нему. Почему бы немного не заработать в дни, свободные от земледелия? Бросить же земледелие, податься в город для многих чувашей пока ещё было немислимо. Как бы ни было тяжело положение сельского кустаря, оно было для него «предпочтительнее всякого другого, для него возможного (при прочих равных условиях)» [15, с. 88]. Только так он мог оставаться крестьянином.

Были, конечно, и другие промыслы, развитие которых требовало не малого первоначального капитала (кожевенный, красильный). В этом случае крестьяне, имевшие этот капитал, имели возможность использовать местную дешёвую рабочую силу. Ещё выгоднее было использовать средства в качестве посреднического капитала: предприимчивые крестьяне часто становились контрагентами крупных фирм (например, кулеткацких). В то же время были промыслы, которые требовали особых навыков и обеспечивали хорошие заработки, а скупщики не мешали, но способствовали этому, поддерживая стабильно высокий спрос на изделия (производство тарантасных корзин крестьянами Чебоксарского уезда, изготовление музыкальных инструментов).

Таким образом, развитие мелкой крестьянской промышленности способствовало не только дальнейшему имущественному расслоению крестьянского общества, но и усложняло его общественную структуру, способствуя формированию слоя крестьян-предпринимателей. Причём крестьян не по принадлежности к этому сословию, а по их главному занятию, каковым они полагали земледелие, так как продолжали считать крестьянский труд главным.

Торговый капитал, получая большую прибыль с промыслов, естественно, увеличивал и объёмы этих производств. В начале XX века изделия кустарей получают широкое распространение: кули и рогожи, продукты сухой перегонки древесины – по всему Среднему и Нижнему Поволжью, бочарная клепка – за границу, лапти, тарантасные плетёнки и бондарные изделия – в соседние регионы. И хотя Чувашский край в этот период отставал от ряда регионов по развитию крестьянских промыслов, темпы развития кустарных производств были очень высокими. Относительно широко развиваются промыслы по изготовлению одежды, обуви и сырья для этого. Особенно быстро получает развитие портняжное дело. Промыслы не были неизвестными для местного населения, но только в преформенный период они вышли за рамки домашнего ремесла.

Вместе с тем не все промыслы расширяются и приобретают черты, характерные для новой эпохи. Кузнечный промысел, запрещённый на протяжении почти двух столетий (XVII и XVIII в.), вплоть до 1920-х годов сохранял в большинстве своём средневековую структуру. Примитивные орудия и технологии у многих чувашских кузнецов и нехватка железа не позволяли им в полной мере включиться в новые социально-экономические отношения. Многие из них занимались только «починкой старого

железа», имея такие заработки, которые не позволяли им перестать заниматься земледелием.

Заметное влияние на культуру чувашей оказала русская культура. Это было связано, в том числе, с более передовыми приёмами производства и изменениями в быту. Последние, в свою очередь, вызывали необходимость наличия соответствующих мастеров на местах. В особенности это касается строительных промыслов, некоторые из которых в традиционном быте чувашской деревни ранее просто отсутствовали. Именно на рубеже XIX–XX вв. чувашские крестьяне активно переселяются в дома побелому, что вызывает необходимость освоения таких ремёсел, как столярное, стекольное, малярное, кровельное, печное, кирпичное производство, а также более высокие требования к плотницкому мастерству. Новые ремёсла быстро перенимались чувашскими мастерами, но для этого должны были складываться определённые условия. В 1853–1856 гг. власти Шиблыгинской волости Цивильского уезда попытались организовать производство кирпича, но несмотря на очень выгодные условия, у них ничего не получилось [3, л. 13], а через полстолетия уезд выходит на второе место в Казанской губернии по крестьянскому производству кирпича.

В означенный период материальная культура чувашского крестьянства испытывала сильное влияние русской культуры и, в немалой степени, через промыслы. Через изменение материальной культуры изменялось и мироощущение крестьян. Интересный факт развития столярного ремесла среди чувашей приводит Н.В. Никольский: «Столяры выделывают не только мебель; некоторые с успехом выделывают модели птиц, животных, домов и других построек. Ядринские чуваша думают, что столярное искусство постепенно усовершенствуется: столяры будут уметь делать летающих уток, а, может быть, и летающие лодки (сказка Ядринского уезда)» [12, с. 68].

Больше всего влиянию иной культуры подвергались те чувашские крестьяне, которые занимались отхожими промыслами. Отношение к отходничеству со стороны односельчан было неоднозначным. Учитель В.Д. Дмитриев из русско-чувашской деревни Малое Шемякино Тетюшского уезда отмечал, что жители деревни считали отхожие промыслы весьма полезными не только из-за заработков, но и потому, что они просвещали людей, открывали им мир, учили жить порядочно [8, с. 114]. Вместе с тем этот опыт модернизации являлся и фактором разрушения традиционных устоев чувашского общества. «Молодое поколение, живя во время работы среди русских, весьма портится в нравственных отношениях. Из послушного молодца, отчасти и религиозного, получается непослушник родителям, похабник, любитель спиртных напитков. Хотя заработок очень достаточный для крестьянина, но в нравственном отношении производит дурное влияние» – сообщалось в начале XX века [17, л. 23–24]. «Отхожие промыслы, по воззрениям чуваш, расширяют их кругозор, но те же промыслы портят чуваш: заражают их дурными взглядами, болезнями и т. д.» – писал первый чувашский профессор в 1919 г. [12, с. 71]. Наверное, совсем не случайно руководитель Чемеевского восстания 1906 г. – одного из крупнейших восстаний чувашских крестьян начала XX в. – И. Морев был из крестьян-отходников.

Уровень и темпы развития крестьянских промыслов в разных регионах Чувашского края заметно отличались. Если общая картина показывала высокую положительную динамику, то локальные показатели заметно разнились. В уездах со смешанным, в этническом плане, населением –

Козьмодемьянском, Буинском, отчасти Чебоксарском – промыслы получали широкое, а порою абсолютное распространение (ряд чувашских волостей Козьмодемьянского уезда, где почти в каждом доме занимались кулет-качеством). Значительно меньше были развиты промыслы в волостях с почти исключительно чувашским населением. Такие волости обычно располагались в отдалении от основных транспортных магистралей.

Государственная политика по отношению к развитию крестьянских промыслов была противоречивой. С одной стороны, этот процесс являлся положительным фактором экономического развития, и власти пытались стимулировать крестьянскую промышленность: совершенствовалась законодательная база, организовывалась помощь в неурожайные годы, содействовалось развитию ремесленного образования. С другой стороны, в правительстве долго шли дискуссии о путях развития аграрного сектора экономики, и государство никак не могло занять в этом вопросе чёткую позицию, а значит, выработать оптимальный вариант аграрной политики, в том числе по отношению к крестьянским промыслам.

Несмотря на то что уже в 80-е годы XIX века большинство промыслов находилось на уровне мелкотоварного производства, ремесло домашнего характера продолжало распространяться в среде сельского населения. При этом наблюдаются противоречивые, на первый взгляд, тенденции. В начале XX века губернская и уездная статистика отмечает значительное сокращение красильного промысла: красильщики не выдерживают конкуренции со стороны крупной промышленности. Но при этом число крестьян, красивших «для себя» (то есть не на продажу), увеличивается. В 1912 году из Ядринского уезда сообщалось: «Раньше красильщиков было мало, теперь уже каждая хозяйка красит сама»; в 1915 г. из того же уезда: «до начала войны красильщики были почти во всех деревнях» [18, л. 365]. Интересно отметить, что по данным официальной статистики промыслы в этом, преимущественно чувашском, уезде были развиты слабо, а красильного производства практически не было. То есть процесс модернизации в данном случае выразился в совершенствовании традиционного (то есть не товарного) хозяйства через освоение крестьянами ещё одного вида домашнего ремесла.

Главным содержанием развития аграрного сектора экономики рассматриваемой эпохи, на наш взгляд, явилось развитие товарных отношений в условиях сложившейся многоукладности экономики, но при этом продолжалось развитие самых разных форм хозяйствования. Промыслы крестьян приобретали капиталистический характер преимущественно там, где торговый капитал извлекал из этого выгоду. А в регионах, не представлявших интерес для крупных промышленников, продолжали развиваться промыслы, «колебавшиеся» от домашнего ремесла к мелкотоварному производству. Справедливым является высказывание А.В. Гордона: «...семейное хозяйство, крестьянское, фермерское, ремесленное, и под давлением законов капиталистического накопления сохраняло свою альтернативную организацию. Научно-технический прогресс не только не требует однозначно ликвидации последней, но напротив создаёт известные предпосылки её устойчивости в виде сравнительно дешёвых, простых и компактных средств новейшей агротехнологии...» [11, с. 373]. Таким образом, многообразие форм ремесленного производства сельскими кустарями оказалось возможным именно на путях развития модернизационных процессов. Не

случайно в 1908 г. В.И. Ленин писал: «...поддержка кустаря, т.е. мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная» [10, л. 265]. Для большевиков, по известным причинам, был необходим буржуазный путь развития России по западному образцу, и поэтому они иной путь развития деревни (то есть многоукладный) в начале XX в. не считали прогрессивным явлением.

Количественные и качественные показатели развития промыслов чувашских крестьян в конце XIX – начале XX в. приводят к выводу, что неземледельческие занятия землепашцев, не являясь абсолютно новым фактором развития крестьянского хозяйства, в условиях вступления российского общества в буржуазный период развития вышли за пределы традиционного общинного уклада и стали условием и одновременно фактором модернизации в наиболее выгодной для крестьян форме. Формирующаяся многоукладность чувашской деревни явилась, в свою очередь, не переходным этапом социально-экономического развития, а показателем её модернизации.

XX век обрушил на страну самые разные политические и социально-экономические коллизии. Но на сельских базарах и ярмарках Чувашии всегда можно было видеть изделия крестьянского промысла: кадушки и коромысла, лапти и колёса, плетёные и самые разные другие изделия. И в начале XXI века сельская экономика республики продолжает сохранять свой потенциал. Исходя из этого, актуальным является обращение к опыту наших предшественников. Задачей государства в этих условиях является выработка мер по стимулированию развития промыслов, прямой помощи сельским кустарям. Кризисные явления вызвали необходимость изменения экономической политики государства. Начиная с середины 1990-х гг., рядом нормативных актов (Указ Президента РФ от 7.10.1994 «О мерах государственной поддержки народных художественных промыслов», Федеральный закон от 6.01.1999 «О народных художественных промыслах», отдельные акты Правительства Российской Федерации о народных художественных промыслах и др.) государство попыталось создать благоприятные условия для развития кустарного производства. Значительные меры принимало правительство Чувашской Республики. Постановлением Кабинета Министров ЧР от 17.12.1996 г. были утверждены «Мероприятия по развитию и возрождению традиционных художественных промыслов Чувашской Республики на 1997–1999 гг.», ещё более проработанной и детальной является Республиканская программа сохранения и развития народных художественных промыслов и ремесел в Чувашской Республике на 2006–2010 годы (Постановление Кабинета Министров ЧР от 01.12.2005 г.). Попыткой стимулировать ремесленные производства стали, в частности, выставки-ярмарки народных умельцев, периодически проводимые в городах Чувашии, которые привлекают не только местных производителей, но и представителей других регионов страны. Это вселяет надежду на то, что крестьянские промыслы гармонично впишутся в народное хозяйство Чувашии и всей страны, внося свой вклад в оздоровление и дальнейшее развитие экономики, повышение уровня благосостояния селян.

Таким образом, в условиях современных модернизационных процессов на селе необходимо учитывать условия развития различных регионов

с целью повышения эффективности производства, при этом стремиться сделать всё, чтобы с минимальными потерями приспособиться к новым общественным и социально-экономическим условиям. Демократические способы ведения хозяйства на селе возможны, на взгляд автора этих строк, только при максимальном учёте этнокультурных, природно-географических и исторических условий, а не при бездумном копировании западных образцов. В полной мере это относится к сельским промыслам, картина развития которых в современной Чувашии позволяет надеяться на то, что модернизация сельской экономики при активной помощи государства приведёт к современным, эффективным и при этом оригинальным (то есть с учётом местных особенностей) формам хозяйствования.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 46. – Д. 487.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 46. – Д. 516.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 51. – Д. 13.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 52. – Д. 535.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 60. – Д. 69.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 148. – Оп. 3. – Д. 121.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 149. – Оп. 1. – Д. 275.
8. Димитриев В.Д. Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX – начале XX веков / В.Д. Димитриев // Ученые записки ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1968. – Вып. 40. – С. 103–128.
9. Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И.Д. Кузнецов // Ученые записки ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1963. – Вып. XXIV. – 584 с.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 17 / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 656 с.
11. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы международной конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.) / РАН, Ин-т российской истории; отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
12. Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2004. – 528 с.
13. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.) / П.Г. Рындзюнский; АН СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1966. – 261 с.
14. Филиппов Н.А. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева / сост. проф. Н.А. Филиппов; при уч. В.А. Петровского, В.П. Родникова, М.К. Спекторского [и др.]; Г.У.З. и 3. Отд. сел. экономики и с.-х. статистики. – СПб.: Якорь, 1913. – 470 с.
15. Шепелёв Л.Е. По поводу книги К.Н. Тарновского «Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в.» / Л.Е. Шепелёв // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования / РАН, Ин-т российской истории, Санкт-Петербургский филиал; отв. ред. А.Н. Цамутали. – СПб., 2002. – 200 с.
16. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 167.
17. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 174.
18. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 277.
19. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 287.

Колесов Максим Александрович

аспирант

Джумагулова Айгуль Темерхановна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

г. Пятигорск, Ставропольский край

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: в статье представлен анализ социально-экономической трансформации Северного Причерноморья после его вхождения в состав Российской империи в конце XVIII века. Исследование фокусируется на комплексном изучении механизмов интеграции полиэтнического региона – административных, земельных, демографических и социокультурных. Сформулирован вывод о том, что данный процесс представлял собой сложный диалог между имперской властью и местными сообществами, что привело к формированию уникального гибридного ландшафта, сочетающего имперские стандарты с местной региональной спецификой.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Российская империя, Крым, фронтир, социально-экономическая трансформация, интеграция.

Военно-политическое противостояние Российской и Османской империй в XVIII веке, являвшееся стержнем т. н. «Восточного вопроса», традиционно находится в центре внимания отечественной и зарубежной историографии. Однако его комплексное влияние на внутренние социально-экономические процессы среди многочисленных этнических групп Северного Причерноморья, оказавшихся в зоне непосредственного соприкосновения двух цивилизационных проектов, изучено в значительно меньшей степени. Во-первых, актуализация проблемы связана с развитием современных историографических подходов, в частности новой имперской истории и истории фронтирных зон.

Эти междисциплинарные подходы смещают фокус с дипломатии и балтальной истории на изучение империй как гибких, гетерогенных систем, где метрополии взаимодействовали с локальными сообществами, а периферийные регионы становились пространством сложных культурных, экономических и социальных трансформаций.

Целью статьи является комплексный анализ социально-экономической трансформации этнических групп Северного Кавказа и Северного Причерноморья в XVIII веке, вызванной интеграцией региона в зону военно-политического и экономического влияния Российской империи и обусловленной её противостоянием с Османской империей.

До инкорпорации в состав Российской империи социально-экономическая и политическая структура Северного Причерноморья представляла собой сложный конгломерат, сформированный под многовековым влиянием Крымского ханства – одного из ключевых государств-наследников Золотой

Орды – и Османской империи. Как справедливо отмечается в источниках, население региона отличалось исключительной гетерогенностью в социальном, этнокультурном и конфессиональном отношениях. Полиэтнический ландшафт включал кочевые (ногайцы) и оседлые группы; мусульман (крымские татары), христиан (армяне, греки, грузины) и иудеев (караимы и раббаниты); в коммуникативной практике использовались крымскотатарский, армянский, греческий, османский и другие языки.

Экономический уклад региона базировался на симбиозе нескольких моделей: экстенсивного кочевого скотоводства, практиковавшегося ногайцами в степных районах, оседлого земледелия в предгорьях и на побережье, а также развитого ремесленного производства и международной транзитной торговли. Ключевую роль в последней на протяжении столетий играли генуэзские, а впоследствии османские фактории, среди которых доминировала Кафа, бывшая важнейшим узлом в черноморской торговой системе.

Социальная организация крымскотатарского общества характеризовалась жёсткой иерархичностью и была структурирована вокруг принадлежности к правящей династии Гераев, ведущим аристократическим родам (беям), наиболее влиятельными из которых были Ширины, Мансурсы, Аргыны и Кипчаки, духовенству (улема), свободным общинникам и различным категориям зависимого населения. Эта патримониальная система, уходящая корнями в золотоордынскую традицию, определяла все сферы жизни, включая земельные отношения, военную организацию и политическое управление [1, с. 397].

Ключевым событием, инициировавшим тотальную трансформацию региона, стало присоединение Крымского полуострова к Российской империи 8 апреля 1783 г. Решающую роль в подготовке этого акта сыграло тонкое дипломатическое искусство России, направленное на ослабление османского сюзеренитета. Успехом этой политики стало обретение Крымским ханством формальной независимости по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.

Эта «независимость», лишённая прочных внутренних основ в среде населения и подорванная междоусобной борьбой среди правящей верхушки, сформировала необходимые внешнеполитические и правовые условия для окончательной инкорпорации очередного осколка Золотой Орды в состав Российского государства.

Интеграция региона в российский цивилизационное пространство осуществлялась через комплекс взаимосвязанных каналов (механизмов), которые можно систематизировать следующим образом.

1. Административно-политическая трансформация являлась основополагающей в демонтаже институтов крымской государственности и их замене на имперские административные модели. Административная интеграция началась с создания Таврической области (1784), преобразованной позднее в губернию (1802). Однако введение общеимперской системы управления сопровождалось значительными адаптациями к местным условиям. Сохранялся особый управленческий дуализм – подчинение как МВД, так и новороссийскому генерал-губернатору. Важным компромиссом стало создание «татарских расправ» – судов, действовавших на основе адата и шариата, что позволяло смягчить переход к новой правовой системе [2, с. 78].

2. Особую сложность представляла земельная политика. Массовая раздача казённых земель русским помещикам и лояльной татарской знати привела к многочисленным конфликтам, поскольку чиновники часто не учитывали традиционных прав собственности. Для решения этих проблем в 1802–1810 гг. работала специальная землеустроительная комиссия, однако системного разрешения земельных споров достичь не удалось [3, с. 375–390].

3. Социокультурная интеграция осуществлялась через несколько направлений. Ключевым элементом стало включение крымскотатарской знати в российское дворянство. Этот процесс оказался чрезвычайно сложным – к 1830-м годам лишь около 180 представителей местной элиты смогли подтвердить свой статус в соответствии с имперскими бюрократическими требованиями [4, с. 397].

4. Конфессиональная политика характеризовалась двойственностью: с одной стороны, в 1788 г. было создано Таврическое магометанское духовное правление, инкорпориовавшее мусульманское духовенство в имперскую структуру, с другой – проводилась активная христианизация сакрального пространства через строительство православных храмов и монастырей [5, с. 247–276].

5. Демографическая политика включала целенаправленное заселение полуострова христианским населением. Переселенцы получали значительные льготы – освобождение от налогов на 8–10 лет, денежные ссуды и крупные земельные наделы. Особое внимание уделялось привлечению единоверцев из Османской империи – болгар и греков. Процесс интеграции постоянно сталкивался с объективными ограничениями и сопротивлением местной специфики. Управление полиэтничным обществом осложнялось действием культурных стереотипов – российские чиновники часто воспринимали крымских татар как «ленивых кочевников», что оправдывало перераспределение земель в пользу «образцовых» немецких колонистов [6, с. 79].

6. Важным аспектом интеграции стало конструирование исторической легитимности через формирование нарратива о «русской античности», в рамках которого наследие древнегреческих колоний и Византии интерпретировалось как общее прошлое, связывающее Крым с Россией [7, с. 310–316].

Таким образом, интеграция Крыма в российское цивилизационное пространство представляла собой не линейную ассимиляцию, а постоянный диалог и поиск компромисса между имперскими властями, местной администрацией и населением полуострова. Сформировавшийся уникальный правовой и социокультурный ландшафт сохранял свою специфику на протяжении всего имперского периода, демонстрируя характерные для Российской империи механизмы управления национальными окраинами, где прагматизм и гибкость сочетались с унификационными устремлениями центральной власти.

Список литературы

1. Хайрединова З.З. Некоторые особенности правового регулирования положения крымскотатарской знати в России конца XVIII – начала XIX вв. / З.З. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2016. – №21. – С. 391–400. EDN XUZYEX
2. Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Кравчук. – М., 2016. – 28 с. EDN ZQIMFX
3. Конкин Д.В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» / Д.В. Конкин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2016. – №21. – С. 375–390. EDN XUZYEN

4. Хайрединова З.З. Некоторые особенности правового регулирования положения крымскотатарской знати в России конца XVIII – начала XIX вв. / З.З. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2016. – №21. – С. 391–400. EDN XUZYEY

5. Тур В.Г. Религиозные общины Крыма / В.Г. Тур // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. – Севастополь: Альбатрос, 2017. – С. 247–276. EDN YVPGDX

6. Белова Е.В. Внутренняя политика российского правительства по заселению юга Российской империи: по материалам Новороссии и Бессарабии 1751–1871 годы: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.В. Белова. – М., 2004. – 254 с. EDN NMZATF

7. Храпунов Н.И. Христианизация Крыма и превращение Херсонеса в православную святыню / Н.И. Храпунов // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. – Севастополь: Альбатрос, 2017. – С. 305–326. EDN YVPGFH

Котиев Ахмед Мустапаевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

г. Магас, Республика Ингушетия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ В 1990-е ГОДЫ

Аннотация: в статье рассмотрены ключевые этапы и важнейшие аспекты общественно-политического развития Республики Ингушетия в 1990-годы – на заре ее становления в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации. Актуальность исследования связана с тем, что необходимо провести детальный анализ факторов, которые оказали непосредственное влияние на процесс формирования политических институтов Ингушетии в условиях социально-экономической нестабильности и напряженной этнополитической ситуации в регионе. Методологическую базу исследования составили принципы историзма и системного анализа, которые дали возможность выявить взаимосвязь между политическими и социально-экономическими процессами в Республике Ингушетия и оценить их роль в процессе обретения ею своей государственности.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Республика Ингушетия, Конституция, национально-государственное самоопределение, осетино-ингушский конфликт, события осени 1992 года.

В июне 1992 года в истории ингушей произошло судьбоносное событие – была создана Ингушская Республика, а вслед за этим начался процесс восстановления ингушской государственности. Таким образом, многолетнее стремление ингушей к обретению своего национально-государственного самоопределения наконец было претворено в жизнь.

Однако уже на начальном этапе своего существования, в октябре-ноябре 1992 года, молодая Ингушская Республика столкнулась с таким тяжёлым общенациональным испытанием, как этническая чистка в Пригородном районе и Владикавказе. Данное событие стало своеобразным итогом череды провокаций, начавшихся задолго до его наступления. Так, ещё 19 апреля 1991 года произошёл ряд довольно крупных осетино-

ингушских столкновений в с. Гадаборшево (Куртат), что, в свою очередь, послужило импульсом для введения на территории Пригородного района режима чрезвычайного положения.

Начало массовым боевым действиям в Пригородном районе было положено в ночь на 31 октября 1992 года: именно тогда были обстреляны несколько ингушских кварталов в селениях Камбилеевка и Шолхи (Октябрьское). Это событие было сопряжено с началом в Пригородном районе и Владикавказе проведения расправ над ингушским населением и захвата заложников. В ответ на это ингуши, проживавшие в указанных селах, предприняли ряд защитных мер с целью охраны своих населённых пунктов. На следующее утро среди ингушского населения Пригородного района были образованы так называемые стихийные отряды самообороны, которые заняли КПП-25 в с. Базоркино (Чермен). Данные действия ингушей осетинской стороной были расценены и охарактеризованы как открытая агрессия против целостности всей Северной Осетии.

Ситуация постепенно накалялась, и уже 1 ноября 1992 года в зону конфликта были переброшены дополнительные части и подразделения действующей российской армии, а 2 ноября того же года Президент РФ своим указом ввёл режим чрезвычайного положения на территориях Северной Осетии и Ингушетии. Одновременно с этим была сформирована Временная администрация, полномочия которой, следует отметить, на территории Северной Осетии по сути не имели никакого действия [3, с. 576].

Таким образом, между ингушами и осетинами, издавна проживавшими в границах Пригородного района, возник конфликт на почве территориальных споров. Именно поэтому данное столкновение и по сей день многие историки и политологи называют этнополитическим. То есть Пригородный район Северной Осетии стал предметом территориальных споров, очень скоро трансформировавшихся в масштабный конфликт, сопряжённый с немалыми людскими потерями с обеих сторон. Следствием всех этих трагических событий стало то, что ингушское население данной территории было вынуждено покинуть места своего постоянного компактного проживания [5, с. 298].

Анализируя ключевые факторы, ставшие причиной возникновения и дальнейшего развития осетино-ингушского конфликта, многие историки сходятся во мнении, что их истоки кроются в особенностях репрессивной политики, проводимой сталинским режимом в 30–40-х годах прошлого столетия относительно целых народов, в числе которых были и ингуши. Общеизвестно, что в 1957 году ингуши, в числе многих других репрессированных народов, получили разрешение на возвращение в места своего прежнего проживания. Вследствие этого Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, однако Пригородный район в её состав уже не был включён.

Нельзя не отметить тот факт, что те ингуши, которые высказали свое желание остаться для проживания на территории Пригородного района, были вынуждены ощутить резкое несогласие с этим как руководства Северо-Осетинской республики, так и тех людей, которые в течение долгих 13 лет, пока ингуши были в ссылке, проживали в их домах и уже считали Пригородный район своим по праву [2, с. 112].

Стоит заметить, что еще в самом начале процесса постепенного возвращения репрессированных народов руководство Северо-Осетинской АССР стало проводить достаточно радикальную политику, цель которой

состояла, прежде всего, в том, чтобы не допустить заселения Пригородного района представителями ингушской национальности. Так, по словам известного ингушского публициста Я.С. Патиева, «постановлением Совета Министров СОАССР от 13 апреля 1957 г. №136 предусматривалось недопущение расселения ингушей в Пригородном районе. При этом предусматривалась возможность их поселения на постоянное местожительство в населенных пунктах Кировского и Дигорского районов» [4, с. 164].

Как только пик осетино-ингушского конфликта миновал, Ингушетия столкнулась с тем, что на ее территории оказалось свыше семидесяти тысячи беженцев – вынужденных переселенцев с Пригородного района. Соответственно, в самом начале существования молодой Ингушской Республики ее руководству было необходимо вести кропотливую работу по решению насущных вопросов касательно обустройства беженцев. Уже с начала нового 1993 года было проведено более десятка встреч между представителями высшего руководства Ингушетии и Северной Осетии. Справедливости ради стоит отметить, что данные встречи не давали реальных результатов по разрешению сложившейся ситуации.

Безусловно, события октября-ноября 1992 года были весьма трагическими и мрачными для ингушского народа, однако, как бы парадоксально это ни звучало, именно они стали своеобразным импульсом, положившим начало процессу объединения нации и сплочения всех слоев общества вокруг идеи скорейшего восстановления своей государственности. 23 января 1993 года состоялся Чрезвычайный съезд народов Ингушетии, итогом работы которого стало вынесение постановления о том, что необходимо как можно быстрее выбрать Президента Ингушской Республики. Была определена и дата предстоящих выборов – 28 февраля 1993 года [1, с. 208].

Тот факт, что в Ингушетии отсутствовала Конституция, в значительной мере препятствовал проведению выборов. Поэтому было принято решение разработать соответствующий локальный нормативно-правовой акт. Таким нормативно-правовым актом стало «Временное положение о выборах Президента Ингушской Республики», опубликованное в региональных средствах массовой информации 6 февраля 1993 года.

28 февраля 1993 года в Ингушетии состоялось судьбоносное для народа событие – были проведены выборы первого Президента Ингушетии, на которых на безальтернативной основе абсолютным большинством голосов (99,94%) был избран Р.С. Аушев, который вступил в должность уже 7 марта 1993 года при проведении соответствующей церемонии. В тот же день вышел Указ №1 Президента Ингушской Республики, согласно нормам которого все органы исполнительной власти Ингушетии были переведены под его непосредственную юрисдикцию.

Также избранный Президент Республики предпринял еще несколько важных шагов на пути к созданию в регионе системы исполнительной власти. Так, 8 апреля 1993 года было образовано первое Правительство Ингушской Республики, в структуру которого вошли 12 министерств, 5 госкомитетов, 9 управлений и несколько других органов исполнительной власти. При Президенте Ингушской Республики также были сформированы такие органы власти, как Президентский совет, Совет безопасности и Контрольное управление. Создание такой разветвленной и достаточно объемной системы исполнительной власти преследовало важнейшую цель – укрепить законность и порядок на территории региона.

Следующим важным направлением деятельности избранного Президента Ингушетии стало решение вопроса о подготовке и принятии Конституции региона, а также о разработке символики республики. Специально для работы над созданием Конституции Ингушетии была сформирована конституционная комиссия, во главе которой стоял непосредственно сам Р.С. Аушев. В активном процессе разработки проекта Основного Закона приняли участие такие видные ингушские правоведы и политики, как М.-Г.О. Дзагиев и М.Ю. Келигов, выработавшие ключевые принципы его написания [1, с. 209].

Конституция Республики Ингушетия была принята всенародным голосованием 27 февраля 1994 года. В соответствии с ее положениями, Республика Ингушетия отныне провозглашалась «демократическим правовым светским государством, образованным на основе реализации народом Ингушетии своего неотъемлемого права на национально-государственное самоопределение» [1, с. 210].

В то же время у молодой республики не было своей символики. Ингушский флаг и герб появились в 1994 году, то есть спустя два года после образования республики. Ингушский флаг представляет собой белое прямоугольное полотно (белый цвет символизирует чистоту помыслов и действий).

Не менее важным символом Республики Ингушетия является ее государственный герб, воплощающий в себе вечное стремление ингушей к свободе и справедливости. Герб Республики Ингушетия представлен в виде круга, в центральной части которого находится орел с распростертыми крыльями; он отождествляет такие качества, как смелость, благородство, мужество, мудрость и непоколебимость духа. В самом центре герба по вертикальной линии на фоне величественных Кавказских гор изображена боевая башня «Г1ала» – важный символ многовековой и богатой истории ингушского народа.

Гимн Республики Ингушетия выражает признаки государственности Республики Ингушетия, самобытность и традиции народа Ингушетии. Автором слов выступил известный поэт Рамзан Цуров, а композитором – Руслан Зангиев.

Нужно отметить, что 1994 год ознаменовался для Ингушетии таким важным событием, как начало возведения новой столицы республики, которая по итогам проведения конкурса получила название «Магас» (автор Н.Д. Кодзоев) и стала самым молодым городом в России.

Наряду с этим развивались и другие сферы в регионе. Анализируя социально-экономическое развитие Республики Ингушетия, необходимо отметить такое важное событие, как введение зоны экономического благоприятствования «Ингушетия», которая была учреждена в порядке эксперимента постановлением Правительства РФ «О Зоне экономического благоприятствования «Ингушетия» от 19 июня 1994 г. за №740.

Бесспорно, создание Зоны экономического благоприятствования «Ингушетия» в 1994 году стало важной вехой в истории развития экономики региона. Это событие стало одним из основных направлений целенаправленной политики федеральных властей по привлечению инвестиций на территорию республик Северного Кавказа – региона, который был подвержен многочисленным социально-экономическим трудностям, обусловленным, прежде всего, распадом СССР и последовавшим за этим политическим кризисом. Это была попытка создать в регионе специальные

льготные условия для ведения бизнеса по аналогии с существовавшим тогда и доказавшими свою эффективность международными экономическими зонами.

Чуть позже был образован Центр развития предпринимательства (ЦРП), благодаря работе которого был запущен механизм привлечения в республику потока инвестиций. За пятилетний период работы Зоны экономического благоприятствования и Центра развития предпринимательства (с 1994 по 1999 гг.) в льготном режиме осуществляло предпринимательскую деятельность более 7 тысяч предприятий различных организационно-правовых форм, в результате чего возведено свыше сотни различных объектов инфраструктуры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общественно-политическое развитие Республики Ингушетия на заре ее становления в качестве самостоятельного субъекта Федерации происходило на фоне различных социально-экономических и непростых этнополитических процессов. В этот период произошло формирование республиканских органов власти. Несмотря на сложнейшую ситуацию в регионе, связанную с последствиями осетино-ингушского конфликта и фактического отсутствия какой-либо экономической инфраструктуры, в Ингушетии в этот период полным ходом шло налаживание благоприятной общественно-политической обстановки. Безусловно, было немало насущных проблем, требовавших скорейшего решения, однако власти республики вели политику постепенного создания условий для благоприятного проживания жителей региона.

Список литературы

1. Гулиева М.М. Особенности подготовки, принятия и развития Конституции Республики Ингушетия / М.М. Гулиева // Вестник университета. – 2015. – №7. – С. 208–211. EDN UIKCEP
2. Идалов Ш.Т. Осетино-ингушский конфликт на фоне геополитической ситуации в мире и в Кавказском регионе в начале 1990-х гг. / Ш.Т. Идалов // Вестник Московского университета. – 2023. – №2. – С. 104–125.
3. Кодзоев Н.Д. История Ингушетии / Н.Д. Кодзоев. – Ростов н/Д.: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.
4. Патиев Я.С. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней / Я.С. Патиев. – Махачкала: Лотос, 2007. – 381 с.
5. Сек Н.В. Этнополитический осетино-ингушский конфликт / Н.В. Сек // Бюллетень науки и практики. – 2019. – №7. – С. 298–303. DOI 10.33619/2414-2948/44/40. EDN TVGIMH

Крысин Дмитрий Александрович

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПЕРВЫЙ ШАГ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОССОВЕТА ЧУВАШИИ ПЕРВОГО СОЗЫВА

Аннотация: автор отмечает, что межпарламентское сотрудничество является одним из направлений деятельности законодательных органов как на федеральном, так и на региональном уровне. В статье данный вопрос рассматривается на примере Государственного Совета Чувашской Республики. В фокусе внимания – первое его межпарламентское соглашение, заключенное в 1994 г. с группой депутатов «Новая региональная политика» Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: межпарламентское сотрудничество, законодательные органы власти, Новая региональная политика, Государственный Совет Чувашской Республики, КПРФ, Шурчанов.

Согласно Закону Чувашской Республики от 24 ноября 1993 г. «О Государственном Совете Чувашской Республики» данный орган являлся «постоянно действующим представительным законодательным органом государственной власти Чувашской Республики» [10]. В 2001 г. был принят новый Закон Чувашской Республики «О Государственном Совете Чувашской Республики», которым изменено определение правового статуса: «Государственный Совет Чувашской Республики является постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти Чувашской Республики» [11]. Несмотря на некоторую вариативность определения статуса данного органа государственного управления, ключевым остается его представительный и законодательный функционал.

Вполне естественно, что одним из основных направлений в плане организации деятельности Государственного Совета Чувашской Республики следует назвать межпарламентское сотрудничество. Оно способствует обмену опытом организационной и нормотворческой работы. При этом речь идет и о более высоком иерархичном уровне (нижняя палата Федерального Собрания Российской Федерации), и о коллегах по законодательному цеху из других субъектов Российской Федерации. В настоящей публикации рассматривается только первый аспект и первый опыт подобного сотрудничества со стороны Госсовета Чувашии.

13 октября 1994 г. Госсоветом Чувашии первого созыва был одобрен Меморандум о взаимодействии с депутатской группой «Новая региональная политика» Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [7, д. 11, л. 227; д. 50, л. 16]. Суть подписанного документа сводилась к «укреплению взаимосвязи и улучшению информированности» друг друга. Региональный парламент принял на себя

обязательства регулярно информировать депутатскую группу о социально-экономической ситуации в Чувашской Республике, готовить предложения и замечания к законопроектам, а также при необходимости направлять экспертов для работы над законопроектами в комитетах Государственной Думы России и участия в парламентских слушаниях. Другая сторона-подписант обязалась освещать перед Госсоветом Чувашии работу Госдумы, направлять в Госсовет Чувашии законопроекты для выработки предложений и замечаний и рассматривать и передавать в соответствующие комитеты нижней палаты Федерального Собрания разработанные Госсоветом Чувашии законопроекты [3, с. 66].

В соответствии с Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации депутаты объединялись в партийные фракции и депутатские группы [17]. Как отметил Ю.А. Нисневич, одной из особенностей формирования Государственной Думы России является формирование в её составе самой большой по численности депутатской группы, в которую по корпоративному признаку объединяются, в основном, избранные в одномандатных округах от групп избирателей «независимые» депутаты с целью совместного представления и отстаивания перед федеральной властью корпоративных интересов различных групп влияния (региональной и местной власти, национальных автономий, топливно-энергетического и военно-промышленного комплексов, финансово-промышленных групп и т. д.). В Государственной Думе первого созыва – это группа «Новая региональная политика» [13, с. 8], которая поначалу объединила 66 человек. Связала эту депутатскую группу с Чувашией Н. А. Бикалова: уроженка г. Цивильск была избрана депутатом Государственной Думы России первого созыва и вошла в депутатскую группу «Новая региональная политика». Круг её ответственности в данном объединении определялся связями с общественностью [15].

3 апреля 1995 г. газета «Коммерсантъ» опубликовала статью под характерным заголовком: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». В заметке констатировалось, что накануне депутатская группа «Новая региональная политика» провела внеплановую пресс-конференцию. Срочно напомнить о себе, видимо, побудило то обстоятельство, что её численность, сокращавшаяся все последние месяцы, упала сейчас ниже критической отметки в 35 человек [1]. Как отмечают Ю.А. Нисневич и И.Б. Орлов, характерной особенностью Государственной Думы первого созыва стала интенсивная миграция депутатов между депутатскими объединениями в начале работы и перед окончанием срока её полномочий, обусловленная тем, что народные избранники являлись обладателями «свободного мандата» [14, с. 1667–1668]. Причём «Новая региональная политика» понесла самые ощутимые потери: из 64 человек осталось 34 – и она оказалась на грани полного исчезновения. Зато, как отметил журналист, «коммунисты стоят монолитом – центристскому искусу не поддавался ни один. В целом фракция за почти полтора года потеряла всего двух человек: погиб Мартемьянов, а Ковалева, ныне министра юстиции, исключили за нарушение фракционной дисциплины» [1].

Нужно учесть, что депутатская группа «Новая региональная политика» достаточно быстро продемонстрировала нестабильность своих рядов. Слишком разными оказались взгляды первоначально вошедших в неё депутатов: проявилось противоборство между сторонниками и противниками

Правительства В.С. Черномырдина и выход последних из депутатского объединения [16, с. 44]. Ещё один факт, на который следует обратить внимание, связан с инициированным в начале июля 1995 г. фракцией КПРФ предложением о выдвижении обвинения против Президента Б. Н. Ельцина для отрешения его от должности. Но на пленарном заседании Госдумы 12 июля вопрос о создании специальной комиссии для подготовки выдвижения обвинений не набрал необходимого числа голосов («за» проголосовали только 166 депутатов). При этом группа «Новая региональная политика» исследователями уже прочно в этот момент ассоциируется с «центристами» преимущественной ориентацией на поддержку действующей власти (в этом ряду они упоминаются вместе с фракциями «Женщины России», ДПР, ПРЕСС и группами «Стабильность» и «Россия») [14, с. 1673].

Вышеописанный дрейф взглядов «Новой региональной политики» критическим оказался как для самой депутатской группы, так и для её взаимоотношений в рамках заключённых соглашений, в том числе, по нашему мнению, и с Госсоветом Чувашии. В последнем в рассматриваемый период коммунисты и поддерживающие их составляли парламентское большинство (около 23%); избрание председателем Госсовета В.С. Шурчанова, первого секретаря республиканского комитета КПРФ, также свидетельствует о значительном влиянии бывшей партийной номенклатуры [8, л. 16]. В аналитической справке Института гуманитарно-политических исследований прямо констатировалось: «Валентин Сергеевич даже не счёл нужным сложить с себя полномочия партийного секретаря» [18]. Чувашия в этот период прямо ассоциировалась с так называемым «красным поясом» регионов. Так, уже на первой сессии Госсовета Чувашии первого созыва прозвучало: «Реформам альтернативы нет, а вот пути, по которым они будут осуществляться, явно требуют корректировки» [7, д. 8, л. 46]. По приглашению Председателя Госсовета Чувашии 12–13 ноября 1994 г. состоялся официальный визит в республику члена Совета Госдумы России, руководителя фракции КПРФ Г.А. Зюганова. Он провёл встречи с избирателями городов Чебоксары, Новочебоксарск, Шумерля и Алатырь, а также пресс-конференцию для журналистов [9, с. 28]. На выборах в Госдуму России второго созыва в декабре 1995 г. КПРФ получила 78 177 голосов из 274 271 пришедших на избирательные участки [6]. На выборах Президента России в 1996 г. за Геннадия Зюганова в Чувашии было отдано около 62,5% голосов (у Бориса Ельцина – более 31,8%) [5]. В марте 1997 г. Госсовет Чувашии своим обращением к избирателям «О Всероссийской акции протеста» объявил о поддержке последней и своем участии в ней под девизом «За труд, зарплату, социальные гарантии» [9, с. 47].

Поэтому отход депутатской группы «Новая региональная политика» к «центризму» мог (и, вероятнее всего, так и произошло) расцениваться как откровенное предательство. В результате как такового сотрудничества с этой депутатской группой у Госсовета Чувашии не сложилось. Архивные документы и опубликованные источники содержат лишь два свидетельства о некоем подобии сотрудничества. Причём оба – апелляция от нижестоящего парламента к вышестоящему. Первый представляет собой обращение в сентябре 1994 г. Госсовета Чувашии к сопредседателю депутатского объединения «Новая региональная политика» В.С. Медведеву с просьбой «оказать содействие в установлении выгодных связей ГП «Чувашгаз» с

заводами-поставщиками сжиженного газа в Российской Федерации», поскольку в регионе «сложилась напряжённая ситуация с обеспечением населения этим видом топлива» [7, д. 76, л. 65]. Ещё один пример проявился при обсуждении на четвёртой сессии Госсовета Чувашии первого созыва вопроса о закреплении при формировании федерального бюджета на 1995 г. отдельной строкой федерального же финансирования системы профтехобразования. В принятом парламентом республики постановлении было зафиксировано: «Просить депутатскую группу Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Новая региональная политика» поддержать предложенный законопроект» [7, д. 11, л. 193]. Каких-либо свидетельств о продолжении диалога не имеется.

Здесь важно обратить внимание и на название документа, характеризующее его статус. Вполне уместно вспомнить народную мудрость: «Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт». Прямой перевод латинского слова «memorandum» – «что надо помнить» [2, с. 532]. Меморандум является предварительным документом, который позволяет формализовать и зафиксировать устные договорённости. Он «не носит юридически обязывающего характера, а нередко состоит только из декларативных, необязательных для сторон положений» [4]. Поэтому чаще всего на практике заключаются меморандумы не о взаимодействии (как в случае с рассматриваемым нами документом), а о взаимопонимании или о намерениях – они обладают определённым политическим весом, служат важным шагом к формализации договорённостей и являются своего рода декларациями о предполагаемых в последующем действиях [12].

В силу всего вышеизложенного, на наш взгляд, можно говорить о том, что первый опыт межпарламентского сотрудничества Госсовета Чувашии оказался не совсем удачным с практической точки зрения. Однако нельзя и недооценивать его значение – он предоставил депутатам регионального законодательного представительного органа возможность получить этот самый первый опыт взаимодействия с иерархически вышестоящим институтом и понять механизм его функционирования.

Список литературы

1. Архангельская Н. Хотели как лучше, а получилось как всегда / Н. Архангельская // Коммерсантъ. – 1995.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. – 1995. – №3.
4. Волнянский Д. Практический взгляд на целесообразность меморандумов о взаимопонимании (termsheet) в сделках M&A по российскому праву / Д. Волнянский // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. – 2020. – №2. – С. 69–73.
5. Выборы-96 – результат по субъектам РФ // Коммерсантъ. – 1996.
6. Госдума России: Чебоксарский вариант // Советская Чувашия. – 1997.
7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-2996. Оп. 1.
8. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-3026. Оп. 7. Д. 414.
9. Государственный Совет Чувашской Республики. 25 лет в событиях, фактах, фотографиях. – Чебоксары: Новое время, 2019. – 312 с.
10. Закон Чувашской Республики «О Государственном Совете Чувашской Республики» от 24 ноября 1993 г. // Советская Чувашия. – 1993.

11. Закон Чувашской Республики «О Государственном Совете Чувашской Республики» от 23 июля 2001 г. №37 // Собрание законодательства Чувашской Республики. – 2001. – №9–10. – Ст. 330.
12. Меморандум: что это, зачем нужен и почему его подписали США и Украина // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/base/23/05/2025/682f3ffe9a7947b75b13c633?ysclid=mhjuwy1k79826485939> (дата обращения: 06.11.2025).
13. Нисневич Ю.А. Депутатские формирования в законодательном процессе / Ю.А. Нисневич // Открытая политика: либеральный журнал российской политики. – 2000. – №7/8. – С. 2–10.
14. Нисневич Ю.А. Попытка демократического прорыва: взлеты и падения Государственной Думы первого созыва (1993–1995 гг.) (к 30-летию Российской Федерации). Часть II / Ю.А. Нисневич, И.Б. Орлов // Вопросы политологии. – 2021. – Выпуск 6(70). – Т. 11. – С. 1665–1678. DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.004. EDN ZIETPB
15. Новая региональная политика // База данных «Лабиринт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://labyrinth.ru/content/card.asp?cardid=490&ysclid=mhiirgtkgp533561017> (дата обращения: 06.11.2025).
16. Петров А.В. Политические партии современной России: федеральные тренды, региональные возможности: учебное пособие / А.В. Петров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 164 с. EDN UETUGP
17. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания- Парламента Российской Федерации. Постановление. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. 25.03.94 80-1 ГД // Предпринимательское право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business-pravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_46453.html (дата обращения: 06.11.2025).
18. С.Ю. Чувашская Республика в декабре 1995 года // Институт гуманитарно-политических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1995/1295/21.html> (дата обращения: 06.11.2025).

Логачев Алексей Игоревич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

КРИМИНАЛЬНОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: «САЛИЧЕСКАЯ ПРАВДА» О КРАЖАХ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос одного из основных историко-правовых памятников раннего Средневековья. Дано краткое библиографическое описание «Салической правды», её структура, историческое значение, современное понимание. Основное внимание уделено титулам, которые касаются краж. Проанализированы неочевидные для современного обывателя положения о наказаниях, раскрыт их смысл и логика.

Ключевые слова: раннее Средневековье, Салическая правда, королевство франков, средневековое право, история Средних веков, преступления, кража.

В самом общем понимании «Салическая правда» («Lex Salica») представляет собой один из наиболее ранних дошедших до наших дней сводов обычного германского права, записанный в начале VI века. Текст записан на вульгарной латыни, бытовавшей в это время на территории римской Галлии. Наиболее ранний вариант «Lex Salica», по общепринятому

мнению историков, состоит из 65 титулов. В последующую эпоху Меровингов добавляемые титулы были объединены в виде капитуляриев. Их было всего семь согласно классической версии издания. Отечественная историческая наука с середины XX века до сих пор использует перевод текста «Правды...» профессора Николая Павловича Грацианского.

Данный исторический и правовой памятник изучается различными направлениями исторической науки на протяжении многих веков как зарубежными, так и отечественными исследователями. В рамках данной статьи хотелось бы обозреть «Салическую правду» с точки зрения современности. Обусловлено это тем, что обывателю начала XXI века, который в целом неплохо ориентируется в нормативно-правовом поле, многое здесь кажется странным, нелогичным, а иногда и абсурдным.

Итак, давайте по порядку. Рассмотрим титулы, которые посвящены кражам.

Титул II «О краже свиней»: «Если кто украдет молочного поросёнка и будет уличён, присуждается к уплате трёх солидов» [1, с. 14].

Прибавление 1. Если же кто украдёт поросёнка в третьем (внутреннем) хлеву, присуждается к уплате пятнадцати солидов, не считая стоимости похищённого и возмещения убытков.

Прибавление 2. Если же кто украдёт поросёнка из запертого хлева, присуждается к уплате сорока пяти солидов.

Титул VIII «О краже пчёл»: «Если кто украдёт один улей из-под замка и будет уличён, присуждается к уплате сорока пяти солидов» [1, с. 18].

Титул X «О краже рабов»: «Если кто украдёт раба, [...] присуждается к уплате тридцати солидов» [1, с. 20].

Титул XXVII «О различных кражах»: «Если кто украдёт с вожака чужого свиного стада колокольчик и будет уличён, присуждается к уплате пятнадцати солидов, не считая стоимости похищённого и возмещения убытков» [1, с. 29].

Для понимания покупательской способности солидов салических франков можно, хоть и с определённой условностью, привести следующие примеры из «Рипуарской правды» их соседей из области реки Рейн. По ней следует: корова имеет стоимость два солида; конь (прим. боевой) – двенадцать солидов; кобыла – три солида; меч с ножнами – семь солидов; кольчуга – двенадцать солидов; ястреб, обученный охоте, – шесть солидов [2, с. 175].

Что же здесь видим? Современному человеку непонятно, как за одну и ту же украденную свинью назначается штраф, величина которого может отличаться в пятнадцать раз! Не менее странно на первый взгляд оценивается кража колокольчика – в пять раз дороже, чем кража поросёнка. Наказание за кражу пчелиного улья, которое в денежном выражении в полтора раза серьёзнее, чем кража человека, вообще ставит современника в тупик.

Теперь взглянем на проблему с исторической точки зрения. Варварские королевства и союзы племён, возникшие в Северной и Западной Европе после падения Западной Римской империи, непрерывно воевали. Для содержания воинских контингентов, строительства укреплений и налаживания коммуникаций требовались средства. Самым доступным способом изыскать их были налоговые сборы, получить которые в условиях раннего Средневековья представлялось возможным только с земельных наделов. Отсюда логика тогдашнего законодательства: за преступления, которые

так или иначе уменьшают налоговую базу с земельного надела, необходимо карать максимально сурово.

Теперь к вопросу о свиньях, пчелах, колокольчиках и рабах.

В условиях средневековой аграрной культуры для повышения урожайности использовались натуральные удобрения, производимые животными. Следовательно, сокращение поголовья свиней – это прямой удар по плодородию почвы, по урожаю и, в конечном счёте, по количеству налогов, поступающих в казну.

В животноводстве колокольчик на вожаке стада представляет собой не украшение, а инструмент управления. Кража такого инструмента приведёт к отсутствию контроля за животными, в дальнейшем чреватому порчей полей, потерей животных, повышенной опасностью нападения хищников. Всё это прямо наносит удар по налоговой базе аграрного общества.

В заключение о пчёлах и рабах. Пчеловодство является важной отраслью аграрного хозяйства и в наше время, когда мёд активно используется в кулинарии, консервации, косметике, медицине, производстве алкогольных напитков и др. В эпоху же Средневековья воистину стратегическим продуктом пчеловодства являлся воск – уникальный продукт для создания источника света – свечей. Трудно переоценить их значение для повседневной жизни всех слоёв населения того времени и прежде всего роль в религиозных отправлениях. Ещё одно важное, но не всем очевидное назначение пчелиного улья – военное. Практика сбрасывания ульев со стен укреплений на головы осаждающих, известная ещё со времён античности, была весьма распространена. Более того, с развитием осадной техники «боевых пчёл» в улье стали забрасывать в крепость, тем самым парализуя оборону, что часто использовалось при штурмах укреплений. Поэтому, если сравнить кражу рабов, которые в те времена уже перестали быть основным инструментом аграрной экономики, и кражу пчелиного улья, который обеспечивает сразу несколько цепочек производств, обеспечивающих налоговую базу, становится ясно, какое преступление более серьёзно.

Таким образом, можно заключить, что во времена «Салической правды» прописанные в ней законы имеют вполне обоснованный и логичный смысл.

Список литературы

1. Салическая правда / пер. Н.П. Грацианского; под ред. В.Ф. Семенова. – М., 1950. – 167 с.
2. Социальная история средневековья. Т. I / под ред. Е.А. Косминского, А.Д. Удальцова. – М., 1927. – 254 с.

Матюнина Ирина Александровна
аспирант, ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛИ КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2005–2006 гг.: ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

***Аннотация:** в статье представлен анализ развития культуры, средств массовой информации, полиграфии, книгоиздания и книготорговли Чувашской Республики в 2005–2006 годах. На основе архивных документов рассматриваются динамика тиражей, структура издательских домов, внедрение новых технологий, создание интернет-порталов и интеграция учреждений в единое информационное пространство. Особое внимание уделяется проблемам цифровизации, кадрового обеспечения и материально-технической базы.*

***Ключевые слова:** Чувашская Республика, культура, СМИ, полиграфия, книгоиздание, интернет, историческая аналитика.*

2005 год стал переломным для отрасли культуры Чувашской Республики, когда учреждения, занятые в сфере массовой информации, полиграфии, книгоиздания и книготорговли, начали активную адаптацию к новым экономическим и технологическим условиям. В этот период наблюдались централизация производства печатной продукции, внедрение современных технологий и интеграция организаций культуры и СМИ в единое информационное пространство, что позволило повысить эффективность их деятельности и расширить доступ населения к культурным ресурсам [2, с. 6–11].

К 2005 году на территории Чувашской Республики ежемесячно выходило около 200 газет и 30 журналов, функционировало 11 радиостанций и 6 телестудий, а в Чебоксарах действовали 48 полиграфических предприятий [3, с. 88–92]. Централизация выпуска государственных газет на девяти полиграфических базах позволила оптимизировать капитальные вложения, повысить загрузку оборудования и внедрить прогрессивные офсетные технологии. Доля собственных доходов республиканских СМИ достигла 82,6%, а районных – 72%, что свидетельствовало о росте финансовой самостоятельности и коммерческой устойчивости государственных издательских структур [3, с. 88–92].

Анализ подписных тиражей выявил значительные различия между районами. Наибольшие показатели продемонстрировали газеты «Порецкие вести» (2,5/175), «Грани» г. Новочебоксарск (2/166) и «Пурнăс сӳлӗпе» Аликовского района (3/131), в то время как Чебоксарская районная газета «Таван Ен» отставала (12/28). Рост тиражей обеспечивался благодаря активной маркетинговой политике и участию авторских коллективов в региональных и всероссийских конкурсах. Так, газета «Грани» стала победителем конкурса «Совет Федерации – палата регионов», а программа местного телевидения «Просыпайся» вышла в финал конкурса ТЭФИ [3, с. 88–92].

Предприятия полиграфии выпустили продукции на сумму более 110 млн руб., что составило 109,4% плана. Наибольший рост показали ГУП «Моргаушский ИД» (234%), ГУП «Вурнарский ИД» (164%), ГУП «ИД «Хрещен сасси» (151%) и ГУП «Порецкий ИД» (137%). Одновременно наблюдалось снижение производства на Шемуршинском (37%), Кугесьском (76%) и Цивильском (96%) издательских домах, что отражало дифференцированное влияние рыночной конкуренции на региональные структуры. Внедрение современных технологий, таких как рулонная машина офсетной печати «Ультрасет-72», позволило повысить производительность и укрепить позиции на общероссийском рынке [3, с. 88–92].

Чувашское книжное издательство в 2005 году выпустило 67 книг общим тиражом 252,6 тыс. экземпляров, из которых 38 были на чувашском языке. Литература на сумму более 1,5 млн. руб. была реализована за пределы республики. Особое значение имели издания серии «Библиотека Президента Чувашской Республики» и многочисленные работы, посвященные истории и культуре Чувашии, включая книги «Военачальники», «Спортсмены» и Книгу Памяти. Государственное предприятие «Чувашский бибколлектор» увеличило ассортимент литературы до 26 тыс. наименований и товарооборот на 108,6% [3, с. 88–92]. Несмотря на это, сохранялась необходимость пересмотра политики «низких цен» и активного продвижения литературы через презентации и интернет-ресурсы, чтобы повысить интерес аудитории и обеспечить рентабельность.

Создание портала «Культурный провайдер Чувашии» в 2005 году стало важным шагом в интеграции учреждений в единое информационное пространство. На портале могли размещаться сайты всех 64 подведомственных организаций Министерства культуры, однако к 2006 году был задействован лишь 8–10% потенциала. Основными проблемами оставались отсутствие широкополосного подключения (ADSL), нехватка квалифицированных IT-специалистов и недостаточная мотивация руководителей учреждений [2, с. 6–11]. Для решения этих проблем было предложено создание портала «СМИ Чувашии», объединяющего страницы всех газет, радиостанций, телестудий, издательских домов и ключевых учреждений культуры, включая Чувашский театр оперы и балета, Чувашский художественный музей, Центр охраны культурного наследия и образовательные учреждения. Предусматривалось премиальное стимулирование руководителей, расширение цифровой инфраструктуры и повышение квалификации персонала.

В контексте этих процессов особое значение приобрели общероссийские тенденции цифровизации государственного управления, ярко проявившиеся в начале 2000-х годов. Как отмечает О.Ю. Салтыкова, развитие информационно-телекоммуникационных технологий, прежде всего интернета, радикально изменило характер взаимодействия между региональными органами власти и населением, сместив акцент с традиционных каналов массовой коммуникации – печати, радио и телевидения – на цифровую среду [5, с. 310–311]. Запуск федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)» в 2002 г. стал поворотным моментом, обеспечив формирование электронной инфраструктуры государственного и муниципального управления, включающей механизмы электронного

документооборота, доступ граждан к государственным услугам и развитие порталов для прямого взаимодействия с органами власти [5, с. 311–312].

Согласно исследованию, реализация концепции электронного правительства способствовала трансформации коммуникаций между государственными структурами и обществом: население стало субъектом взаимодействия, а не пассивным получателем информации [5, с. 312]. В рамках программы в ряде регионов России, включая Чувашскую Республику, внедрялись региональные информационно-аналитические системы (РИАС), устанавливалось оборудование в государственных учреждениях, создавались центры общественного доступа к интернет-ресурсам [5, с. 313]. Эти меры позволили обеспечить более прозрачную систему управления, расширить каналы обратной связи и стимулировать развитие цифровых сервисов на региональном уровне.

Как отмечает И.В. Астафуров, цифровые медиа радикально изменили структуру коммуникационного пространства, расширив возможности участников информационного обмена, но одновременно усилив значение государства как ключевого субъекта регулирования и интеграции медиапотребителей [1, с. 49–50]. Программы федерального уровня, включая инициативы в рамках «Информационного общества», стимулировали регионы к созданию единого информационного пространства с опорой на современные цифровые каналы. Именно в этом контексте следует рассматривать и создание в Чувашии портала «Культурный провайдер Чувашии» – как часть более масштабного процесса цифровизации региональной медиасферы, направленного на расширение доступа населения к культурным и информационным ресурсам.

Главными проблемами отрасли в 2005–2006 гг. оставались низкая художественно-техническая привлекательность печатной продукции, ограниченная цифровизация, дефицит квалифицированных кадров и недостаточная мотивация руководителей [4, с. 71–76]. Для их преодоления рекомендовалось оптимизировать структуру учреждений, внедрять современные технологии и организовывать объединение районных СМИ в единый портал. Такой подход позволял бы повысить доступность информации, улучшить качество обслуживания населения и укрепить конкурентоспособность отрасли в целом.

Анализ развития отрасли культуры Чувашской Республики в 2005–2006 гг. показывает, что реструктуризация, внедрение современных технологий и активное использование интернет-ресурсов позволили повысить эффективность работы учреждений и расширить доступ населения к культурным и информационным ресурсам. В то же время выявились проблемы кадрового обеспечения, материально-технической базы и цифровизации, решение которых требовало системного подхода.

Список литературы

1. Астафуров И.В. Региональная информационная политика в современном коммуникативном пространстве / И.В. Астафуров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17. №6. – С. 47–53. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-47-53. EDN XREKKD
2. Доклад заместителя министра Петрова О.Ф. на коллегии Министерства от 27 января 2006 г. // Государственный архив современной истории Чувашской Республики. – Ф. 2969. – Оп. 1. – Д. 649. – Л. 6–11.

3. Отчёт о работе СМИ, полиграфии, книгоиздания и книготорговли Чувашской Республики, 2005–2006 гг. // Государственный архив современной истории Чувашской Республики. – Ф. 2969. – Оп. 1. – Д. 649. – Л. 88–92.

4. Постановление коллегии «Об итогах работы отрасли «Культура, кинематография и СМИ» за 2005 год и задачах на 2006 год» от 28 февраля 2006 г. №5 // Государственный архив современной истории Чувашской Республики. – Ф. 2969. – Оп. 1. – Д. 649. – Л. 71–76.

5. Салтыкова О.Ю. Специфика и закономерности региональной информационной политики / О.Ю. Салтыкова // Регионология. – 2009. – №2(67). – С. 310–315. EDN K VXOSD

Михайлов Виталий Михайлович

учитель

МБОУ «Красноармейская СОШ»

с. Красноармейское, Чувашская Республика

ТРАК ЕН – КРАЙ ТРЕХ ВЕЛИКИХ БОГАТЫРЕЙ: УБИ БАТЫР, БИБАРСА И ПАЙДУЛА (К 90-ЛЕТИЮ КРАСНОАРМЕЙСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация: в статье рассмотрены исторические сведения и предания о богатырях Земли Траковской – Бибарсе, Уби Батыре и Пайдуле. Отмечен их вклад в защиту и сохранение чувашского народа. Приведены мероприятия, направленные на формирование исторической памяти о славных предках, популяризацию научных знаний, воспитание подрастающего поколения.

Ключевые слова: Чувашия, Трак ен, богатыри Бибарс, Уби Батыр, Пайдул, переселение чувашей, сражения, патриотизм, историческая память.

Красноармейский муниципальный округ (МО) Чувашской Республики – преимущественно аграрный, не отличается богатством природных ресурсов, но гордится своей славной историей, талантливыми людьми, известными не только в округе и в Чувашии, но и в России.

Древние люди на территории нынешнего Красноармейского МО появились еще в эпоху позднего палеолита, подтверждением чему являются археологические памятники: «Святилище и абашевский могильник» (д. Пикшики), «Городище Хола ту» (д. Досаево), «Селище и могильник Пăлаху» (д. Кирегаси), «Курган» (с. Красноармейское), «Городище» (с. Большая Шатма), «Курган» (д. Кумагалы), «Городище Мăн сăрт» (д. Кольхири), «Стоянка» (д. Синьял-Убеево), «Городище» (д. Янмурзино) [1].

Траковский район был образован 9 января 1935 г. В 1940 г. д. Передние Траки переименовали в с. Красноармейское, соответственно Траковский в Красноармейский район. С 20 декабря 1962 г. по ноябрь 1965 г. населенные пункты современного района входили в состав Цивильского района. С ноября 1965 г. Красноармейский район был восстановлен в нынешних границах. С 1 января 2022 г. район преобразован в муниципальный округ. В составе Красноармейского МО ныне 89 населённых пунктов, 9 территориальных отделов: Алманчинский, Большешатминский, Исаковский, Караевский, Красноармейский, Пикшикский,

Убеевский, Чадукасинский, Яншихово-Чёллинский. Численность населения на 1 января 2025 г. составляет 12 185 чел. [8].

По данным исторической науки, предки жителей Красноармейского округа были выходцами из Волжской Булгарии. В период нашествия монголо-татар один из болгарских предводителей Уби-батор (в преданиях – Убе) привёл свой род на р. Большой Цивиль. Уби ещё в молодые годы слыл отважным батыром, и на охоте в одиночку мог одолеть медведя. Его родовые земли находились на правом берегу р. Кама. Спасаясь от разорения монголо-татар, Уби-батор повёл людей своего рода со всем имуществом и скотом на больших плоскодонных лодках вниз по Каме. Лодки охраняли воины на особых судах. Выйдя на р. Волгу, переселенцы доплыли до р. Свияги. Здесь одна группа направилась вверх по этой реке, другие продолжили путь до р. Аниш и решили обосноваться в этих краях. Третья группа во главе с Уби-батором доплыла до р. Цивиль и поднялась по ней. Путники шли целый день и всю ночь, и остановились на правом возвышенном берегу реки, где основали укрепленное поселение, которое называли именем предводителя – Уби. Позже рядом с ним возникли поселения Янмурзино, Досаево, Байсубино [8].

Уби-батор – один из тех славных болгаро-чувашей, который спас свой народ от гибели. Благодаря народному герою сохранились язык, обычаи и традиции предков. До наших дней дошла древняя чувашская песня: «Через овраги, которые не переходил Уби, мы перешли и пришли сюда. Через леса, которые не прошёл Уби, мы прошли и пришли сюда...» [12]. Её исполняют на празднике Сёрен, в день памяти предков. По мнению учёных, она посвящена сильноному и храброму предку Уби-батору.

Следующий легендарный батыр нашего округа – князь Бибарс, живший в эпоху Казанского ханства. Его имя означает «князь, сильный как барс», считавшийся символом (тотемом) Волжской Булгарии. Основателями д. Чадукасы были несколько семей племени ксувар, отказавшиеся принять ислам. Они около 1114 г. переправились через Волгу и на развилке дорог на Булгар и Муром основали поселение. Название деревни, по мнению В.В. Радлова, произошло от слов «чатак» (место слияния двух дорог) и «кас» (деревня, улица) [11]. Позже оно превратилось в «Чадок», «Чадук» (чув. кЧатук). Современники на вопрос «Куда идешь?» отвечают: «в Чадок» или «в Чадук».

Род князей Бибарсов существовал до падения Казанского ханства. В книге «Зафар наме вилайет Казань», вышедшей в свет в XV в., сказано: «Бибарс – бек, хаким Булгарского вилайета, зеница ока султанов, жемчужина раковины величия и могущества, отпиратель дверей сокровищниц ханских, принадлежащих к роду эмиров» [3]. В 1546 г. в Казани сторонники Москвы начали восстание против хана Сафа-Гирея, ставленника Крыма и Турции. Сафа-Гирей со своей семьей был изгнан из Казани и ханом стал ставленник Ивана Грозного Шах-Али (Шиг-Алий).

С.М. Михайлов-Янтуш в примечании к статье «Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде» писал: «В Ядринском уезде чувашская деревня Бибарсово, которая, вероятно, была вотчиной мурзы Бибарса» [9, с. 243]. Историк В.Д. Димитриев на основе анализа источников утверждал, что в ноябре 1551 г. хан Шах-Али раскрыл заговор Бибарса князя, Кадыша богатыря, Карамыш улана и других, задумавших отстранить его от престола и пригласить хана с Ногайской стороны. Бибарса ученый

характеризует как дальновидного, храброго и умного князя, желавшего мира и дружбы с Москвой. Однако, поняв угрозу потери государственно-сти, он начал борьбу против Ивана Грозного. В 1551 г. отряд Бибарса, состоявший из 60–80 воинов, в окрестностях Чадукасов потерпел поражение от русского войска, сам предводитель и его младшие братья Кадыш-батор и Карамыш-улан были захвачены в плен и жестоко казнены. По мнению В.Д. Димитриева, Бибарс был патриотом своей земли, мог стать предводителем национально-освободительной борьбы чувашей [5, с. 85].

Имя Бибарс закрепилось в названии д. Бибарсово-Чадукасы и использовалось до 1918 г. После революции 1917 г. слово «Бибарс» из названия деревни исключили, посчитав, что оно «напоминает старый режим» [3]. В Средние века д. Бибарсово-Чадукасы расширилась, что было связано с необходимостью обеспечить охрану и продовольствие войскам, проходившим по Большому тракту, для чего вводились в севооборот новые земли, увеличивали поголовье скота и др. В те времена несколько семей из Бибарсово-Чадукасов переселилось к реке. Там же обосновался помощник предводителя отряда воинов. Новую деревню, возникшую в 1416 г. в бытность Казанского ханства, называли Эткенево-Полайкасы. Название деревни состояло из слов «эткен» (большой палец, помощник) и «полай» (защита от ветра). Раньше на холме около деревни Бибарсово-Чадукасы были леса, защищавшие ее от северо-восточных ветров.

Третий народный герой-богатырь Траковской земли – Байдул Искеев (Искей Пайтулэ) был поэтом и полководцем. Жил он в середине XVII в., участник восстания крестьян под предводительством Степана Разина в 1670–1671 гг. В книге «История Чувашской АССР» (Чебоксары, 1966) есть такие строки: «Чувашский народ выдвинул из своей среды способных организаторов – вожаков восстания. Известны десятки разинских полковников, атаманов, есаулов и прапорщиков из чувашей. Полковник Байдул Искеев (из деревни Хоракасы Цивильского уезда, второе название – Карайкасы, ныне – Сормхири Красноармейского МО) со своим атаманом Тойдемиром Емайдином (из деревни Искеево Цивильского уезда) во главе повстанцев-чувашей участвовал во многих боях с ратью Ю. Барятинского на пути к Симбирску, под Цивильском, под селениями Досаево, Яндоба и Хоракасы» [6, с. 100].

Валем Ахун в предисловии своей книги «Палнай» отмечает, что Байдул был полковником войска Степана Разина. «Чувашские отряды, руководимые Пайдулом, участвовали во взятии Чар-города (Царицына), дошли до Астрахани, а в 1670 г. вели бои с войсками Ю. Барятинского под Симбирском... впоследствии через Сурские леса пробились обратно на территорию Чувашии и еще раз подняли здесь пламя восстания...» [2, с. 3–4]. Царский воевода М. Кравков писал: «Велено мне иттить ис Чебоксар к Цивильскому и сойтица с воеводою со князем Данилом Афонасьевичем Борятинским в Цивильском уезде в деревне Харакусах...» [4, с. 9–12]. 1 января 1671 г. у сел Карайкасы и Тусай произошел кровопролитный бой между царскими и чувашскими войсками. Есть в книге и описание этого боя: «И бой большой дни с первого часу до последнего (с 8 часов 5 минут до 16 часов 5 минут) и милостью божью и великого государя и его благородных чад многих воровских людей побили и прогнали в Курмышский уезд деревни Яндобы» [4, с. 9–12]. В этом жестоком бою царские каратели взяли в плен 7 чувашских витязей. Четверо из них из одного с Пайдулом села, «Караикуса»: Ахтумерко Шереев, Кулбаишка

Атыев, Янчубайка Кулбаишев, Байкуса Елчюбаев. Атайка Тойдемиров и Тоишка Атаев из села «Ендоба», Чюрабайка Албеев – из деревни «Нуро-сава». Далее М. Кравков пишет: «И генваря в 2 день пришел в воровскую деревню Каракасы, и никого в той деревне людей и животины и хлеба не за-стали, и ту деревню велел выжечь» [4, с. 9–12].

Против Байдула М. Кравков послал своего подполковника Петра Ско-рикова с большим отрядом. Проводником стал предатель Янмарза из села Кибеч (Кибескин). И произошел кровопролитный бой у села Яндоба. У Яндобы у Байдула было 3000 воинов. Войско было разделено на две ча-сти. Первый отряд, состоящий из 1000 человек, должен был захватить обоз, стоящий в «Харакусе». Командовал обозом царский воевода Данил Барятинский. Другой отряд Байдула должен был атаковать самого М. Кравкова. На помощь повстанцам из села Дуван спешил другой чуваш-ский отряд, которым командовал Сергушка Васильев. Отряд задержался в пути, чем воспользовался М. Кравков, атаковав Байдула Искеева. Мно-гие чувашские воины погибли. Байдул и его ближайший соратник Тойде-мир попали в руки карателей. Во время этапирования Байдулу удалось бежать, но вскоре он погиб в неравном бою [4, с. 9–12]. Байдул Искеев сочинял стихи и песни. Его ратники с песней шли в бой. Они говорили, что Байдул несется быстрее ветра, горяч и крепок, как сталь [2, с. 4]. Не-сколько его песен и сохранились до наших дней [14, с. 228].

Траковская Земля чтит имена своих богатырей. 30 июля 2011 г. в д. Сормхири Караевского сельского поселения состоялось театрализован-ное представление в честь 340-летия со дня гибели национального героя Байдула Искеева. Автором сценария и режиссером постановки был ре-жиссер Чувашского музыкального театра оперы и балета Анатолий Ильин, уроженец д. Синьялы Караевского сельского поселения. Образ Байдула воплотил учитель обществознания Красноармейской средней школы №2, местный краевед Виталий Михайлов. В этот же день у въезда в деревню по чувашской традиции поставили памятник-юпа в честь героя Байдула Искеева.

В 2025 г. округ отметил 725-летие села Убеево и 90-летие со дня осно-вания Траковского (Красноармейского) района. По этому случаю в селе Убеево проведен торжественный вечер и состоялось музыкально-историче-ское представление с участием Чувашского государственного ансамбля песни и пляски. Это представление повторно показали на «Акатуй – 2025» в с. Красноармейское. Главными образами праздника батыры: Уби, Бибарс и Байдул. К 90-летию района известным самодеятельным режиссером ани-маций Владимиром Галошевым по мотивам исторических очерков Миха-ила Юхмы были сняты мультфильмы «Упи паттър», «Пипарс» и «Пайтул полковник» на чувашском языке, которые доступны в сети Интернет.

На гербе и флаге Красноармейского МО изображен шлем Уби-батора, что символизирует связь истории родного края с великими предками. Ав-тором эскизов является известный чувашский геральдист В.А. Шипунов, который предложил также изображения гербов и флагов 9 сельских посе-лений округа. Он увековечил имя Байдула Искеева на гербе и флаге Кара-евского территориального отдела. Шлем Уби-батора представляет метал-лическую шапку, символизирующую защиту чувашского народа от врагов, а его пояс – зрелость, силу и мужество. Художник-преподава-тель А.М. Иванов создал также талисман Упи паттър.

Нам стало известно, что ульяновский скульптор Николай Кондрашкин в с. Убей Дрожжановского района Татарстана изготовил и 2 июня 2019 г. установил бюст чувашского предводителя Уби-батара. Воодушевившись этим примером, наши земляки, скульпторы Сергей Васильев (уроженец д. Хлеси, ныне живет в Чебоксарах) и Алексей Дмитриев (уроженец с. Красноармейское, ныне живет в Москве) тоже изготовили эскиз памятника Уби-батору. Для строительства памятника в настоящее время ведется поиск спонсоров.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» Красноармейского МО в 2025 г. выпустил брошюру «Уби-батор, сила богатырская» [12], где описываются 12 великих подвигов богатыря, прославивших его. Эти подвиги отражают храбрость, мудрость и силу духа, стали примером для многих поколений чувашей.

Герои начинают свою историю простыми людьми, но благодаря упорству и героическому поступку достигают величия личности. Это история напоминает молодежи о важности постоянного саморазвития и преодоления трудностей. Таким образом, легенды и предания, а также исторические факты предлагают молодому поколению ценнейшие моральные принципы и жизненные ориентиры, необходимые для формирования характера и нравственности.

Список литературы

1. Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание / авт.-сост. Е.П. Михайлов и др. – Чебоксары, 2013.
2. Ахун В. Палнай: сб. фольклорных текстов / В. Ахун. – Чебоксары, 1973. – 44 с.
3. Валентинов А.В. Волжская Булгария и д. Бибарсово-Чадукасы / А.В. Валентинов. – Красноармейское, 2013. – 56 с.
4. Васильев А.В. Стенька Разин и чувашский народ / А.В. Васильев. – Казань, 1919. – 16 с.
5. Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Русскому государству / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары, 2001. – 120 с.
6. История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – 288 с.
7. Красноармейский муниципальный округ Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kratn.sar.ru/about/info> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Михайлов С.М. Собрание сочинений / С.М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с. EDN WDMGFV
9. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий / В.В. Радлов. – СПб., 1888. – 66 с.
10. Уби-батор, сила богатырская. – Красноармейское, 2025. – 28 с.
11. Иванова Н.Г. Чувашская литература. Ч. 1: уч. издание / Н.Г. Иванова, В.П. Никитин. – Чебоксары, 1993. – 311 с.
12. Юхма М.Н. Древние чуваш: историч. очерки / М.Н. Юхма. – Чебоксары, 1998. – 454 с.

Платова Екатерина Эдуардовна

д-р ист. наук, профессор, заместитель заведующего
ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет
путей сообщения императора Александра I»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-150806

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ РОССИИ – НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Аннотация: в статье сделана попытка показать, как промышленный переворот в России и развитие железнодорожного транспорта параллельно с немислимыми масштабами развития сети железных дорог меняли быт и образ жизни всех слоев населения в XIX – начале XX в. Автор обращает внимание на динамику позитивных перемен в комфортности железнодорожных пассажирских перевозок в период от поездки первого поезда на Царскосельской железной дороге в 1837 г. длиной в 27 км до поездов Транссибирской магистрали начала 1900-х гг. длиной почти в 9 тыс. км. Кроме того, проанализирована динамика развития комфорта на пассажирском железнодорожном транспорте от аскетизма до роскоши.

Ключевые слова: железные дороги, поезда, железнодорожная сеть, вагоны, комфорт, отопление, кондиционирование, освещение, образ жизни, сословия, классы комфортности.

Во второй половине XIX в. в Российской империи начался настоящий бум железных дорог. Железные дороги вызвали к жизни появление новых отраслей промышленности, экономики, строительства, архитектуры, транспортной науки и образования, изменили образ жизни населения страны. Возник новый мир скоростей и комфорта. Менялся облик государства, создавая индустриальный ландшафт. Время диктовало России ускорение темпов передвижения населения и грузов.

Вместе с тем, первоначальные железнодорожные перевозки в России ставили цель перевоза пассажиров, но не грузов [2, с. 24]. Таковой стала первая железная дорога общего пользования – Царскосельская, между Санкт-Петербургом и Павловском, торжественно открытая 30 октября 1837 г. По существу, это была экспериментальная дорога небольшой протяженности (около 27 км), ставшая историческим символом и формой организации отдыха для публики высших сословий.

Полноценное пассажирское сообщение началось 1 ноября 1851 г. с открытием движения на Петербургско-Московской железной дороге, когда пассажирский поезд пробыл в пути до Москвы почти 22 часа. Но уже с сентября 1853 г. на линию вышел первый скоростной поезд, который был в пути всего 12 часов и установил мировой рекорд скорости пассажирских перевозок. Несмотря на множество скептиков и противников железнодорожного транспорта и пассажирских перевозок со временем стало очевидно неоспоримое преимущество железнодорожного транспорта благодаря заметному снижению стоимости перевозок, значительному росту скорости передвижения, введению новых технологических решений для комфорта пассажиров и стимуляции просвещения населения.

Именно поэтому Император Николай I (1825–1855) уделял особое внимание железнодорожному строительству и данному транспортному сообщению. Уже в 1852 г. по железной дороге было перевезено 719 тысяч пассажиров, а всего через четыре года это число увеличилось до 1 млн. 400 тысяч пассажиров [6, с. 12].

После поражения России в Крымской войне развитие пассажирских перевозок получило дополнительный импульс, стала явной опасность отсутствия железнодорожной сети в южных регионах страны и объективная необходимость внедрения железных дорог по военно-стратегическим соображениям. В январе 1856 г. был обнародован высочайший указ Императора Александра II (1855–1881) «Об учреждении Главного общества российских железных дорог для постройки и эксплуатации первой сети русских железных дорог длиною 4000 верст», где отмечалось, что «... железные дороги в надобности коих были у многих сомнения еще десять лет назад, признаны ныне всеми сословиями необходимостью для империи и сделались потребностью народной, желанием общим настоятельным» [5, с. 95]. В России было положено начало строительству сети железных дорог, когда к началу 1860 г. были построены первые участки московских железнодорожных направлений. В Москве появились Ярославский, Курский и Нижегородские вокзалы. Первым в истории страны министром путей сообщения стал выдающийся инженер Павел Петрович Мельников (1804–1880).

Позитивные сдвиги в железнодорожном строительстве были предприняты при Александре III (1881–1894) и связываются с деятельностью С.Ю. Витте (1849–1915), который способствовал притоку в железнодорожную отрасль капиталов из-за рубежа. В период с 1882 по 1904 гг. строится Екатерининская железная дорога, соединившая Донецкий угольный бассейн с южными регионами России. Эта дорога способствовала развитию топливно-металлургической базы, обеспечивала вывоз угля и железной руды на международные рынки. В конце 1880-х гг. была построена Закаспийская железная дорога, протяженностью более 2000 км. В феврале 1891 г. кабинет министров принял решение о необходимости сооружения Транссибирской магистрали, которая бы соединила страну от Москвы до Владивостока. Пресса того времени отмечала, что после открытия Америки и сооружения Суэцкого канала в экономической истории это событие стало самым значимым событием. Магистраль пересекала территорию двух частей света – Европу (1777 км) и Азию (7512 км). Экономическая эффективность магистрали была несомненной: количество пассажиров, перевозимых железными дорогами и прежде всего Транссибом, увеличилось в 322 раза (с 719 тыс. пассажиров в 1852 г. до 232 млн. человек в 1913 г.) [5, с. 269].

С развитием сети железных дорог в России совершенствовался и комфорт для пассажиров. В поездах развивались системы отопления, освещения и сервиса. На Царскосельской железной дороге комфортом пассажиров озаботился Франц Герстнер (1795–1840), австрийский подданный, приглашенный Императором Николаем I для устройства первой железной дороги в России. По его предложению с самого начала железнодорожной эры применялся принцип разделения вагонов на классы. Он делил их по уровню комфортности на первый, второй и третий классы (позже появился и четвертый класс). Первые вагоны – прообразы нынешних вагонов, так называемые «вагоны-кареты» не отапливались, вентилировались

за счет открытия окон снизу вверх, а вагоны третьего класса вообще не имели крыши, напоминая простые телеги-повозки. Самым фешенебельным был так называемый вагон первого класса, который вмещал 24 человека. Его называли «берлин» или «карета». Этот крытый вагон Герстнер описывал как «щеголеватый». Следующий вагон второго класса тоже имел крышу, но вмещал 30 человек и назывался «дилижанс». Полуоткрытый и жесткий вагон третьего класса, напоминающий крытую повозку, именовали «шарабан», где располагалось до 50 пассажиров. Была и просто открытая платформа с деревянными скамьями без всякой крыши для простого народа, куда могло войти до 90 человек. Она называлась «вагон» (от англ. слова «waggon» «повозка, воз»), которое определило само понятие помещения для перевозки пассажиров и грузов.

Позже к 60-м гг. XIX в. посредине вагонов второго и третьего классов появился проход, слева и справа располагались скамьи. Для пассажиров третьего класса сиденья были жесткими, в нем размещалось до 90 человек. Во втором классе стояли скамьи с мягким покрытием и вагон вмещал 52 человека. Вагон первого класса был рассчитан на 28 человек. В нем находилось 14 мягким диванов, рассчитанных на двоих пассажиров. Пассажиры могли получить услуги, исходя из финансовых возможностей и сословной принадлежности. Так паровоз заменил лошадей. С увеличением мощности паровой машины вагоны стали представлять собой как бы несколько соединенных карет. Купе вагона были изолированы, каждое имело свою входную дверь. Сиденья располагались друг против друга, общий коридор отсутствовал, выход на перрон осуществлялся из каждого купе. Это был максимальный уровень комфорта, доступный только для высших слоев общества. Низшие сословия довольствовались открытыми вагонами по типу обычных телег на стальных колесах.

Каретный стиль сохранялся до второй половины XIX в., когда увеличение скорости и дальности передвижения заставили внести значительные изменения в вагоностроение. Был поставлен вопрос об улучшении комфорта. В этот период меняется образ как паровоза, так и вагонов. Паровоз становится стилистической доминантой, символом технического прогресса. Это – уже не «Слон», «Машка» и «Проворный» на Царскосельской железной дороге, а «Генерал», паровоз ПЗ6, имевший величавый и статный вид [8, с. 2]. Между тем, стиль и композиция паровоза значительно отличаются от присоединенных вагонов. Новое формообразование вагонов отрицает «каретный стиль». Их появлению общество обязано американскому бизнесмену Джоржу Пульману, который предложил новый уровень комфорта для пассажиров. В его вагоне были предусмотрены все новшества своего времени: вентиляция, освещение, отопление, туалетные комнаты, спальные места в купе, вагонный коридор, соединенный эластичным проходом между вагонами. Кроме того, Д. Пульман предложил ввести в состав отдельный вагон для питания – вагон-ресторан. Такой вагон стал функционировать на российских железных дорогах с 1896 г. Важно, что в интерьере вагона появляется открытое пространство салона коридорного типа, заменившее изолированные купе. Убранство вагонов подчиняется предпочтениям высшего общества и повторяет модели организации пространства частных домов и ресторанов. В вагонах появляются колонны, пилястры, резьба по дереву, используются элементы различных архитектурных стилей от эклектики до модерна.

В России первые комфортные пассажирские вагоны, оснащенные системой отопления, строятся на Александровском вагонном заводе в Санкт-Петербурге, чего не было в Европе. С 1860-х гг. все пассажирские вагоны начали оборудовать печами сухого отопления (дрова, древесный уголь, торф). Печь ставили в середине вагона, на лето печь убирали. К концу 1870-х гг. появляется паровое и воздушное отопление, введенное на основе предложений инженеров А. Леонова и И. Рерберга. Борьбу за комфортную температуру начали с перепланирования иностранных вагонов. Были заделаны боковые двери, устроены продольные коридоры, что сохраняло тепло и предотвращало случайное выпадение пассажиров. На Ковровском вагоностроительном заводе был построен первый отапливаемый пассажирский вагон, рассчитанный на дальние поездки. Через год эти вагоны вошли в серийное производство и были отмечены на Промышленно-художественной выставке 1882 г. в Санкт-Петербурге, получив право маркироваться гербом России [4, с. 2]. Комфорт русских вагонов отмечал в своем дневнике известный французский литератор Теофиль Готье (1811–1872) во время путешествия из Петербурга в Москву. Он писал, что после декабрьской зимней ночи в Бологом, ужасного русского мороза, вернувшись в вагон, ощутил мягкую атмосферу тепла. Это было одним из самых приятных удовольствий его жизни когда, забравшись в уголок своего мягкого кресла в купе, он проспал до рассвета с особым чувством успокоения, которое испытывает человек, получивший приют в суровую погоду. Если бы не толчки вагона, он мог бы подумать, что находится в себя в комнате [3, с. 150].

В 1877 г. в пассажирские вагоны пришло газовое освещение, а электричеством вагоны осветили через десять лет. Это был настоящий прорыв в комфорте пассажиров, так как кроме вышеуказанных элементов сервиса для пассажиров в вагонах появились спальные полки. С этого времени, по настоянию Павла Петровича Мельникова, все поезда, находившиеся в пути более двенадцати часов, были сделаны спальными, но разных классов. Купейными, в современном понимании, были спальные места первого и второго классов. В этих вагонах появились двери, перегородки, мягкие диваны, столы с лампами. В них даже подавался чай и можно было заказать еду. В вагонах третьего класса вместо дверей были ширмы, отделявшие спальные места. Конечно, классовое деление общества того времени было несправедливо, но стоит заметить, что впервые в истории, несмотря на сословную реальность, пассажиры третьего и четвертого класса могли занимать спальные места [1, с. 321].

С 1879 г. пассажирские вагоны на железных дорогах России стали разноцветными. Их стали красить в разные цвета. Вагоны первого класса – в синий цвет, вагоны второго класса – в желтый, третьего класса – в зеленый, а четвертого – в серый или коричневый цвет. В 1910 г. в стихотворении «На железной дороге» Александр Блок отмечал эту ситуацию:

«...Вагоны шли привычной линией. Подрагивали и скрипели
Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...».

И.А. Бунин отмечал, что поезда того времени смотрелись торжественно, красиво и «занятно». Железная дорога становилась средоточием народной жизни. Хотя в вагонах третьего класса было тесно, спали вповалку, но здесь размещались все сословия. Статистика свидетельствовала, что в 1896 г. из 50,5 млн. человек первым классом было перевезено 700 тыс., вторым

классом – 5 млн., третьим классом – 42,5 млн. человек [6, с. 38]. Таким образом, в третьем классе путешествовало более трех четвертей всех пассажиров Российской империи. Л.Н. Толстой в письме от 28 октября 1910 года из Козельска писал: «... Пришлось от Горбачева ехать в третьем классе. Было неудобно, но очень душевно и поучительно».

Воплощением железнодорожного комфорта стал Сибирский экспресс «Петербург – Иркутск». В этом поезде были вагоны только первого и второго класса. Они были оборудованы водяным отоплением, электроосвещением. В каждом вагоне было свое генераторное электропитание. Имелся вагон-ресторан как символ изысканного сервиса. В поездах данного типа можно было заказать горячую ванну, позаниматься спортом. Каждые три дня менялось постельное белье. Можно было посидеть в гостиной, помузицировать на пианино и даже позаниматься фитнесом в отдельном помещении. В купе подавался чай, принимались заказы по меню из ресторана. Интерьеры купе были самые замечательные и благородные и выполнены в сине-зеленых тонах [1, с. 221]. Этот экспресс – прообраз пророчества П.П. Мельникова о всеобщей востребованности железных дорог, которые стали не только инженерными сооружениями, но и особым образом жизни для всего населения России.

Список литературы

1. Вульфов А.Б. Повседневная жизнь Российских железных дорог / А.Б. Вульфов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 453 с. EDN QSGALX
2. Развитие систем транспортных сооружений и узлов в крупнейших и крупных городах / Г.Е. Голубев, Ю.А. Федутин, З.В. Азаренкова [и др.] // Архитектура. Районная планировка. Градостроительство. – Вып. 7. – М.: Стройиздат, 1985. – 48 с.
3. Готье Т. Путешествие в Россию / Т. Готье. – М.: Мысль, 1988. – 400 с.
4. Макрицына И. От аскетизма до роскоши / И. Макрицына // Гудок. – 2012.
5. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1936–1917 гг. – М.: Иван Федоров, 1994. – 336 с.
6. Памятная книжка главного общества российских железных дорог на 1859 год. – СПб.: Типография Безобразова, 1859. – 138 с.
7. Рерберг И.Ф. История эксплуатации Московско-Нижегородской железной дороги за первые 25 лет / И.Ф. Рерберг. – М.: Типография И.Н. Кушнерева, 1887. – 280 с.
8. «Слон» и «Машка» // Гудок. – 2008.
9. Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам / В.В. Шульгин. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 95 с.

Раскин Давид Иосифович

д-р ист. наук, профессор

Институт истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
г. Санкт-Петербург

ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ МИНИСТЕРСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: в статье рассматривается проблема истории изменения структуры министерств и главных управлений Российской империи пореформенного периода, являющихся отступлением от типового состава министерств, установившегося в результате министерской реформы 1802–1811 гг. Этот типовой состав предусматривал деление министерств на департаменты, департаментов на отделения, отделений на столы. Изменения в структуре министерств и главных управлений рассматриваются как попытки модернизации министерской системы управления, происходившие в контексте социально-экономических и политических реформ 2-й половины XIX – начала XX в. Актуальность и новизна темы обусловлена необходимостью учета новых аспектов истории государственных учреждений Российской империи как части истории модернизации дореволюционной России.

Ключевые слова: Российская империя, министерская система управления, модернизация, реформы, департаменты, отделы, главные управления.

Введение.

Министерская система была основой управления Российской империей на протяжении более столетия. Создание в 1802–1811 гг. министерств и подчинённых им ведомств стало важнейшим шагом на пути модернизации управления империей. В целом министерская система отличалась большой стабильностью: если первоначально было создано 8 министерств, то в начале XX в. существовало уже 12 министерств и главных управлений.

«Общее учреждение министерств» 1811 г., несмотря на отдельные частные изменения, продолжало оставаться основным законодательным актом, определявшим деятельность министерств, вплоть до 1917 г. [6, с. 10]. История создания и преобразования отдельных министерств хорошо изучена. Гораздо менее изучена история преобразований внутренней структуры министерств и отклонений от стандартной структуры (по «Общему учреждению министерств») при образовании и преобразовании министерств и главных управлений.

Отдельные преобразования рассматриваются в рамках истории конкретных министерств. Общее замечание относительно характера этих преобразований высказал в своё время Н.П. Ерошкин [7, с. 206–207].

Преобразования структурных частей министерств и главных управлений носили не только формально-бюрократический характер, но и

отражали эволюцию министерской системы управления в ходе социально-экономических и политических реформ в Российской империи.

История преобразований типовой структуры министерств рассматривается в данной статье в контексте попыток модернизации министерской системы управления в пореформенной России.

Основные результаты.

Стандартная структура министерств по «Общему учреждению» 1811 г. предусматривала деление министерства на департаменты, департаментов – на отделения, а последних – на столы. Кроме того, эта структура включала канцелярию и совет министра, а в ряде случаев – ученый комитет. Постепенно она распространилась на все министерства и главные управления, а также на Государственный контроль. Некоторые отступления от типовой структуры, например существование в Министерстве финансов Общей канцелярии, Особенной канцелярии по кредитной части (с 1824 г.) и Особенной канцелярии по секретной части (1831–1852 гг.) [1, с. 117–119, 133–139, 140], были скорее исключением, подтверждающим правило.

Более существенные изменения происходят в пореформенное время.

В МВД 27 июля 1861 г. для поземельного устройства и руководства общественным управлением крестьянством создан Земский отдел. В отличие от стандартного департамента, он состоял из делопроизводств, состав и функции которых изменялись по мере необходимости. Если первоначально в Земском отделе было 4 делопроизводства, то к 1890 г. их число возросло до 11. Кроме того, в 1893 г. в отделе создана Сельскохозяйственно-продовольственная часть (существовала до 1905 г.) [1, с. 45–46]. Отдел возглавлял начальник.

6 апреля 1865 г. для управления цензурой (переданной в МВД из Министерства народного просвещения в 1863 г.) учреждено Главное управление по делам печати. Первоначально распределением занятий между чиновниками этого главного управления ведал непосредственно начальник, а в 1905 г. в его составе созданы 5 отделений, а в 1906 г. – также Осведомительное бюро (с 1915 г. – Бюро печати) [1, с. 50–51].

В 1884 г. управление почтами и телеграфами окончательно (после долгой истории перемещений – то в составе МВД, то в ведении Министерства духовных дел и народного просвещения, то в качестве самостоятельного департамента, то – дважды – в виде отдельного министерства) вошло в состав МВД в виде Главного управления почт и телеграфов. Это главное управление состояло из отделений и возглавлялось начальником [1, с. 19–21].

2 декабря 1896 г. в составе МВД образовано Переселенческое управление, в 1905 г. переданное в Главное управление землеустройства и земледелия. Оно также возглавлялось начальником и состояло из делопроизводств [1, с. 55; 2, с. 91–93].

23 марта 1904 г. Хозяйственный департамент МВД преобразован в Главное управление по делам местного хозяйства. Оно включало канцелярию и 5 отделов (вместо 7 отделений бывшего департамента) и возглавлялось начальником [1, с. 29–32, 60–61]. При Главном управлении по делам местного хозяйства создан Совет по делам местного хозяйства с участием представителей местных органов самоуправления, призванный в известной мере заменить (а точнее – имитировать) народное представительство [9, с. 49–50; 5, с. 151–152].

Одновременно Медицинский департамент преобразован в Управление главного врачебного инспектора. Статуса главного управления бывший департамент не получил. Управление делилось на делопроизводства [1, с. 61–62].

В Министерстве финансов преобразования центрального аппарата, вызванные реформами 1860-х гг., выразились в переименованиях и слияниях некоторых департаментов, не посягавших на типовое устройство министерства. Создание в 1861 г. Главного выкупного учреждения, делившегося на отделения и возглавлявшегося председателем [2, с. 143], не влияло на общую картину. Традиционным было устройство нового Департамента железнодорожных дел (1889 г.) [1, с. 157–159]. Но 5 июня 1896 г. Департамент неокладных сборов преобразован в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, состоявшее из канцелярии и двух отделов [1, с. 163].

Более радикальный отход от типовой структуры произошёл в ходе реформы управления промышленностью и торговлей.

В течение 2-й пол. XIX в. неоднократно поднимался вопрос о создании отдельного министерства, заведующего торговлей и промышленностью. Против проектов создания такого министерства категорически возражали все министры финансов – от М.Х. Рейтерна до С.Ю. Витте [16, с. 52–57]. 5 июня 1900 г. в качестве альтернативы отдельному министерству в составе Министерства финансов созданы (на базе упразднённого Департамента торговли и мануфактур) Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности во главе с особым товарищем министра финансов. В их состав вошли вновь созданные Отдел промышленности, Отдел торговли, Учебный отдел и Отдел торгового мореплавания, а также Канцелярия при товарище министра финансов, заведующем делами торговли и промышленности [1, с. 151, 166–167].

7 ноября 1902 г. создано (в интересах и по инициативе вел. кн. Александра Михайловича [8, с. 605–607]) Главное управление торгового мореплавания и портов, искусственно выделенное из существующей системы центральных учреждений. Оно включало (кроме канцелярии главноуправляющего, советов главноуправляющего по делам торгового мореплавания, технического и Комитета по портовым делам) Отдел торгового мореплавания (переданный из Центральных учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности), Отдел торговых портов и Учебный комитет [1, с. 195–197]. Структура нового главного управления заметно отличалась от типовой структуры министерств и главных управлений.

И, наконец, 27 октября 1905 г. образовано Министерство промышленности и торговли [4, с. 161–169; 16, с. 52–57], включившее соответствующие подразделения упразднённых Центральных учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности и Главного управления торгового мореплавания и портов. Оно состояло из центральных административных органов (отделов) и совещательных учреждений (советов и комитетов) [1, с. 174–192]. Таким образом, организация нового министерства с самого начала порывала с традицией «Общего учреждения министерств».

Главное управление путей сообщения и публичных зданий организовано по типу министерств (от которых не отличалось по статусу) и состояло главным образом из департаментов, состав которых неоднократно менялся [2, с. 8–9]. 15 июня 1865 г. оно преобразовано в Министерство путей сообщения. Начиная с 1870 г., структура министерства претерпела несколько реформ. В результате к 1917 г. в составе МПС не осталось ни одного департамента. Структура министерства включала (кроме типовых

канцелярии и совета министра) управления, отделы, инспекции, советы и комитеты [2, с. 9–11].

Министерство государственных имуществ (с 21 марта 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ, с 6 мая 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия, с 26 октября 1915 г. – Министерство земледелия), учреждённое 26 декабря 1837 г., организовано в соответствии с «Общим учреждением министерств» и состояло из канцелярии и совета министра, департаментов и Учёного комитета. Эта структура в основном сохранялась на протяжении всего существования министерства. Но 21 марта 1894 г. в его составе появились Отдел земельных улучшений и Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики, 24 марта 1903 г. – Гидротехнический комитет. 6 мая 1905 г. в его состав перешло из МВД Переселенческое управление, 4 марта 1906 г. (в связи со столыпинской реформой) образован Комитет по землеустроительным делам, 18 июня 1914 г. учреждён Отдел сельского строительства [2, с. 70–97].

Но традиционная департаментская структура была достаточно живой. В 1910–1916 гг. была предпринята попытка создания нового центрального учреждения – Главного управления государственного здравоохранения. Соответствующий законопроект был утвержден Николаем II в порядке 87 статьи Основных государственных законов, но отвергнут Государственной думой [14, с. 151–154]. Проект учреждения Главного управления Государственного здравоохранения предусматривал создание в его структуре Врачебного и Санитарного департаментов, Учебного отдела и Отдела лечебных местностей, а также (в полном соответствии с типовой структурой министерств) совещательных Главного санитарного и Медицинского советов и Совета главноуправляющего [10, с. 605].

Не обошли попытки модернизации центральных учреждений и военное ведомство.

В 1812 г. Военное министерство было преобразовано в соответствии с «Общим учреждением министерств». Но 28 декабря 1862 г. путем слияния штабов генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора по инженерной части с Артиллерийским и Инженерным департаментами в составе министерства были образованы Главное артиллерийское и Главное инженерное управления [15, с. 456; 3, с. 101–109]. 11 июля 1864 г. вместо Комиссариатского и Провиантского департаментов создано Главное интендантское управление [15, с. 118–119]. 16 октября 1863 г. Департамент Генерального штаба с состоящим при нем Военно-топографическим депо преобразован в Главное управление Генерального штаба, 31 декабря 1865 г. объединенное с Инспекторским департаментом в Главный штаб [3, с. 116–118]. 29 марта Медицинский департамент Военного министерства был преобразован в Главное военно-медицинское управление [3, с. 59–60, 132–133]. В тот же день Аудиториатский департамент сменило Главное военно-судное управление [3, с. 53–56, 151–152]. Таким образом, департаментская структура в Военном министерстве была полностью упразднена и заменена системой главных управлений.

Менее радикально такого рода изменения были осуществлены в Морском министерстве. Но постепенно и там место департаментов заняли главные управления и просто управления [3, с. 197–202; 12, с. 141].

Обсуждение.

Департаменты заведывали каждой конкретной частью управления – полицией (Департамент полиции исполнительной МВД), местным хозяйством (Хозяйственный департамент МВД), налогами и сборами

(Департамент разных податей и сборов Министерства финансов) и т. д. Эта специализация существовала и для номерных департаментов (например, 1-й департамент Министерства государственных имуществ управлял государственными крестьянами, состоявшими на оброчном положении, а 2-й – государственными крестьянами Прибалтийских, Западных и Юго-Западных губерний). Деление департаментов на отделения, а последних – на столы было законодательно закреплено в учреждениях и штатах соответствующих министерств. Изменения в их составе также решались в законодательном порядке. Все это придавало производству дел в департаментах систематический характер, но делало процесс рассмотрения дел довольно медленным. Считалось, что департаменты играют чисто исполнительную роль. Например, в проекте Н.П. Игнатьева (1881 г.) о создании министерства, ведающего промышленностью, торговлей и сельским хозяйством, специально оговаривалось, что департаменты этого министерства должны быть организованы не по образцу административных учреждений, которым поручается «лишь применение законов». Их делопроизводствам вменялось в «непременную обязанность следить за научной разработкой вопросов... и по собственному почину выступать с предложениями относительно развития или улучшения полезных либо предупреждения или устранения вредных явлений и влияний в области народного хозяйства» [16, с. 52–57]. Утверждение Н.П. Игнатьева не совсем соответствовало действительности. В ряде случаев департаменты занимались разработкой различных проектов, связанной с вполне научным изучением вопроса. Например, в Хозяйственном департаменте МВД под руководством Н.А. Милютина был подготовлен проект реформы городского управления в С.-Петербурге и Москве (1846 г.), которому предшествовала основательная научная разработка [11, с. 52–56]. Но в пореформенное время среди государственных деятелей было довольно распространено мнение Н.П. Игнатьева.

Отделы были более гибкой и более упрощенной формой организации центрального управления определенной областью.

Степень власти начальника отдела превышала власть директора департамента. В отделах отсутствовал элемент коллегиальности, предусмотренный «Общим учреждением министерств», – общее присутствие департамента, что способствовало ускорению рассмотрения дел. Состав входящих в отдел делопроизводств часто мог меняться решением министра, что также придавало этой управленческой структуре большую гибкость.

Управления приближались по своей организации к отделам. Они также состояли чаще всего из делопроизводств. Преобразование департаментов в управления в ряде случаев объяснялось тем, что они «по небольшому своему составу не соответствовали званию департаментов» [12, с. 141]. Иногда такое преобразование было обусловлено сокращением штатов соответствующего департамента. Например, преобразование Медицинского департамента МВД было связано с существенным сокращением его штатной численности [13, с. 359], что, очевидно, должно было компенсировать значительное увеличение штатов в результате преобразования Хозяйственного департамента МВД в Главное управление по делам местного хозяйства и образования аппарата Совета по делам местного хозяйства при нем.

Главные управления в составе министерств, совпадающие по наименованию с главными управлениями на правах министерств, заведывали самостоятельной отраслью управления, как правило, в составе многофункциональных министерств. Таковы были, например, Главное

управление по делам печати и Главное управление почт и телеграфов в составе МВД. Начальники главных управлений пользовались большей долей самостоятельности по сравнению с директорами департаментов. Их власть была более единоличной. В главных управлениях отсутствовали элементы коллегиальности, существовавшие в департаментах. Главные управления чаще всего состояли из отделений.

Создание главных управлений взамен департаментов было обусловлено также стремлением министров освободить себя от решения текущих дел. В.К. Плеве в бытность министром внутренних дел планировал «преобразование большинства департаментов МВД при одновременном их объединении в несколько главных управлений». Плеве предполагал «предоставить начальникам главных управлений право не только самостоятельного сношения с начальниками других ведомств, но и внесение законопроектов в Государственный совет и защиты их там от своего имени». Исходил при этом Плеве из того неоспоримого положения, что фактически все равно все подобные дела решались директорами департаментов, а красовавшаяся по соответствующим сношениям и представлениям подпись министра ставилась им без чтения их [5, с. 157]. Осуществить этот проект Плеве не успел, да и не факт, что ему удалось бы осуществить планируемую реформу.

Создание нетиповых (не предусмотренных «Общим учреждением министерств») структур в составе министерств было связано с проведением общих или частных социально-экономических или политических реформ или, по крайней мере, с реформами управления в том или ином ведомстве.

Так, создание Земского отдела МВД было связано с проведением Крестьянской реформы, Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов – с питейной реформой, главных управлений Военного министерства – с военно-окружной реформой [15, с. 452–459], Главного управления по делам местного хозяйства МВД – с попыткой реформы местного управления. Образование Центральные учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности было альтернативой объективно назревшей реформе управления бурно развивавшейся промышленностью и торговлей. Преобразования структуры Министерства путей сообщения были обусловлены изменениями предмета управления – все возрастающим значением железных дорог в системе путей сообщения. С эволюцией Министерства государственных имуществ от органа управления главным образом государственными крестьянами к сельскохозяйственному ведомству, на которое в дальнейшем было возложено и практическое проведение столыпинской реформы, связаны и изменения в структуре этого органа центрального управления.

Общим фоном многих преобразований структуры министерств и главных управлений было регулярно возникавшее стремление правительства к децентрализации. Сверхцентрализация управления была постоянным и неискоренимым недостатком системы отраслевого управления в Российской империи.

Трудно судить о степени эффективности всех этих структурных преобразований. Но можно констатировать, что, как правило, они были связаны с объективными потребностями системы управления Российской империи. В ряде случаев (структурные преобразования в Министерстве финансов, Военном министерстве) успех этих преобразований неоспорим. Но зависело это в немалой степени от личности соответствующих министров (С.Ю. Витте, Д.А. Милютин).

Заключение.

Министерская реформа 1802–1811 гг. была крупным шагом по пути модернизации управления Российской империей. Такая модернизация была общим явлением во всех европейских государствах Нового времени, начиная с Франции и кончая скандинавскими странами. Не случайно почти одновременно с Россией министерская система была введена в Пруссии. Российская министерская реформа была одной из самых последовательных и систематических. Для начала XIX в. она означала несомненный прогресс в управлении империей. Проявившаяся к пореформенному времени архаичность российской министерской системы была обусловлена не столько самой системой министерств, сколько сохранением самодержавия и неизбежно связанной с ним сверхцентрализацией при одновременном отсутствии единства правительства (т. е. с отсутствием полноценного кабинета министров). Но эта архаичность не могла быть изжита эволюционным путем. Только революция 1905 г. положила начало превращению абсолютистской монархии в дуалистическую.

Но общим свойством государственного реформаторства и в начале XIX в., и в пореформенное время было стремление решить проблемы модернизации за счет усовершенствования управления. В этом смысле все реформы центрального и местного управления можно рассматривать как попытки модернизации империи в целом. И здесь немаловажную роль играли реформы структуры органов центрального управления.

Разработанное М.М. Сперанским «Общее учреждение министерств» было шедевром, если не государственной, то, по крайней мере, бюрократической мысли. Но именно систематичность и универсальность созданной Сперанским организации министерств предопределили неподвижность этой организации, отсутствие гибкости. Новые реалии реформ 1860-х гг. и пореформенного времени породили попытки модернизации внутреннего устройства министерств и главных управлений. Эти попытки выразились в замене классических департаментов на управленческие структуры нового типа и создании новых структурных подразделений органов центрального управления, не предусмотренных «Общим учреждением министерств».

Список литературы

1. Высшие и центральные государственные учреждения России, 2001 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 2. Центральные государственные учреждения. – СПб.: Наука, 2001. – 260 с.
2. Высшие и центральные государственные учреждения России, 2001 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 3. Центральные государственные учреждения. – СПб.: Наука, 2002. – 228 с.
3. Высшие и центральные государственные учреждения России, 2001 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. – СПб.: Наука, 2004. – 314 с.
4. Горфейн Г.М. Из истории образования Министерства торговли и промышленности / Г.М. Горфейн // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX – начала XX в. – М., 1964. – С. 161–169
5. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В.И. Гурко. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 810 с.
6. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века) / Н.П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 252 с.

7. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
8. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 1053 с.
9. Кризис самодержавия в России. 1905–1917. – Л.: Наука, 1984. – 664 с.
10. Министерская система в Российской империи. К 200-летию министерств в России. – М.: РОССПЭН, 2007. – 920 с.
11. Морозова Е.Н. Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления) / Е.Н. Морозова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2019. – 208 с.
12. Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования: (1802–1902 гг.) / С.Ф. Огородников. – СПб.: Тип. Морского министерства при Главном Адмиралтействе, 1902. – 263 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание (ЗПСЗ). Т. 24, ч. 2. Штаты и табели. – СПб., 1907. – 979 с.
14. Раскин Д.И. Несостоявшаяся реформа управления здравоохранением в России / Д.И. Раскин // Вопросы истории. – 2006. – №4. – С. 149–154. EDN HTIAMD
15. Столетие военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России / гл. ред. Д.А. Скалон, сост. Н.А. Данилов. – СПб.: Тип. П.О. Пантелеева, 1902. – 680 с.
16. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: проблема торгово-промышленной политики / Л.Е. Шепелев. – Л.: Наука, 1981. – 275 с.

Сафин Вадим Ринадович

аспирант

Научный руководитель

Суетин Илья Николаевич

канд. пед. наук, д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

г. Ульяновск, Ульяновская область

УЛЬЯНОВСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ЗАВОД: ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье представлены ключевые этапы становления и функционирования автомобильного завода в г. Ульяновске, трудовые достижения коллектива данного предприятия. В работе конкретизировано значение Ульяновского автомобильного завода для производства продукции военного назначения РСФСР, грузовых и легковых автомобилей в 1941 – начале 1990-х годов.

Ключевые слова: автомобилестроение, Ульяновский автомобильный завод, автомобильное производство, продукция военного назначения.

Ульяновский автомобильный завод (УАЗ) сыграл значительную роль в развитии автомобильной промышленности в РСФСР. Он являлся одним из первых предприятий в стране по сборке продукции военного назначения, грузовых и легковых автомобилей.

Цель настоящего исследования состоит в конкретизации значения Ульяновского автомобильного завода для развития отечественного автомобилестроительного производства в 1941 – начале 1990-х годов.

Ульяновский автомобильный завод (УАЗ) начал свою работу в июле 1941 года. В условиях Великой Отечественной войны на основе Государственного Комитета Оборонной Советского союза было решено открыть сборочное производство ЗИС (Завод Имени Сталина) в пределах г. Ульяновска. В конце 1941 года треть сотрудников Московского автомобильного завода (МАЗ) была направлена в этот областной центр совместно с техническим оборудованием [6]. В начале 1942 года Ульяновский филиал №4 ЗИС (УльЗИС) впервые начал выпуск военных боеприпасов. Основная задача завода заключалась в производстве стратегической техники, что являлось критически важным для фронта [5].

Дальнейшее развитие УАЗа было связано с получением заводом статуса главного предприятия по производству автомобилей ЗИС-5В. В 1942 году было положено начало стеновой сборке автомобилей, которые впоследствии направлялись на фронт. К маю этого года впервые были выпущены пять автомобилей данной марки. Впоследствии возросли темпы роста сборки автомобилей (в сутки сотрудники собирали до 30 автомобилей). К осени 1942 года завод начал выпуск стационарных малолитражных двигателей мощностью 3 лошадиных силы (Л-3/2) [5].

В 1943 году впервые был собран образец четырехтонного грузовика УльЗИС-НАТИ 253, который представлял собой дизельный грузовой автомобиль объемом двигателя 3,5 литра и мощностью 80 лошадиных сил. Руководством предприятия планировалось к окончанию Великой Отечественной войны выйти на массовое изготовление дизельного УльЗИСа-НАТИ 253, отличающегося высокой экономичностью. В 1944 году выпуск грузовых автомобилей ЗИС-5В был передан на Урал, а УльЗИСу была поставлена задача организовать выпуск грузовых автомобилей ГАЗ-АА [4].

После окончания Великой Отечественной войны завод начал сборку грузовых автомобилей ГАЗ-ММ и ГАЗ-АА, которые в простонародье получили название «полуторка» и представляли собой машину грузоподъемностью 1,5 тонны, имеющую мощный двигатель (50 лошадиных сил), усиленную подвеску, карданный вал и современное рулевое управление. Завод не прекращал производство данных машин до 1951 года, до передачи изделия в отрасль радиопромышленности [5].

С 1947 по 1949 год конструкторы УльЗИСа начали работу над образцом УАЗа-300, первые эскизы этого автомобиля были разработаны на базе ГАЗа-51 и «Победы». Грузовой автомобиль УАЗ-300 был продемонстрирован в 1949 году на демонстрации, посвященной годовщине Октябрьской революции. В 1950 году данная модель успешно прошла испытания, но в производство грузовик не был запущен [2].

В 1954 году на базе УльЗИСа был создан главный конструкторский отдел, которому было передано производство внедорожников ГАЗ-69 и ГАЗ-69А с Горьковского автомобильного завода [1]. Приказом Министерства машиностроения СССР от 1956 года на ульяновское предприятие легла ответственная задача – вдохнуть новую жизнь в прославленные горьковские внедорожники и освоить производство прицепов к ним. В этом же году завод УльЗИС был переименован в Ульяновский автомобильный завод имени И.В. Сталина (УАЗ). С этого момента предприятие стало окончательно специализироваться на выпуске автомобилей повышенной проходимости [3]. С 1959 года внедорожники ГАЗ-69 под ульяновской сборкой, которые славились своей простотой и надежностью, начали экспортироваться в разные страны мира.

Начало 1961 года ознаменовался судьбоносным решением о запуске в производство новых моделей. В этот период с конвейера сошли первые серийные образцы грузовика с бортовой платформой УАЗ-451Д и фургона УАЗ-451. К 1965 году предприятие выпустило 250-тысячный ГАЗ-69. Параллельно велась работа над созданием новой модели автомобиля – УАЗ-469. Во второй половине 1966 года завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени. С конца 1971 года заседание технического совета предприятия приняло решение о переводе сборки с автомобилей ГАЗ-69 и ГАЗ-69А на автомобили УАЗ-469 и УАЗ-469Б. В 1972 году успешно прошли испытания и впервые с конвейера сошла партия данных автомобилей [2].

В 1976 году УАЗ был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени, а годом позже государственным Знаком Качества удостоена продукция предприятия – фургон УАЗ-452. В 1983 году проектировщики завода получили награды за разработку автомобиля «Ягуар», который был предназначен для вооруженных сил пограничных служб [2].

Автомобили УАЗ в 1989 году прошли испытания в экспедиции «Великий Шелковый путь», где показали свою проходимость и скорость, не уступая прославленным немецким автомобилям [3]. А после распада СССР в 1992 году предприятие было переименовано в Акционерное общество «Ульяновский автомобильный завод» [4].

Таким образом, Ульяновский автомобильный завод внес значительный вклад в развитие автопромышленности в РСФСР. Предприятие, рожденное в годы Великой Отечественной войны, смогло не только обеспечить фронт необходимой техникой, но и заложить прочный фундамент для производства автомобилей повышенной проходимости. Ульяновская продукция завоевала уважение не только внутри страны, но и за ее пределами.

Список литературы

1. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность, 1932–2012 / А.А. Гордин. – Н. Новгород: Кварц, 2012. – 320 с. EDN QVHLGD
2. История УАЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uaz.ru/company/history> (дата обращения: 29.10.2025).
3. История Ульяновского автомобильного завода / К.И. Аликбеков, Е.Н. Антонов, Л.В. Анфимов [и др.]. – М.: Профиздат, 1988. – 148 с.
4. ОГБОУ Государственный архив Ульяновской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ogugaou.ru/guides> (дата обращения: 29.10.2025).
5. Пьянков С.А. Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина на Урал в воспоминаниях А.П. Чураева / С.А. Пьянков // Архив в социуме – социум в архиве: материалы второй региональной научно-практической конференции / ред. Н.А. Антипин. – Челябинск: Объединенный архив Челябинской области, 2019. – С. 227–234. EDN ZDNZKP
6. Суетин И.Н. Миграционные процессы в годы Великой Отечественной войны как фактор развития отечественного музыкального профессионального образования: положительное и отрицательное / И.Н. Суетин // Вестник Тверского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 212–216.

Симинченко Олег Игоревич

магистрант

ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

г. Москва

DOI 10.31483/r-151182

С.Н. ГЕРБЕЛЬ КАК ПОСРЕДНИК НА ПЕРЕГОВОРАХ П.Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ОСЕНЬЮ 1904 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос участия начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С.Н. Гербеля в переговорах П.Д. Святополк-Мирского с представителями либеральной общественности в октябре-ноябре 1904 г. В работе кратко характеризуется исторический контекст, содержание, состав участников и итоги закулисных встреч министра. Отдельное внимание уделяется биографии С.Н. Гербеля, указывается на наличие у него опыта как общественной, так и государственной деятельности. Автор оценивает вклад С.Н. Гербеля в подготовку и организацию неформальных переговоров главы МВД с его контрагентами. Реконструируется хронология посреднических действий С.Н. Гербеля, а также предпринимается попытка объяснить их логику и выявить связь с процессом формирования внутривластного кризиса осенью 1904 г.

Ключевые слова: Гербель, Святополк-Мирский, переговоры, посредник, Первая русская революция.

В этом году исполняется 120 лет с начала Первой русской революции. Драматические события 1905–1907 гг. открыли собой эпоху великих потрясений XX в., которые радикально изменили облик России. На наш взгляд, юбилейная дата даёт исследователям хороший повод вновь обратиться к трагическим событиям начала прошлого столетия и дать ответы на ранее неизученные вопросы. Как нам представляется, при рассмотрении любых революций крайне важно иметь чёткое представление об их истоках. В отношении Первой русской революции будет справедливо отметить, что значимую роль в её возникновении сыграли действия П.Д. Святополк-Мирского, министра внутренних дел в августе 1904 – январе 1905 гг. Провозглашение им 16 сентября 1904 г. нового курса «доверия» в отношении оппозиционной самодержавию общественности стало своеобразным спусковым крючком для активизации деструктивных процессов внутри империи. Восприняв декларативные намерения министра как начало кардинального пересмотра внутривластного курса, общественность резко активизировалась и решила на самостоятельные действия. В результате осенью 1904 г. в печати началось открытое обсуждение острых политических вопросов, а былой контроль над прессой быстро рассеивался. Проведение всероссийского земского съезда в Санкт-Петербурге в ноябре и банкетной кампании в ноябре-декабре 1904 г.

свидетельствовало о том, что власть потеряла политическую инициативу, а публичная политика утвердилась в явочном порядке.

Важную роль в развитии описанных внутриполитических событий сыграла серия личных неформальных переговоров П.Д. Святополк-Мирского с представителями либеральной общественности, в частности, с бывшим председателем Московской губернской земской управы Д.Н. Шиповым; уездным гласным Новоторжского уезда, одним из создателей «Союза Освобождения» И.И. Петрункевичем и председателем Тульской губернской земской управы Г.Е. Львовым. Все из перечисленных лиц были крупными представителями земского движения, внесших большой вклад в его организационное оформление. Встречи проходили в период с 25 октября по 2 ноября 1904 г. в кабинете главы МВД. В основном переговоры были посвящены рассмотрению ряда вопросов, касающихся созыва упомянутого ранее всероссийского земского съезда: времени и места его проведения, состава участников, а также круга обсуждаемых тем.

Несмотря на то, что данные переговоры неоднократно описывались в исследованиях, некоторые существенные аспекты этой темы до сих пор не были осязаны в работах историков [2, с. 15–23; 4, с. 52–56; 11, с. 278–285]. Одним из них является проблема участия С.Н. Гербеля в проведении неформальных встреч главы МВД с его контрагентами. На наш взгляд, рассмотрение данного вопроса необходимо при реконструкции хода переговоров, так как оно позволяет детализировать сложившийся образ неформальных контактов П.Д. Святополк-Мирского, верно расставить акценты при описании их хода и дать более обоснованные оценки их итогам.

Перед тем как непосредственно перейти к анализу участия С.Н. Гербеля в проведении переговоров, считаем важным познакомить читателей с краткой биографией этого человека [5, с. 52]. Сергей Николаевич Гербель (1858 – после 1919 г.) был дворянином немецкого происхождения, владел родовыми землями в Херсонской губернии площадью около 920 десятин. Он получил техническое образование в Кременчугском реальном училище, а затем военное – в Елисаветградском кавалерийском училище. Находясь в запасе армейской кавалерии, С.Н. Гербель вернулся в родную губернию, где стал активно заниматься земской деятельностью. В 1883 г. он был избран гласным Херсонского уездного земства, в 1892 г. стал председателем Херсонской уездной управы, а в 1900 г. уже возглавил Херсонскую губернскую управу. В 1880–1890-е гг. С.Н. Гербель совмещал земскую работу с исполнением обязанностей директора Херсонского попечительного о тюрьмах комитета, а затем Николаевского детского приюта. В 1902 г. его утвердили в должности харьковского вице-губернатора, а в 1903–1904 гг. он являлся и. о. харьковского губернатора. В 1904 г., по решению министра внутренних дел В.К. Плеве, С.Н. Гербель был назначен на пост начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД, который занимал до 1912 г. В воспоминаниях одного из высокопоставленных сотрудников министерства, В.И. Гурко, мы сможем найти объяснение причины повышения С.Н. Гербеля в должности. По словам мемуариста, решающую роль в назначении сыграло сочетание в биографии Сергея Николаевича опыта административной и общественной работы, что позволяло министру сделать его «постоянным посредником между ним и земскими кругами» [3, с. 228]. На наш взгляд, у нас есть основания доверять данному свидетельству, так как описанная нами биография С.Н. Гербеля вполне подтверждает логику

мысли В.И. Гурко. В таком случае необходимо признать, что воплощение вероятного замысла В.К. Плеве произошло при его преемнике на посту главы МВД, когда С.Н. Гербель активно участвовал в подготовке личных встреч П.Д. Святополк-Мирского с его контрагентами из земской среды.

Историю с вовлечением С.Н. Гербеля в неформальные контакты министра можно рассмотреть на разных уровнях детализации. При поверхностном знакомстве с данным сюжетом мы, конечно же, обращаем внимание на посреднические услуги, которые он оказывал обеим сторонам диалога. Речь идёт о таких важных аспектах выстраивания переговорного процесса, как приглашение контрагентов на личные встречи, а также согласование даты и времени их проведения. Справедливо будет отметить, что именно С.Н. Гербель положил начало выстраиванию контактов П.Д. Святополк-Мирского с земскими кругами, который первым из сотрудников МВД узнал о решении земцев созвать съезд и предложил им саму идею прямых переговоров [1, с. 212]. Первую попытку наладить взаимодействие сторон он предпринял 10 октября 1904 г., когда через председателя бюро земских съездов Ф.А. Головина передал Д.Н. Шипову письмо с приглашением приехать в Санкт-Петербург на переговоры с министром. После отрицательного ответа общественного деятеля С.Н. Гербель 13 октября прибыл в Москву, чтобы лично добиться его согласия [12, с. 243–244]. Успешно убедив Д.Н. Шипова в необходимости переговоров, Сергей Николаевич приступил к согласованию времени встречи. Об этом говорит содержание личного письма С.Н. Гербеля своему контрагенту от 15 октября. В нём начальник Главного управления уведомляет Д.Н. Шипова о нездоровье министра и невозможности проведения встречи в ближайшее время, а также берёт на себя обязательство сообщить о возобновлении приёмов П.Д. Святополк-Мирским [7, л. 2]. Справедливым будет отметить, что в планировании переговоров им допускались ошибки. Подобный случай произошёл 30 октября, когда П.Д. Святополк-Мирский не смог принять приехавшего в столицу Д.Н. Шипова из-за того, что С.Н. Гербель в качестве даты прибытия контрагента указывал 31 октября [8, л. 3].

Роль С.Н. Гербеля в выстраивании переговоров не ограничивалась исполнением технических функций посредника и организатора. На наш взгляд, начальник Главного управления параллельно вёл весьма непростую политическую игру, которая стала одним из факторов возникновения острого внутриполитического кризиса осенью 1904 г. Сложность в реконструкции действий и мотивов С.Н. Гербеля связана с тем, что интересующий нас сюжет получил отражение в весьма ограниченном круге источников. Иными словами, говорить о полном и безусловном раскрытии данной проблемы с нашей стороны было бы несколько самонадеянно, однако сама постановка подобной проблемы является вполне оправданной.

При анализе действий С.Н. Гербеля необходимо иметь представление о хронологии переговорного процесса. Как уже было сказано, вступление П.Д. Святополк-Мирского в должность министра активизировало деятельность либеральной общественности. В частности, уже 8 сентября состоялось собрание организационного бюро земских съездов, на котором было принято решение о созыве всероссийского съезда в Москве. Важно отметить, что программа будущего собрания на данном этапе была весьма умеренной и не включала в себя вопросы общеполитического характера [11, с. 277]. После произнесения новым главой МВД своей речи

16 сентября, в которой он выразил готовность выстраивать доверительные отношения с общественностью, и её публикации члены бюро приняли решение о пересмотре программы, добавив в неё вопрос «об общих условиях государственной жизни и желательных в ней изменениях» [12, с. 241–242]. Как нам уже известно, примерно 10 октября С.Н. Гербель встретился с Ф.А. Головиным в Петербурге, где передал ему приглашение Д.Н. Шипову для участия в переговорах с министром. В рамках личной встречи с общественным деятелем 13 октября в Москве сотрудник МВД получил его согласие. Тогда же произошёл ключевой момент в данной истории: С.Н. Гербель продемонстрировал собеседнику одобренную Николаем II докладную записку П.Д. Святополк-Мирского, в которой содержалась просьба разрешить съезд председателей губернских управ для обсуждения практических вопросов «земской жизни» [12, с. 243–244]. Выяснившаяся неосведомленность министра о намерении земцев обсуждать политические вопросы на уже формально разрешённом съезде стала главной проблемой будущих переговоров. Учитывая, что вопрос о согласии на проведение такого съезда находился вне компетенции как С.Н. Гербеля, так и П.Д. Святополк-Мирского первый должен был действовать в соответствии с пунктом 8 статьи 24 «Положения о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства», предписывающим начальнику управления передавать министру дела, «зависящие от непосредственного разрешения Государя Императора» [10]. Отсутствие возражений у представителя министерства по поводу планов земцев позволило Ф.А. Головину известить делегатов будущего съезда об официальном разрешении его созыва.

Несмотря на столь роковое стечение обстоятельств, у С.Н. Гербеля был шанс предотвратить куда большие проблемы, сообщив П.Д. Святополк-Мирскому о намерениях земских деятелей до его переговоров с Д.Н. Шиповым, которые состоялись 25 октября. Однако Сергей Николаевич, по всей видимости, этим шансом не воспользовался, хотя и запрашивал у Ф.А. Головина окончательно оформленный вариант программы и список делегатов по мере их готовности, о чём говорит содержание его письма к Д.Н. Шипову от 15 октября [7, л. 2–3]. Учитывая, что окончательная версия программы была готова 19 октября, то есть за 6 дней до встречи, у С.Н. Гербеля было достаточно времени для её получения и передаче министру [11, с. 281]. В результате П.Д. Святополк-Мирский ознакомился с программой только 25 октября, когда лично встретился с Д.Н. Шиповым. Озадаченность министра неожиданно для него возникшей проблемой чувствуется из описания переговоров в рукописных записках, составленных Д.Н. Шиповым вскоре после переговоров, и мемуарах, опубликованных им значительно позднее [6, л. 3–3 об.; 12, с. 248–249]. Глава МВД действительно попал в крайне сложное положение: запрет на проведение подобного съезда означал бы крах его министерского курса, а разрешение привело бы к мгновенной отставке. П.Д. Святополк-Мирский вынужденно выбрал третий вариант, а именно неофициальное разрешение съезда в форме частного совещания. На состоявшемся в период с 6 по 9 ноября земском съезде большинство его участников проголосовало за создание законодательного органа народного представительства [9, с. 144]. Посредством печати резолюция съезда стала достоянием широких слоёв населения, что обеспечило публичную постановку

вопроса о масштабной реформе политической системы. Содержание указа 12 декабря 1904 г. продемонстрировало неготовность власти удовлетворить адресованные ей требования общественности, что привело к эскалации кризиса и запустило деструктивные процессы внутри империи.

Описанный выше сюжет ставит перед исследователями сложную задачу объяснения логики действий С.Н. Гербеля, который, как мы могли убедиться, осознанно или нет внёс свой вклад в дестабилизацию ситуации в стране. Скорее всего, действия сотрудника МВД в значительной мере определял его опыт общественной деятельности. Сочувствуя земскому движению, С.Н. Гербель мог стремиться во что бы то ни стало обеспечить проведение переговоров Д.Н. Шипова и П.Д. Святополк-Мирского. В случае информирования министра о пересмотре земцами программы будущего съезда переговоры могли вовсе не состояться, что положило бы конец идее выстраивания доверительных отношений власти с общественностью. Осознавая подобный риск, С.Н. Гербель мог скрыть этот факт от главы МВД, чтобы обеспечить проведение встречи.

Конечно, рассмотренный материал не даёт нам возможность прийти к однозначным выводам, вынуждая нас оставаться в сфере наших собственных предположений и интерпретаций. Тем не менее, данный сюжет наглядно показывает, насколько важно уделять внимание порой мелким деталям при изучении масштабных политических катаклизмов. Точность объяснения процессов развития революционных кризисов часто зависит от изучения действий таких, казалось бы, непримечательных персонажей, каким был С.Н. Гербель.

Список литературы

1. Белоконский И.П. Земское движение / И.П. Белоконский. – 2-е изд. – М.: Задруга, 1914. – 397 с.
2. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция: монография / Р.Ш. Ганелин. – СПб.: Наука: Санкт-Петербургское отделение, 1991. – 221 с. EDN YXSXIJ
3. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В.И. Гурко. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 808 с.
4. Крылова Е.Н. Министерство внутренних дел и общественная инициатива накануне Первой русской революции: монография / Е.Н. Крылова. – СПб.: Медиа-папир, 2019. – 220 с. EDN YDHSLR
5. Куликов С.В. Гербель Сергей Николаевич / С.В. Куликов // Государственный совет Российской Империи, 1906–1917: энциклопедия; Ин-т общественной мысли, Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, Российский гос. ист. арх.; редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 52–53.
6. ОР РГБ. Ф. 440. Карт. 3. Ед. хр. 6. 6 л.
7. ОР РГБ. Ф. 440. Карт. 5. Ед. хр. 40. 3 л.
8. ОР РГБ. Ф. 440. Карт. 6. Ед. хр. 31. 4 л.
9. Первая революция в России: взгляд через столетие / А.П. Корелин; отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.
10. ПСЗ. Собр. 3. – Т. 24. – №24253.
11. Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика / К.Ф. Шацлло. – М.: Наука, 1985. – 347 с.
12. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д.Н. Шипов. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. – 592 с.

Симонова Ольга Юрьевна
соискатель, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-152075

РАЗВИТИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ФИЗКУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

***Аннотация:** в статье на материалах газеты «Комсомольская правда» исследуется трансформация комплекса ГТО в годы Великой Отечественной войны. Анализируется изменение пропагандистских задач комплекса: от массовой физкультурной подготовки в предвоенные годы к целенаправленной военно-прикладной подготовке населения. Рассматривается, как газета формировала образ физкультурника-значкиста ГТО как непосредственного участника обороны страны, освещала работу по сдаче норм в тылу и на фронте, а также как комплекс ГТО стал основой для ускоренной боевой подготовки. Делается вывод о ключевой роли ГТО в мобилизации и военно-физической подготовке советских граждан в экстремальных условиях войны.*

***Ключевые слова:** физическая культура, комплекс ГТО, Комсомольская правда, военная подготовка, комсомол, Великая Отечественная война, военно-физическая подготовка, молодежь, физкультурное движение.*

История развития Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в годы Великой Отечественной войны представляет собой особый этап в развитии советской системы физического воспитания. В условиях военного времени комплекс претерпел значительную трансформацию, эволюционировав из инструмента массовой физической подготовки в ключевой элемент системы военно-патриотического воспитания и подготовки мобилизационных резервов для действующей армии.

Великая Отечественная война стала серьёзным испытанием для всей социальной инфраструктуры СССР, включая сферу физической культуры. Начало военных действий кардинально изменило функциональный контекст комплекса ГТО: доминирующей стала его военно-прикладная составляющая, непосредственно связанная с задачами обороноспособности страны. Если в довоенный период, как подчёркивала газета «Комсомольская правда» в апреле 1941 г., физкультура рассматривалась как «жизненная потребность многомиллионных масс трудящихся» [1], то с началом боевых действий изначально заложенный в комплексе военный компонент приобрёл сугубо утилитарное значение.

Таким образом, анализ трансформации комплекса ГТО в 1941–1945 гг. представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет выявить механизмы адаптации социальных институтов к экстремальным

условиям. Несмотря на общую изученность роли физкультурного движения в годы войны, институциональные аспекты целенаправленной перестройки комплекса ГТО под нужды фронта исследованы недостаточно.

Важнейшим источником для решения данной исследовательской задачи является периодическая печать, выполнявшая в военные годы ключевую мобилизационную и информационную функцию [27, с. 231]. Среди центральных изданий особая роль принадлежит газете «Комсомольская правда», чья целевая аудитория – советская молодёжь – составляла основную социальную базу комплекса ГТО. Анализ материалов данной газеты за 1941–1945 гг. позволяет выявить специфику адаптации физкультурных программ к военным потребностям, оценить масштабы участия молодёжи в военизированных спортивных мероприятиях и определить роль комсомола как основного организатора этой работы.

С первых дней войны комплекс ГТО был переориентирован на подготовку мобилизационных резервов для Красной Армии. Важным шагом в этом процессе стало постановление Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта, опубликованное в № 151 газеты «Комсомольская правда» от 29 июня 1941 г. Документ обязывал физкультурные организации активно участвовать в занятиях по военной подготовке, организуемых Осоавиахимом (Обществом содействия обороне, авиационному и химическому строительству – массовой добровольной общественной военно-патриотической организацией, существовавшей в СССР в 1927–1948 годах). Согласно тексту постановления, физкультурники должны были участвовать в «военных и туристских походах, военно-тактических играх, занятиях и соревнованиях по плаванию и переправам вплавь, гимнастике, велосипеду, рукопашному бою, лёгкой атлетике и другим наиболее важным в оборонном отношении видам спорта (с одновременной сдачей норм комплекса ГТО)» [2]. Данная публикация обозначила курс на интеграцию физкультурного движения в систему военной подготовки.

К 1942 г. военизация комплекса ГТО приобрела тотальный характер: из инструмента общей физической подготовки он окончательно превратился в систему ускоренной военно-физической тренировки. Яркой иллюстрацией этого процесса стал «Всесоюзный день физкультурника-бойца», проведённый 19 июля 1942 г. Как сообщала «Комсомольская правда» накануне, планировалось проведение массовых военизированных мероприятий, включавших соревнования, походы, фабрично-заводские спартакиады, а также массовую сдачу норм на значок ГТО [4; 5].

Проведение Дня физкультурника-бойца полностью соответствовало этим установкам. «Война наложила отпечаток на характер и обстановку соревнований», – констатировала газета в итоговом репортаже. Многие физкультурники пришли на соревнование в военном обмундировании, с винтовками за плечами. Они участвовали в тактических военных занятиях, штурмовали полосу препятствий, обучались приёмам штыкового боя, метали гранаты [6]. Таким образом, нормы ГТО повсеместно сдавались в условиях, максимально приближённых к боевым: в обмундировании, с оружием, с преодолением водных преград и штурмом полосы препятствий.

Ключевым условием функционирования комплекса ГТО в военные годы стала планомерная работа по двум взаимосвязанным направлениям: созданию инструкторского корпуса и организации массовых мероприятий.

Первым направлением стала подготовка кадров. Уже в апреле 1942 г. была поставлена масштабная задача подготовить 77 тысяч инструкторов, 20 тысяч из которых непосредственно по комплексу ГТО [3]. Осенью того же года эта работа была продолжена в рамках массовых профсоюзно-комсомольских соревнований, целью которых было вовлечь «новые сотни тысяч трудящихся в военно-физическую подготовку и сдачу комплекса ГТО первой ступени» [7]. Приведенные цифры свидетельствуют о создании централизованной системы, обеспечивавшей преемственность и массовость военно-физической подготовки.

Вторым ключевым направлением стали массовые мероприятия. Важной формой мобилизации стали всесоюзные профсоюзно-комсомольские кроссы, выполнявшие как спортивные, так и идеологические функции. Анонсируя лыжный кросс в январе 1943 г., «Комсомольская правда» прямо заявляла, что он должен стать «подлинно массовым мероприятием», в котором примут участие «миллионы юношей и девушек», а «новые миллионы должны сдать нормы на значок ГТО» [8].

Подготовка к кроссу велась планомерно по всей стране. Так, например, публикации из различных районов Архангельской области демонстрируют комплексный подход, сочетавший сдачу норм ГТО с военной подготовкой. Так, в Емецком районе 780 человек готовились к кроссу, при этом 416 из них уже были значкистами ГТО, а 303 прошли обучение по программе «лыжник-боец». Аналогичная картина наблюдалась в Виноградовском и Ленском районах [9].

Итоги кросса, подведённые в конце февраля 1943 г., продемонстрировали его широкий размах. Лидерами по количеству участников стали Омская (свыше 250 тыс. чел.), Московская (около 230 тыс. чел.), Свердловская (219 тыс. чел.) и Кировская (150 тыс. чел.) области. Газета особо подчёркивала, что «большое количество участников кросса успешно сдавало нормы на значок ГТО по лыжам» [10]. С наступлением весны акцент сместился на летние виды спорта, о чём свидетельствует анонс всесоюзного летнего кросса 1 мая 1943 г., в рамках которого миллионы юношей и девушек должны были сдать нормы ГТО, продемонстрировав навыки в беге, метании гранаты и переползании по-пластунски [13].

Работа по организации массовых мероприятий продолжалась и в последующий период. Директивы ЦК ВЛКСМ, опубликованные в декабре 1943 и феврале 1944 гг., предписывали организовать массовую сдачу норм ГТО по лыжам во всех колхозах и ставили задачу сделать каждого комсомольца значкистом ГТО [15; 17].

Таким образом, целенаправленная подготовка инструкторских кадров в сочетании с проведением грандиозных по размаху массовых мероприятий преобразовали комплекс ГТО из системы оздоровления в мощный мобилизационный институт. Созданный организационный ресурс обеспечил преемственность, массовость и тиражирование единых стандартов военно-физической подготовки в масштабах всей страны, что позволило государству проводить единую политику по подготовке резервов для действующей армии и охватить практически все категории советской молодёжи.

Система комплекса ГТО целенаправленно внедрялась в образовательную среду, охватывая как средние школы, так и учреждения профессионального образования. Это позволяло вести планомерную военно-физическую подготовку молодёжи с раннего возраста.

Военно-спортивная работа в средних школах была поставлена на системную основу. В ноябре 1943 года «Комсомольская правда» сообщала о проведении в течение месяца масштабных соревнований школьников по программам «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) и ГТО. Учащиеся соревновались в прикладных дисциплинах: беге, прыжках, метании гранаты, лазании по канату, переползании и скоростных переходах. Соревнования были организованы по двухуровневому принципу (внутришкольный и городской тур), что свидетельствует о стремлении к максимальному охвату аудитории и выявлению лучших на всех уровнях [14].

В апреле 1944 года эта работа получила директивное закрепление. В газете была опубликована установка, согласно которой комсомольские организации школ должны были активно проводить массовые спортивные мероприятия и добиваться, «чтобы каждый комсомолец-учащийся сдал нормы на значок БГТО [19]. Аналогичный подход демонстрирует пример специализированной школы юнг, где по инициативе комсомольской организации были созданы спортивные секции, многие из которых сдали нормы на значок БГТО» [18].

Комплекс ГТО был неотъемлемой частью подготовки и в системе фабрично-заводского обучения (ФЗО). Ярким свидетельством этого является открытое письмо выпускников школы ФЗО № 1 г. Москвы, опубликованное в июне 1944 г. В числе своих обязательств молодые рабочие выделили пункт, прямо предписывающий «в течение лета 1944 г. закончить сдачу норм на значок ГТО» [20]. Этот факт указывает на то, что сдача норм ГТО воспринималась как гражданский долг, не менее важный, чем повышение квалификации и производственные обязательства.

Таким образом, комплекс ГТО стал стержнем военно-физического воспитания в различных типах образовательных учреждений СССР. Его внедрение носило планомерный и целенаправленный характер, поддерживаясь как системой соревнований, так и идеологическим давлением через комсомольские организации. Интеграция норм ГТО в жизнь школ и училищ обеспечивала преемственность в подготовке мобилизационного резерва, охватывая молодёжь на всех этапах взросления – от школьной скамьи до вступления в рабочий класс.

Важным направлением работы по комплексу ГТО стало его внедрение в сельскую местность, что позволяло охватить военно-физической подготовкой значительные массы молодёжи, не призванной в армию. К апрелю 1943 г., как сообщала «Комсомольская правда», в колхозах уже насчитывалось свыше 6,5 тысячи физкультурных коллективов, объединявших 212 тысячи юношей и девушек. Масштабы работы в отдельных регионах были впечатляющими: так, в одной лишь Горьковской области нормы ГТО сдали 20 тысяч человек, а 69 тысяч молодых колхозников овладели приёмами боевых действий на лыжах [11].

Эта деятельность носила планомерный и целенаправленный характер. В январе 1944 г. газета отмечала, что сельские комсомольские организации брали на себя конкретные обязательства, стремясь к тому, чтобы «не менее 80 процентов участников сдали нормы на значок ГТО», параллельно создавая новые физкультурные коллективы в колхозах [16]. Индивидуальная ответственность каждого комсомольца также была важной частью системы. Как следует из сообщения от 1 мая 1943 г., собрания обязывали их не только повышать производственную квалификацию, но и «овладеть одним

видом оружия и сдать летние нормы на значок ГТО» [12], что напрямую увязывало трудовой подвиг с военной готовностью.

Таким образом, работа по внедрению комплекса ГТО в колхозах характеризовалась стремлением к тотальному охвату сельской молодёжи и глубокой интеграцией военно-физической подготовки в повседневную жизнь. Создание тысяч физкультурных коллективов, постановка конкретных количественных задач и персональные обязательства комсомольцев свидетельствуют о том, что комплекс ГТО стал эффективным инструментом мобилизации человеческих ресурсов на селе, готовившим резервы для фронта и воспитывавшим физически закалённую, дисциплинированную молодёжь.

К концу войны в материалах газеты наряду с подведением итогов стала появляться и критика недостатков в работе физкультурных организаций. Публикации 1944 г. констатировали, что в ряде регионов физкультурная работа не достигла требуемого уровня массовости. Так, в сентябре 1944 г. председатель Комитета по делам физкультуры и спорта Украинской ССР отмечал, что при наличии 170 спортивных коллективов в Киеве нормы ГТО сдало не более 1000 человек, что свидетельствовало о недостаточной эффективности работы [22]. Аналогичная ситуация была зафиксирована в Вологде, где несмотря на участие 10 тысяч человек в летнем кроссе, нормы ГТО сдали «единицы» [21]. Эти критические материалы свидетельствуют о том, что партийное и комсомольское руководство было озабочено не только количественными показателями, но и реальным качеством и массовостью военно-физической подготовки.

В победном 1945 году комплекс ГТО окончательно закрепляется в качестве одного из официальных символов советского строя и предмета исторической гордости. В репортаже о праздничном оформлении Москвы 13 августа 1945 г. значок ГТО был изображён на щите рядом со значком ВЛКСМ, что помещало его в один ряд с ключевыми атрибутами государственной идеологии [25]. В юбилейной публикации от 24 мая 1945 г. газета напоминала о своей роли в учреждении значка ГТО в 1930 г., подчеркивая его массовость – «значки ГТО и БГТО на груди многих миллионов юношей и девушек» [24].

На фоне этой символической канонизации газета продолжала демонстрировать и позитивные практики. Пример комсомольской организации на стройке показывал органичное сочетание идеологической работы, трудового энтузиазма и массовой сдачи норм ГТО (680 значкистов) [23]. Итоговой точкой в освещении темы стала публикация от 10 октября 1945 года, где комплекс ГТО был охарактеризован как важнейшее достижение государства, приобщившее к физической культуре миллионы граждан [26].

Таким образом, в завершающий период войны и в первые послевоенные месяцы в освещении темы ГТО в «Комсомольской правде» наметились две ключевые тенденции. С одной стороны, наблюдалась откровенная критика локальных провалов и формализма, что свидетельствовало о стремлении власти повысить реальную, а не показную эффективность системы. С другой стороны, шёл активный процесс символической канонизации комплекса ГТО, его превращения в неотъемлемый атрибут победившего строя и предмет исторической гордости. Этот диалектический процесс – между критикой недостатков и мифологизацией успехов –

позволяет говорить о комплексном подходе к формированию исторической памяти о роли ГТО в военный период.

Таким образом, анализ материалов газеты «Комсомольской правды» за 1941–1945 гг. позволяет констатировать, что комплекс ГТО претерпел значительную эволюцию, полностью подчинившись логике военного времени. Из массового физкультурного движения он трансформировался в централизованную систему военно-физической подготовки, интегрированную в общегосударственную мобилизационную политику. Решая задачи идеологической консолидации молодёжи, её физической закалки и формирования мобилизационного резерва, комплекс ГТО выполнил двойную функцию: он стал не только инструментом физического воспитания, но и мощным механизмом политической мобилизации, формировавшим у молодёжи чувство патриотизма, коллективизма и готовности к защите Родины. Исторический опыт развития ГТО в годы Великой Отечественной войны представляет собой значимый пример эффективной интеграции физической культуры в систему обеспечения государственной безопасности.

Список литературы

1. Комсомольская правда. – 1941. – 19 апр. – №92(4878). – С. 2.
2. Комсомольская правда. – 1941. – 29 июня. – №151(4937). – С. 2.
3. Комсомольская правда. – 1942. – 16 апр. – №89(5184). – С. 4.
4. Комсомольская правда. – 1942. – 18 июля. – №167(5262). – С. 4.
5. Комсомольская правда. – 1942. – 19 июля. – №168(5263). – С. 4.
6. Комсомольская правда. – 1942. – 21 июля. – №169(5264). – С. 4.
7. Комсомольская правда. – 1942. – 11 сент. – №214(5309). – С. 4.
8. Комсомольская правда. – 1943. – 20 янв. – №16(5418). – С. 1.
9. Комсомольская правда. – 1943. – 7 февр. – №31(5433). – С. 2.
10. Комсомольская правда. – 1943. – 28 февр. – №49(5451). – С. 2.
11. Комсомольская правда. – 1943. – 15 апр. – №88(5490). – С. 4.
12. Комсомольская правда. – 1943. – 5 мая. – №104(5506). – С. 1.
13. Комсомольская правда. – 1943. – 22 мая. – №119(5521). – С. 1.
14. Комсомольская правда. – 1943. – 27 нояб. – №280(5682). – С. 4.
15. Комсомольская правда. – 1943. – 12 дек. – №293(5695). – С. 4.
16. Комсомольская правда. – 1944. – 18 янв. – №15(5726). – С. 2.
17. Комсомольская правда. – 1944. – 11 февр. – №35(5746). – С. 1.
18. Комсомольская правда. – 1944. – 1 апр. – №78(5789). – С. 4.
19. Комсомольская правда. – 1944. – 9 апр. – №85(5796). – С. 3.
20. Комсомольская правда. – 1944. – 13 июня. – №139(5850). – С. 2.
21. Комсомольская правда. – 1944. – 29 июля. – №179(5890). – С. 3.
22. Комсомольская правда. – 1944. – 2 сент. – №209(5920). – С. 1.
23. Комсомольская правда. – 1945. – 8 апр. – №83(6103). – С. 2.
24. Комсомольская правда. – 1945. – 24 мая. – №120(6140). – С. 2.
25. Комсомольская правда. – 1945. – 13 авг. – №190(6210). – С. 1.
26. Комсомольская правда. – 1945. – 10 окт. – №239(6259). – С. 1.
27. Рулева И.В. Историография и источники о развитии советской газетной периодики // И.В. Рулева // Приволжский научный журнал. – 2012. – №3(23). – С. 231–234. EDN PFGPMB

Тюнтеров Олег Сергеевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-151304

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРОСВЕТИТЕЛЕ И.Я. ЯКОВЛЕВЕ ИЗ СОБРАНИЯ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

***Аннотация:** в статье представлена общая характеристика документов НА ЧГИГН об И.Я. Яковлеве. Проведён комплексный обзор группы эпистолярных источников. Приведены сведения о составе и содержании материалов переписки, оценено значение документов НА ЧГИГН для развития яковлевоведения.*

***Ключевые слова:** научный архив, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Иван Яковлевич Яковлев, эпистолярные источники.*

Просветитель Иван Яковлевич Яковлев является одним из наиболее почитаемых чувашских деятелей. Несмотря на то что его личность далеко не новый объект исследования, тем не менее имеющиеся источники о нём по-прежнему привлекают к себе самое широкое внимание.

Документы о патриархе чувашского просвещения сосредоточены в разных архивохранилищах России. Одним из важнейших центров выступает научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Как отмечает А.К. Салмин, архив института ещё не исследован на фундаментальном уровне [8, с. 82]. Здесь содержится немало источников по истории чувашского народа. Публикации показывают, что исследователи активно работают над описанием фондов института гуманитарных наук [6].

История ЧГИГН берёт своё начало в 1930-е годы. Тогда же началось формирование его научного архива, изначально называвшегося Рукописным фондом. По мере увеличения штата, задач и роли института Рукописный фонд пополнялся новыми источниками. Следствием этого стало его превращение в НА ЧГИГН, в котором сегодня сосредоточено более 15 тысяч единиц хранения, распределённых по 10 отделам [7]. Значимое место в этой системе занимают и документы об И. Я. Яковлеве. Хотя документы о просветителе из собрания института ранее попадали в поле зрения учёной общественности [1; 3; 5], тем не менее систематическое освещение состава и содержания данной части НА ЧГИГН не предпринималось. Не стремясь в этой статье давать развёрнутый обзор всего комплекса документов о просветителе из собрания НА ЧГИГН, предлагается уделить основное внимание обзору эпистолярных источников. Они составляют значительный пласт материалов, нуждающихся во внимании.

Несколько слов хотелось бы сказать о месте, занимаемом документами об И.Я. Яковлеве, в системе НА ЧГИГН. Материалы о видном деятеле

просвещения размещены в нескольких отделах НА ЧГИГН. Это I отдел (общий), II отдел (истории и археологии), IV отдел (чувашского языка), V отдел (литературы), VIII отдел (фотографических, картографических материалов, произведений живописи и графики) и X отдел (редких книг и статистических сборников). Наибольшее количество источников (91 единица хранения) сосредоточено во II отделе. Обозначенные единицы хранения представляют собой подшитые, пронумерованные папки с инвентарными номерами. Некоторые единицы, в силу своего объёма, разделены на тома. Усилиями исследователей, в том числе сотрудников института, в научный архив в разные годы поступали копии важнейших документов из Ульяновска, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани. Интересны также копии документов из библиотеки Кембриджского университета, полученные при посредничестве Министерства иностранных дел СССР [4, Отд. II. Ед. хр. 2380. Инв. 8900].

Сегодня, в архиве института сегодня значится 128 единиц хранения и 281 документ, касающихся просветителя и его школы. Самый ранний документ датирован 1867 годом [4, Отд. II. Ед. хр. 528], наиболее поздний – 1998 годом [4, Отд. II. Ед. хр. 2607. Инв. 9278]. В означенный комплекс входят: 1) документы к биографии И. Я. Яковлева; 2) документы служебной деятельности просветителя; 3) произведения И. Я. Яковлева; 4) материалы переписки; 5) документы, характеризующие историю и быт Симбирской чувашской учительской школы; 6) материалы публицистики, научные, художественные, справочные и иные труды о просветителе и его школе; 7) материалы, приуроченные к юбилеям и памятным мероприятиям; 8) источники личного происхождения; 9) изобразительные источники.

Неотъемлемую часть собрания ЧГИГН составляют материалы переписки. Исходя из идеи статьи, далее будет проведён обзор данной группы источников.

Прежде всего, обратим внимание на личную переписку просветителя. Она представлена периодом с 1867 по 1922 год. Наиболее раннее письмо, имеющееся в ЧГИГН, – сообщение И. Я. Яковлева о своей болезни С.Д. Раевскому [4, Отд. II. Ед. хр. 528], а позднейшее – представлено письмом вышедшего на пенсию просветителя в Президиум Общества изучения местного края Чувашской автономной области со словами благодарности по случаю его избрания почётным членом [4, Отд. II. Ед. хр. 528. Л. 439]. За этот период сложилась разнообразная переписка, в которой представлены просьбы, сведения текущего характера, проекты и инициативы, наставления, слова благодарности.

Обращает на себя внимание широкая география корреспондентов. Показателен пример с телеграммой старшины Цоя из Новокиевского (современная Иркутская область), в которой просветителю адресуется просьба принять на обучение ученика корейской национальности – волостного стипендиата [4, Отд. II. Ед. хр. 802. Инв. 2517. Л. 210–220]. Данная телеграмма подтверждает также интернациональный характер яковлевской школы.

Известно, что просветитель избегал участия в делах большой политики. Однако, когда шла речь о его воспитанниках, он не оставлял ситуацию без внимания. В качестве примера следует привести письмо от А.В. Рекеева (1848–1932) о проводимой воспитанником Симбирской школы А. Ильиным революционной агитации среди населения деревни Новое Янашево Тетюшского уезда [4, Отд. II. Ед. хр. 802. Л. 127–131, Ед. хр. 838].

Ратуя за благополучие воспитанников, Яковлев состоял в переписке с целым рядом высокопоставленных деятелей. Коммуникация осуществлялась по вопросам материального обеспечения школы, совершенствования методики преподавания, текущих настроений в учебном заведении, значении просветительского дела. Среди деятелей, с которыми Яковлев обсуждал эти вопросы – инспектор народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянов [4, Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 5–6], обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер [4, Отд. II. Ед. хр. 518. Инв. 1488. Л. 1–28], министры народного просвещения И.Д. Делянов [4, Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 82] и Л.А. Кассо [4, Отд. II. Ед. хр. 954. Инв. 3737. Л. 33–55], директор департамента народного просвещения П.Ф. Сурин [4, Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 372–375, 383–395], симбирский губернатор А.С. Ключарев [4, Отд. II. Ед. хр. 802. Л. 345], заместитель наркома просвещения М. Покровский [4, Отд. II. Ед. хр. 2208], председатель СНК РСФСР В.И. Ленин [4, Отд. II. Ед. хр. 954. Инв. 3736. Л. 1–32] и другие.

Развитие школы интересовало представителей как местной среды, так и деятелей, проживавших за пределами Симбирска. Обозначим, в этой связи, переписку И. Я. Яковлева с попечителями Казанского учебного округа П.Д. Шестаковым [4, Отд. II. Т. 21. Инв. 45. Л. 100] и А.Н. Деревицким [4, Отд. II. Ед. хр. 802. Инв. 2520. Л. 262–277], Симбирской городской управой [4, Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 51–52], Симбирской губернской земской управой [4, Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 249–252], Симбирским обществом сельского хозяйства, предводителем симбирского дворянства [4, Отд. II. Ед. хр. 513. Инв. 1461. Л. 128–223], представителями купечества (письмо Яковлева самарскому купцу А.Ф. Фон-Вакано по вопросу продления аренды) [4, Отд. II. Ед. хр. 528. Л. 376].

Эпистолярные источники содержат просьбы ряда лиц о принятии их на обучение [4, Отд. II. Ед. хр. 802. Л. 221–222]. Особой формой доверия к Яковлеву и его методам можно считать «Прошение учителя Смолькинского одноклассного училища А.Е. Тимофеева инспектору Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлеву о приёме учеников и учениц Смолькинского училища Сызранского уезда в подготовительный класс Симбирской чувашской учительской школы» [4, Отд. II. Ед. хр. 802. Л. 218].

Как показывают письма, И.Я. Яковлев часто размышлял о роли образования и был чужд идеализации патриархальных порядков. Его воззрения на необходимость воспитания женского пола обособывают данный аспект его личности [4, Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 757]. Так, в письме, адресованном в Хочаевское женское двухклассное училище, Иван Яковлевич просит руководство рекомендовать воспитанниц продолжить их дальнейшее образование в его школе [4, Отд. II. Ед. хр. 528. Л. 376].

Иван Яковлевич активно возвращал кадры ревнителей православной веры. Источники позволяют увидеть стремление священнослужителей помочь родной школе. Это подтверждает письмо бывшего воспитанника, законоучителя Челябинского реального училища К. Прокопьева о пожертвовании им денежных средств на выделение стипендии учащимся [4, Отд. II. Ед. хр. 2268] и ответное письмо Яковлева с благодарностью [4, Отд. II. Ед. хр. 2268].

Эпистолярные документы просветителя, имеющиеся в ЧГИПН, не ограничиваются вышеизложенными аспектами. Многие письма патриарха

могут сказать о порядках, к которым он приучал своих коллег. Это, в частности, видно из письма руководителя школы учителю П.В. Васильеву от 1 января 1880 года с указаниями по приведению в порядок школьной библиотеки [4, Отд. II. Ед. хр. 528. Л. 60], письма В.Н. Орлову, написанного И.Я. Яковлевым летом 1914 года в Эстляндии и содержащего расспросы о текущих делах и наставления по ним [4, Отд. II. Ед. хр. 528. Л. 13–14, 35–40, 67].

Управление коллективом, поиск подходящих кадров имели не меньший смысл, чем материальная сторона дела. Просветитель решал эти вопросы вплоть до последних моментов управления школой. Подходящим примером является его письмо Н.И. Колосову от 17 октября 1917 года с приглашением перейти на работу в Симбирскую чувашскую учительскую школу [4, Отд. II. Ед. хр. 527]. В последующем, часть деятелей начала кампанию по устранению просветителя от дел. Однако об авторитете Ивана Яковлевича было известно центральным властям. Тем примечательна телеграмма заместителя наркома по просвещению М. Покровского от 30 октября 1918 года И.Я. Яковлеву с информацией о том, что народный комиссариат просвещения по-прежнему продолжает считать Яковлева председателем педагогического совета семинарии [4, Отд. II. Ед. хр. 2208]. Используя последние остатки своего влияния, Иван Яковлевич содействовал открытию ЧУВИНО [9]. В то же время, знание Яковлевым семьи Ульяновых позволяло ему напрямую обращаться к В.И. Ленину. В НА ЧГИИГН имеется письмо И.Я. Яковлева к руководителю Советского государства с соображениями относительно создания среднего учебного заведения для чувашей [4, Отд. II. Ед. хр. 954. Инв. 3736. Л. 1–32], сообщение с благодарностью ему за оказываемое покровительство [4, Отд. II. Ед. хр. 517. Инв. 1481. Л. 109–130].

В основе личной переписки И.Я. Яковлева имеются материалы приветственных писем. Они содержат уважительное обращение, признательность к патриарху от имени целых коллективов. Выделим, в частности, приветственную телеграмму И. Викторова, председателя I Учредительного съезда Советов Чувашской автономной области и II съезда Советов среди чуваш с признательностью от участников съезда Яковлеву за его полувековые усилия [4, Отд. II. Ед. хр. 824. Инв. 2618].

Завершая обзор материалов переписки, обратим внимание на письма о просветителе и его школе. Эти источники показывают личность И.Я. Яковлева в многогранном социальном восприятии. Как при жизни, так и после смерти просветитель волновал умы чувашского общества. В переписке за ноябрь–декабрь 1918 года педагогического совета Симбирской чувашской семинарии с национальными политическими центрами мы узнаём об остроте вопроса относительно избрания председателя педагогического совета [4, Отд. I. Ед. хр. 293. Инв. 6113. Л. 284–287]. В письме В.Н. Орлова редактору газеты «Симбирские известия» за 1919 год, автор встаёт на защиту методологического наследия Ивана Яковлевича [4, Отд. I. Ед. хр. 293. Инв. 6113. Л. 271–275], что показывает стремление отстоять его доброе имя в условиях начавшейся реакции.

Не меньшее участие в жизни пожилого отца принимал его старший сын Алексей. В ЧГИИГН имеется письмо А.И. Яковлева от 8 февраля 1925 года в Управление делами СНК с благодарностью за восстановление пенсии его родителям [4, Отд. II. Ед. хр. 860. Инв. 2981]. Однако это не

единственный случай, когда Алексей Иванович вступал в переписку об отце. Являясь человеком, хорошо знавшим отца, в последующем он считался экспертом по всем вопросам, касавшимся И.Я. Яковлева. Потому не случайно, что в контексте юбилея 1948 года, сформировалась переписка учёного с руководством ЧНИИ ЯЛИ (ныне ЧГИГН) [4, Отд. II. Ед. хр. 245. Инв. 607. Л. 19], руководителем Чувашгосиздата П.Т. Золотовым (по вопросу издания юбилейной монографии «Иван Яковлевич Яковлев», размере и выплатах гонорара) [4, Отд. II. Ед. хр. 245. Инв. 607. Л. 30].

Юбилей 1948 года восстановил справедливую оценку просветителя. В контексте этого памятного события укреплялось межрегиональное сотрудничество. В качестве примера следует отметить письмо Управления МВД по Ульяновской области от 5 июля 1947 года председателю юбилейной комиссии при Верховном Совете ЧАССР З.А. Андреевой об имеющихся в ГАУО документах касательно просветителя [4, Отд. II. Т. 224. Инв. 570. Л. 1–1 об.]. Широкие связи, формировавшиеся в пространстве страны в память о патриархе, подтверждаются также документами, хранящимися в Российской государственной библиотеке [10].

Наконец, несколько единиц хранения представлены поздними письмами воспитанников Яковлева, адресованными в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. В них поставлены во внимание факты, ранее не попадавшие в поле зрения учёных [4, Отд. II. Ед. хр. 627. Инв. 1699.]. Эти факты проливают свет на «междоусобицу», охвативший по вопросу о Яковлеве чувашскую общественность. И по сей день, публикация воспоминаний продолжает сохранять актуальность. В частности, из ожидаемых крупных проектов, как отмечает Л.А. Ефимов, к 2028 году Научно-исследовательской лабораторией при ЧГПУ имени И.Я. Яковлева запланировано издание двухтомника воспоминаний воспитанников о просветителе и Симбирской чувашской учительской школе [2, с. 96].

Таким образом, научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук содержит богатейшее собрание материалов о просветителе И.Я. Яковлеве. Представленная в обзоре группа эпистолярных источников лишь часть того огромного массива данных, которым ещё предстоит развивать дальнейшее содержание яковлевоведения. В институте гуманитарных наук сформировалась уникальная подборка материалов, в которой представлены эпистолярные памятники, как самого Ивана Яковлевича, так и письма о нём разных лет. Это соединение, вызванное многосторонней деятельностью нескольких поколений сотрудников ЧГИГН, позволяет изучить эволюцию яковлевского дискурса. Представляется, что проведённый обзор документов станет основанием для дальнейших исследований и обращению к важнейшему комплексу первоисточников о просветителе, имеющегося в ЧГИГН.

Список литературы

1. Дмитриев В.Д. Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев: сборник статей / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2002. – 140 с.
2. Ефимов Л.А. Историографические этапы изучения наследия чувашского просветителя И.Я. Яковлева в последней четверти XIX – начале XXI в. / Л.А. Ефимов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2025. – №2(127). – С. 95–103. DOI 10.37972/chgpu.2025.127.2.012. EDN BAYVIS

3. И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения: сборник статей. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001. – 144 с.
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН).
5. Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель: монография / Н.Г. Краснов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1992. – 416 с.
6. Леонтьев А.П. Чувашское отделение Восточного педагогического института (по материалам рукописного фонда Н. В. Никольского) / А.П. Леонтьев // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2023. – Т. 13. №1. – С. 91–110. DOI 10.22378/2410-0765.2023-13-1.91-110. EDN JIUNGM
7. Научный архив – ЧГИГН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chgign.ru/p/nauchnyj-arxiv.html?ysclid=mg1810sifr842970313> (дата обращения: 27.10.2025).
8. Салмин А.К. Научный архив чувашского государственного института гуманитарных наук и «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина: к проблеме сравнительного изучения лексического материала / А.К. Салмин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – №3(112). – С. 81–89. DOI 10.37972/chgpu.2021.112.3.011. EDN DWVQSU
9. Тюнтеров О.С. Иван Яковлевич Яковлев и создание первого чувашского вуза (ЧУ-ВИНО) по данным эпистолярных источников / О.С. Тюнтеров, Т.Н. Иванова // Университетское гуманитарное образование в России: к 70-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 16–17 декабря 2024 г.). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 141–148. DOI 10.31483/g-114512. EDN QXRECQ
10. Тюнтеров О.С. Характеристика архивных материалов о чувашском просветителе И.Я. Яковлеве в Российской государственной библиотеке / О.С. Тюнтеров // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 29 сентября 2023 г.). – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 201–206. EDN FWCVCF

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОИСК И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

Алексеев Игорь Евгеньевич

канд. ист. наук, главный советник
Департамента по вопросам внутренней политики
Администрация Главы (Раиса) Республики Татарстан
г. Казань, Республика Татарстан

Алексеева Лада Игоревна

ассистент кафедры
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАВОЕВАТЕЛЬНОГО ПОХОДА 1356 ГОДА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ХАНА ДЖАНИБЕКА НА ХУЛАГУИДСКИЙ ИРАН: НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАХОДКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСТАНА И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ ЧЕКАНКИ ТЕБРИЗА (ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ)

Аннотация: в статье изучаются и вводятся в научный оборот нумизматические памятники «тебризского происхождения» – серебряные монеты с именем джучидского хана Джанибека и медные монеты, изготовленные по золотоордынскому образцу, которые были найдены на территории Татарстана и Кировской области в последние десятилетия. Авторы подчеркивают их непосредственную связь с походом в 1356 г. Джучидов на Государство Хулагуидов, предшествовавшие ему и последовавшие вслед за ним события. Исследуются различные аспекты, связанные с появлением данных эмиссий и их проникновением в Булгарский регион (улус, вилайят) Государства Джучидов. Обосновывается предположение о том, что часть монет с указанием места выпуска «Тебриз» могла быть отчеканена уже на золотоордынских монетных дворах вывезенными штемпелями.

Ключевые слова: Государство Джучидов (Золотая Орда), Государство Хулагуидов (Хулагуидский Иран), Азербайджан, Закавказье, Тебриз, нумизматические памятники (монеты), Малик Ашраф, хан Джанибек, хан Бердибек, военный поход, денежное обращение, Булгарский регион (улус, вилайят), Татарстан, Кировская область.

Предпринятый в 758 г. х. (1356) джучидским (золотоордынским) ханом Джанибеком (правил в 742–758 гг. х.: 1342–1357) военный поход на Иран (в Азербайджан и Закавказье) стал своего рода кульминационным событием в долгом противостоянии двух из созданных в XIII в. монголами-чингисидами держав – Государства Джучидов и Государства Хулагуидов.

Давние претензии Джучидов на хулагуидские владения были связаны с завещанием Чингисхана. В соответствии с ним, согласно джучидской трактовке, Иран и Кавказ первоначально были переданы потомкам Джучи, но оказались захвачены Хулагуидами [2, с. 178; 5, с. 35–37].

Причём, как отмечают А. В. Акопян и Ф. Мосанеф, «к XIV в. положения завещания были только предлогом для осуществления других целей, таких как использование Мугани и Карабага в качестве зимних стоянок для джучидской конницы и, что более важно, контроль над Табризом, ключевым городом на Шёлковом пути» [2, с. 178].

Воспользовавшись смертью занимавшего трон марионеточного хулагуидского ильхана Ануширвана, в 758 г. х. (1356) хан Джанибек выступил против узурпировавшего власть в северо-западной части Ирана (Азербайджане) Чобанида Малика (Малека) Ашрафа, провозгласившего новым ильханом Газана II – последнего номинального правителя Государства Хулагуидов [7, с. 196].

Как считают А. В. Акопян и Ф. Мосанеф, причиной вторжения хана Джанибека в Иран, возможно, стало провозглашение Малика Ашрафа султаном и шахом, подтверждением чего служат отчеканенные в 756 г. х. (после смерти ильхана Ануширвана) «в центральной части Ирана» монеты, на которых «Малик Ашраф назывался султан и шах, а также на них использовалось «ханское» уйгурское письмо» [2, с. 177].

Перейдя реку Куру и разгромив войско Малика Ашрафа на Кавказе – в сражении недалеко от Сараха, хан Джанибек занял Тебриз (Табриз) и казнил узурпатора. В результате, как констатирует исследователь И. Х. Камалов: «За короткое время Азербайджан вошёл в состав Золотой Орды» [5, с. 84].

Важнейшим свидетельством этих переломных событий являются нумизматические памятники – серебряные и медные монеты, выпущенные ханом Джанибеком и от его имени в Азербайджане и Закавказье.

Показательно при этом, что чеканка монет с именем хана Джанибека в Закавказье началась ещё до прихода сюда Джучидов. Уже в 755 г. х. они появились в Ширване, а в 757 г. х. – в Тебризе, Тифлисе, Мараге и Сера [1, с. 135; 2, с. 177–178].

По мнению А.В. Акопяна и Ф. Мосанефа, «вышеупомянутые монеты 757 г. х. отражают очень краткий период принятия джучидского сюзеренитета некоторыми городами в домене Малик Ашрафа (на это может указывать и чрезвычайная редкость этих монет)», который пришёлся на время между смертью ильхана Ануширвана и провозглашения ильханом Газана II [2, с. 177]. Причём в Тебризе и Тифлисе монеты чеканились по золотоордынским образцам, а в Мараге – по хулагуидским [2, с. 177].

В дальнейшем монеты с именем хана Джанибека начали повсеместно чеканить во многих перешедших под контроль Джучидов и признавших их сюзеренитет регионах.

Однако вследствие своей внезапной болезни хан Джанибек вынужден был в скором времени вернуться домой, оставив в Тебризе в качестве правителя (наместника) старшего сына – Бердибека (Бирдибека) с войском численностью 50 тысяч человек [5, с. 85].

По одной из версий, золотоордынский хан умер по дороге в Дешт-е-Кыпчак, вследствие чего получивший известие об этом Бердибек «провозгласил себя султаном», начал чеканить монету со своим именем, а затем отправился в столицу – Сарай, чтобы официально унаследовать трон.

Известны монеты Бердибека, выпущенные в том же 758 г. х. в Ширване, Грузии, Армении, Азербайджане, Джурджане, Западном Иране и Мазандаране [2, с. 178].

По другой версии, узнав, что его отец – хан Джанибек серьезно болен, Бердибек спешно покинул Тебриз с войском и отправился вслед за ним, чтобы принять участие в борьбе за верховную власть в Государстве Джучидов и взойти на трон. При этом он, согласно одним свидетельствам, уже не застал отца в живых, а согласно другим, расправился с ханом Джанибеком, возмущённым самовольным оставлением им Тебриза, – убил отца, а также всех претендентов на трон, чтобы беспрепятственно занять его [5, с. 85; 7, с. 198–199].

Так или иначе, это событие и последующие дезинтеграционные внутриполитические процессы в Золотой Орде привели к быстрой утрате контроля хана Бердибека над Тебризом и всем Азербайджаном, власть в котором захватил эмир Ахичук, перешедший ранее от Малика Ашрафа к Джучидам. В дальнейшем здесь утвердились противники Чобанидов Музаффариды, а затем – Джалаириды.

При этом значительное количество серебряных и медных монет, выпущенных в Азербайджане в период короткого джучидского владычества – в 757 и 758 гг. х., попало в денежное обращение Золотой Орды.

Несмотря на отсутствие специальных исследований на сей счёт, скудость, разрозненность и труднодоступность данных, знакомство с литературой, Интернет-ресурсами и предложением восточного нумизматического материала на рынке антиквариата дают основание утверждать, что большинство из таковых составляют монеты с обозначением в качестве места чеканки Тебриза.

Причём, по нашему мнению, помимо монет, отчеканенных непосредственно в Тебризе, среди соответствующего нумизматического материала присутствуют также монеты, произведённые уже на золотоордынских монетных дворах – вывезенными штемпелями. В пользу последнего предположения (касающегося, главным образом, медных монет) могут свидетельствовать: сильная изношенность («забитость») некоторых разновидностей штемпелей, отличия в технологии изготовления монет и существенная разница в их весе.

Данные монеты давно известны как отечественным, так и зарубежным нумизматам и в разной степени описаны в научной литературе [6, с. 315 (№75), 329 (рис. 15: №75); 8, с. 29 (№264); 9, с. 231, табл. XL (№613–614); 11, с. 13 (№102), 45, 74 (№493), табл. XVI (№е)], а сведения о них охотно воспроизводятся историками-востоковедами при изучении взаимоотношений между Хулагуидами и Джучидами в контексте переломных событий середины XIV в. в Иране, Азербайджане, Закавказье и собственно в Государстве Джучидов.

Однако до сих пор соответствующий нумизматический материал, к сожалению, не стал предметом отдельных серьёзных научных исследований, а накопление и обобщение сведений о нём производится в режиме контекстных «упоминаний» и каталогов.

Особый интерес при этом, на наш взгляд, представляют монеты «тебризского происхождения», обнаруженные на территории современного Татарстана и граничащих с ним регионов – в бывшем Булгарском регионе (улусе, вилайяте), входившем в состав Государства Джучидов и находившемся на весьма большом удалении от Ирана, Азербайджана и Закавказья.

Если руководствоваться немногочисленными публикациями, то складывается впечатление, что таковые здесь крайне редки. Так, например, в составе так называемого «Каратунского клада», найденного в 1986 г. в Апастовском районе Татарской АССР, фиксируется лишь единичный экземпляр с лаконичным описанием: «Джанибек хан. Тебриз. Год (?) [...] Вес 1,48 г» [10, с. 57]. Е.Ю. Гончаров и Н.Х. Биккниязев в своей статье 2021 г. упоминают всего о двух медных монетах (пулах) с обозначением в качестве места чеканки Тебриза, найденных в Татарстане [4, с. 74].

Вместе с тем известно значительное количество монет «тебризского происхождения» с территории Татарстана, которые осели в частных коллекциях. Только за последнее время нам удалось выявить и изучить восемь найденных здесь нумизматических памятников, введение которых в научный оборот представляется важным как в нумизматическом, так и в общеисторическом отношении. Помимо этого, идентифицирована одна монета, обнаруженная на территории Нолинского района Кировской области – в окрестностях села Кырчаны.

Три монеты изготовлены из серебра и шесть из меди (либо из её сплава). При этом фиксируется целый ряд интересных штемпельных разновидностей, не описанных в нумизматической литературе. Ниже приводятся описание (основные характеристики) изученных нумизматических памятников, сведения о местах их обнаружения и снимки данных монет.

1. С именем хана Джанибека (рис. 1, 1). 757 г.х. Серебро. Вес: 1,55 г. Диаметр: 14×14 мм. Лицевая сторона (л. с.): в двойном ободке (точечном и линейном) – арабографическая легенда в 2 строки: «ас-Султан (Султан)/Джанибек Хан» (на второй строке справа – декоративный элемент в форме растительного завитка, буква «ну» в слове «хан» поднята слева со второй на первую строку). Обратная сторона (о. с.): в декоративной рамке из 6 дуг (с 6 точками во внешних сегментах), вписанной в двойной ободок (точечный и линейный), – арабографическая легенда в 5 строк: «5 7/Дарб (чекан)/Табриз (Тебриза)/санат (год)/7 01» (по обеим сторонам от строчки со словом «Табриз» – маленькие 6-конечные звёздочки). Найдена в Татарстане около г. Чистополя в начале 2000-х гг. Снимки аналогичной разновидности данного типа монет размещены в Базе данных восточных монет ZENO [12, #145176, #160735].

2. С именем хана Джанибека (рис. 1, 2). 757 г. х. Серебро. Вес: 1,49 г. Диаметр: 14×16 мм. Л. с.: в тройном ободке (?) (точечном тонком, точечном толстом и линейном) – арабографическая легенда в 2 строки: «ас-Султан (Султан) Адиль (справедливый) / Джанибек Хан» (над второй строкой – 3 «узла счастья»). О. с.: в декоративной рамке из 6 дуг (с 6 точками во внешних сегментах), вписанной в двойной ободок (точечный и линейный), – арабографическая легенда в 5 строк: «[5] 7/Дарб (чекан)/Табриз (Тебриза)/санат (год)/7 01» (по обеим сторонам от строчки со словом «Табриз» – маленькие 6-конечные звёздочки). Найдена в Татарстане около г. Чистополя в 2021 г.

3. С именем хана Джанибека (рис. 1, 3). 757 г. х. Серебро. Вес: 1,46 (изношена). Диаметр: 14×15 мм. Л. с.: в тройном ободке (?) (точечном тонком, точечном толстом и линейном) – арабографическая легенда в 2 строки: «ас-Султан (Султан) Адиль (справедливый)/Джанибек Хан» (над второй строкой – 3 «узла счастья»). О. с.: в декоративной двойной рамке (толстой и тонкой) из 6 дуг (с 6 точками во внешних сегментах), вписанной в двойной

ободок (точечный и линейный), – арабографическая легенда в 5 строк: «7 5/Дарб (чекан)/Табриз (Тебриза)/санат (год)/10 7» (по обеим сторонам от строчки со словом «Табриз» – маленькие 6-конечные звёздочки, над словом «санат» – «узел счастья»). Найдена в Татарстане в начале 2020-х гг. (точное место находки не известно). Снимки аналогичной разновидности данного типа монет размещены в Базе данных восточных монет ZENO [12, #1800, #125418, #168757, #206196, #211157, #276972].

4. Анонимная (рис. I, 4). 757 г. х. Медь. Вес: 1,97 (корродирована). Диаметр: 16×18 мм. Л. с.: в декоративной рамке из 6 незначительно ломано-выгнутых линий (с точками во внешних сегментах) – арабографическая легенда в 5 (6) строк: «01/Дарб (чекан) Табриз (Тебриза)/саб хамсин саб миа (семь пятьдесят семьсот)/7». О. с.: в декоративной рамке из 6 (?) дуг (с точками во внешних сегментах) – 6-лепестковая цветочная «розетка» (особенности «розетки»: острые лепестки, 6-угольная рамка вокруг центральной точки). Разновидность частично реконструирована по известным аналогам. Найдена в 2023 г. в Татарстане в окрестностях сёл Большие и Малые Атряси Тетюшского района.

5. Анонимная (рис. I, 5). 757 г. х. Медь. Вес: 1,40 г (корродирована). Диаметр: 13×15 мм. Л. с.: в декоративной рамке из 6 незначительно ломано-выгнутых линий – арабографическая легенда в 5 (6) строк: «[...]/Дарб (чекан) [Табриз] (Тебриза)/саб хамсин саб миа (семь пятьдесят семьсот)/7• (?)». О. с.: в декоративной рамке из 6 (?) дуг, вписанной в точечный ободок, – 6-лепестковая цветочная «розетка» (особенности «розетки»: круглые лепестки, разделённые короткими прямыми линиями, 6-угольная рамка вокруг центральной точки). Найдена в 2010-х гг. в Татарстане (точное место находки не известно).

6. Анонимная (рис. I, 6). 757 г. х. Медь. Вес: 1,46 г (корродирована). Диаметр: 15×16 мм. Л. с.: в декоративной рамке из 6 незначительно ломано-выгнутых линий (с точками во внешних сегментах) – арабографическая легенда в 5 (6) строк: «[10]/[Дарб] (чекан) Табриз (Тебриза)/саб хамсин саб миа (семь пятьдесят семьсот)/[7]». О. с.: в декоративной рамке из 6 дуг (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – 6-лепестковая цветочная «розетка» (особенности «розетки»: круглые лепестки, разделённые длинными линиями, 6-угольная рамка вокруг центральной точки). Разновидность частично реконструирована по известным аналогам. Найдена около 2018 г. в Татарстане в окрестностях деревни Дятлово Лаишевского района. Опубликовано в книге И.Е. Алексеева «Джучидские (золотоордынские), русские и европейские нумизматические памятники: знаки, символы, аллегории, легенды» (2021 г.) [3, с. 195, 201 (№4)].

7. Анонимная (рис. I, 7). 757 г. х. Медь. Вес: 2,01 г. Диаметр: 15×17 мм. Л. с.: в декоративной рамке из 6 незначительно ломано-выгнутых линий (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – арабографическая легенда в 5 (6) строк: «01/Дарб (чекан) Табриз (Тебриза)/саб [хамсин саб миа] (семь пятьдесят семьсот)/[7 •] (?)». О. с.: в декоративной рамке из 6 дуг (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – 6-лепестковая цветочная «розетка» (особенности «розетки»: острые лепестки, придающие ей форму 6-конечной звезды, круглая рамка вокруг центральной точки). Найдена в 2023 г. в Татарстане в окрестностях сёл Большие и Малые Атряси Тетюшского района.

8. Анонимная (рис. I, 8). 757 г. х. Медь. Вес: 2,35 г. Диаметр: 17×18 мм. Л. с.: в декоративной рамке из 6 незначительно ломано-выгнутых линий (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – арабографическая легенда в 5 (6) строк: «[...]Дарб (чекан) Табриз (Тебриза)/саб [хамсин] саб [миа] (семь пятьдесят семьсот)/[...]». О. с.: в декоративной рамке из 6 дуг (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – 6-лепестковая цветочная «розетка» (особенности «розетки» установить не удалось). Найдена предположительно в 2010-х гг. в Татарстане (точное место находки не известно).

9. Анонимная (рис. I, 9). 757 г. х. Медь. Вес: 1,11 г. Диаметр: 12×15 мм. Л. с.: в декоративной рамке из 6 незначительно ломано-выгнутых линий (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – арабографическая легенда в 5 (6) строк: «[...]Дарб (чекан) [Табриз] (Тебриза)/[саб хамсин] саб миа (семь пятьдесят семьсот)/7». О. с.: в декоративной рамке из 6 дуг (с точками во внешних сегментах), вписанной в точечный ободок, – 6-лепестковая цветочная «розетка» (особенности «розетки»: круглые лепестки, разделённые длинными линиями). Разновидность частично реконструирована по известным аналогам. Найдена в 2023 г. в Кировской области в окрестностях с. Кырчаны Нолинского района.

Очевидно, что описанные выше монеты – это лишь ничтожно малая часть нумизматических памятников «тебризского происхождения» времён похода Джучидов в Хулагуидский Иран и завоевания ими Азербайджана и Закавказья, найденных на территории Татарстана и соседних регионов. Нам известно ещё немало монет отсюда, которые попали «в частные руки» и «растворились» на нумизматическом рынке.

Помимо этого, нам удалось выявить в частных коллекциях четыре медные монеты с именем хана Бердибека (Бирдибека) и обозначением в качестве места чеканки монетного двора «Тифлис», находки которых, согласно заявлениям некоторых нумизматов-исследователей, вообще не фиксируются на территории Татарстана. Полагаем, что данная тема нуждается в отдельном изучении.

В связи с вышеизложенным закономерно возникает вопрос о путях проникновения на северные окраины Государства Джучидов монет со столь отдалённых монетных дворов. Полагаем, что таковых могло быть несколько.

Прежде всего, представляется верным мнение, согласно которому данные монеты могли быть принесены сюда участниками военного похода, входившими в состав выведенного из Азербайджана и Закавказья войска. При этом не исключено, что ранее они находились как в вывезенной казне, так и «на руках» у самих воинов, которым могли выдаваться в качестве жалования и вознаграждения.

Возможно также, что эти нумизматические памятники могли принести с собой перемещённые лица – пленники-рабы, захваченные в Азербайджане и Закавказье в качестве «ясыря» и перевезённые в Булгарский регион.

Ещё один путь, который действовал при любых обстоятельствах и способствовал перемещению денежных масс из различных регионов Золотой Орды и иностранных государств, – это, безусловно, торговля.

Наконец, как уже указывалось выше, монеты с именами джучидских ханов и выпущенные по золотоордынским образцам могли чеканиться в

самом Государстве Джучидов, на местных монетных дворах – вывезенными штемпелями.

Хотелось бы также особо отметить факт наличия в денежном обращении Золотой Орды хулагуидских медных монет (особенно тебризских эмиссий периода правления ильхана Ануширвана). Находки таковых фиксировались в нумизматической литературе, они также наличествуют во многих частных коллекциях. Однако отдельных исследований об этом «феномене» нам, к сожалению, обнаружить не удалось. Вместе с тем он тоже может свидетельствовать в пользу вывоза из Тебриза Джучидами казны и включения этих эмиссий в жалование участников похода на Хулагуидский Иран.

Необходимо обратить серьёзное внимание на изучение и обобщение сведений об означенных нумизматических памятниках, что имеет важное значение как в общеисторическом, так и в собственно нумизматическом отношениях.

Таким образом, следует сделать общий вывод о том, что находки на территории современного Татарстана – исторического «ядра» Булгарского региона (улуса, вилайята), входившего в состав Государства Джучидов, нумизматических памятников «тебризского происхождения» (с указанием места выпуска «Тебриз», имени хана Джанибека или выполненных по золотоордынским образцам) не являются единичными, «случайными» и локальными.

Это свидетельствует о вовлечённости региона в важные внешне- и внутривосточные, военные и экономические процессы, происходившие в Государстве Джучидов (Золотой Орде) в середине XIV в. В связи с этим важно продолжить работу по сбору, изучению и обобщению нумизматического материала (как джучидского, так и собственно хулагуидского происхождения), имеющего отношение к походу 1356 г. хана Джанибека в Хулагуидский Иран и связанным с ним дальнейшим событиями.

Сокращения:

- г. х. (гг. х.) – год (годы) хиджры;
- л. с. – лицевая сторона;
- о. с. – оборотная сторона.

Подписи к рисунку (фототаблице).

1. Монеты «тебризского происхождения» 757 г. х. с именем хана Джанибека и золотоордынского образца, найденные на территории Татарстана и Кировской области (из частных коллекций): 1. Серебро. 1,55 г, 14×14 мм. 2. Серебро. 1,49 г, 14×16 мм. 3. Серебро. 1,46, 14×15 мм. 4. Медь. 1,97 г, 16×18 мм. 5. Медь. 1,40 г, 13×15 мм. 6. 1,46 г, 15×16 мм. 7. Медь. 2,01 г, 15×17 мм. 8. Медь. 2,35 г, 17×18 мм. 9. Медь. 1,11 г, 12×15 мм.

Рисунок (фототаблица) I

Монеты «тебризского происхождения» 757 г.х. с именем хана Джанибека и золотоордынского образца, найденные на территории Татарстана и Кировской области (из частных коллекций)

Список литературы

1. Акопян А.В. Ильханы и ишханы. Монеты армянских княжеств периода заката Хулагуидского государства (737–759 гг. х. / 1336–1358) / А.В. Акопян // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. XIX. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – С. 47–49, 122–160.
2. Акопян А.В. Между Джучидами и Джалайиридами: монеты Чубанидов, Ахичука и их современников в 754–759 гг.х. (150 лет изучения – от генерала Бартоломея до наших дней) / А.В. Акопян, Ф. Мосанеф // Труды Государственного Эрмитажа. – Вып. LXXXI (81). Материалы и исследования отдела нумизматики. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. – С. 173–184.
3. Алексеев И.Е. Джучидские (золотоордынские), русские и европейские нумизматические памятники: знаки, символы, аллегории, легенды (сборник статей) / И.Е. Алексеев. – Вып. I. – Казань: ООО «45», 2022. – 297 с.

4. Гончаров Е.Ю. Тифлисские пулы хана Бердибека (758–760 гг. х.) / Е.Ю. Гончаров, Н.Х. Биктияев // Вестник института востоковедения РАН. – 2021. – №1(15). – С. 66–76. DOI 10.31696/2618-7302-2021-1-66-76. EDN JPJNWG
5. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагуидами / И.Х. Камалов; пер. с тур. яз. и науч. ред. И.М. Миргалеева. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – 108 с. EDN QPJCYD
6. Клоков В.Б. Джучидские монеты с Водянского городища / В.Б. Клоков, В.П. Лебедев // Степи Европы в эпоху средневековья: сборник научных статей. Т. 1. – Донецк: ДонГУ, 2000. – С. 303–344. EDN PQAJES
7. Почекаев Р.Ю. Ханы Золотой Орды / Р.Ю. Почекаев. – СПб.: Евразия, 2010. – 384 с. EDN QPROKZJ
8. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды / Р.З. Сагдеева. – М., 2005. – 80 с.
9. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды / Г.А. Фёдоров-Давыдов. – М.: Палеограф, 2003. – 352 с. EDN QOTDRP
10. Фёдоров-Давыдов Г.А. Каратунский клад джучидских монет XIV века / Г.А. Фёдоров-Давыдов, Д.Г. Мухаметшин. – Т. 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2018. – 384 с. EDN XVZFGB
11. Френ Х.М. Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении / Х.М. Френ; пер. с нем. М. Волкова. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1832. – XVI, 80(17)
12. ZENO – Oriental Coins Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zeno.ru/> (дата обращения: 24.10.2025).

Бугарчев Алексей Игоревич

лаборант-исследователь

Институт археологии им. А.Х. Халикова

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

г. Казань, Республика Татарстан

Купцов Андрей Евгеньевич

заместитель генерального директора

НКО «Ветеран»

г. Москва

ДИРХАМЫ БУЛГАРА И РЕФОРМА ХАНА УЗБЕКА 1330 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос публикации серебряных монет XIV века из нумизматических собраний г. Москвы. В работе использованы сведения о 12 дирхамах с приведением типологии и метрологии. Десять из них чеканились с указанием эмитента – Узбек хана, монетного двора *Булгар ал-Махруса* и датами 73 (730?), 731, 732 и «723» (=732) год хиджры. Установлено, что они чеканились, исходя из указанного веса 1,56 г. Статья является продолжением цикла работ по введению в научный оборот джучидских монет из различных московских коллекций.

Ключевые слова: дирхам, монета, денежная реформа, метрология, Болгарское городище, хан Узбек, нумизматическая коллекция, XIV в.

Джучидские монеты XIII–XV вв. являются основным источником по истории Монгольской империи, Золотой Орды и Булгарского вилайата как части указанных государственных образований. Монеты хранятся как в музеях,

так и различных собраниях. В последние годы вышло несколько статей, посвящённых публикации нумизматических памятников из Государственного Исторического музея и личных коллекций (например, [1; 2; 6–9]).

Нумизматический фонд Государственного Исторического музея (Москва) состоит из многих сотен восточных монет, большая часть которых не опубликована. Музей очень тесно связан с Болгарским городищем. С начала регулярных археологических работ на Болгарском городище в 1938 г. весь нумизматический материал поступал в фонды музея, где хранится до настоящего времени. Так продолжалось до 1970 г., когда в Болгаре был основан свой музей. Тем не менее, собрание джучидских монет, поступивших в прежние годы из Татарстана в ГИМ, остаётся одним из крупнейших в стране.

В одной из статей мы уже опубликовали блок болгарских дирхамов из фондов ГИМ [8]. Это были 47 дирхамов, чеканенных с именем Мухаммада Узбек хана на монетном дворе (далее – МД) Булгар ал-Махруса («Булгар Богохранимый») в 1330–1333 гг. Особенность данного музейного материала – это отсутствие информации о месте его находки. В данной статье рассматриваются экземпляры из личных коллекций из г. Москва. Приводятся их изображения и метрология. Отсутствуют сведения о местах их обнаружения, но это не снижает информативной ценности о болгарских средневековых монетах.

Дирхамы МД Булгар ал-Махруса выпускались в 731/1330–1331, 732/1331–1332 и 733/1332–1333 гг. Есть сведения, что подобные монеты выпускались и с датой 734 год хиджры (1333–1334). Назовём основные отличия болгарских монет 1330-х гг. от предыдущих выпусков:

1) на дирхамах предыдущего периода 693–727 гг. х. (1293–1294 – 1326–1327 гг.) не проставлялись ни имя эмитента, ни место чекана и дата выпуска, только наследная двуногая тамга Менгу-Тимура. Отсутствие выпусковых данных затрудняет атрибуцию анэпиграфных болгарских монет конца XIII – первой трети XIV вв.;

2) монеты указанного периода выпускались с указным весом 1,39 г или 4 ½ весовых данга;

3) монеты 693–727 гг. х. не выходили за пределы средневожского региона вследствие проведения местными властями особой экономической политики [4].

В результате денежной реформы 1331 г. на новых болгарских монетах:

1) стало указываться имя правящего хана (в данном случае – Мухаммад Узбек хана);

2) указный вес болгарских дирхамов стал соответствовать норме 1,56 г или 5 весовых дангов, с ориентацией на такой вес выпускалось «серебро» на всех монетных дворах европейской части Золотой Орды;

3) дирхамы 1331–1333 гг. стали выходить за пределы региона, они обнаружены в составе кладов на огромной территории Золотой Орды – по современному административному делению – в Крыму, в Харьковской, Курской, Волгоградской, Саратовской, Оренбургской, Владимирской областях, в Ставропольском крае и в Чувашии [13, с. 756].

В большом количестве дирхамы Булгар ал-Махруса обнаруживаются на Болгарском городище. Например, в раскопе CLXXIX (Руководители В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев) найдено 32 экземпляра [11, с. 137].

Гистограмма, построенная по результатам метрологии данных монет, выявила максимум на значении $1,54 \pm 0,02$ г [11, с. 139]. В соседнем раскопе CLXII (Руководитель В.С. Баранов. Нумизматические материалы CLXII раскопа готовятся к публикации) поднято 19 дирхамов, в раскопе CV – 3 дирхама, в раскопе CXVIII – 1 экземпляр. Все указанные раскопы дислоцируются на территории так называемой Рыночной площади. Общее число дирхамов Узбека МД Булгар ал-Джадид, поднятых на Рыночной площади, достигает 55 единиц. Это свидетельствует о том, что монетный двор Булгар ал-Махруса располагался на Болгарском городище. Все материалы указанных раскопов хранятся в фондах Болгарского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Реформенное «серебро» 1330-х гг. встречается и на других памятниках бывшей Волжской Булгарии:

- Салмановский археологический комплекс (Алькеевский район Татарстана) – обнаружено 12 экземпляров [3] (в печати);

- Иски-Казанский археологический комплекс (Высокогорский район) – 2 экз. [5, с. 18];

- Селище Чакма (Лаишевский район) – 1 экз. [10];

- Городище Джукетау (г. Чистополь) – 1 экз. [12];

Одним из важнейших критериев качества монеты является его чистота её металла. В статье 2017 г. были приведены результаты исследования монетного сплава дирхама 730-х гг. х. методом РФА – серебро 98,43%, медь 1,05%, свинец 0,13%, золото 0,18% [14] (Экземпляр из раскопа CLXXIX Болгарского городища). Из приведённых цифр следует, что болгарские дирхамы 1330-х гг. являлись высокопробными денежными знаками.

Вывод. Джучидские монеты из музейных собраний и личных коллекций, несмотря на то, что несут различную информацию, одинаково важны для исследования истории денежного обращения монгольских государств. Конкретно, монеты 1330-х гг. помогают уточнить особенности денежной реформы Узбек хана, выявить её временные и метрологические рамки. Необходимо привлекать материал из частных собраний наряду с музейными фондами, чтобы получить максимально точные результаты по типологии и метрологии средневекового денежного обращения.

Монеты Булгара 720-х - 730-х гг.х.

Рис. 1

Описание монет Булгара из фототаблицы.

1. (Узбек), Булгар, 728 г. х., вес 1,28 г.
2. Узбек, (Булгар), (729?) г. х., вес 1,34 г.
3. Узбек, Булгар ал-Махруса, 73х г. х., вес не сохранился.
4. Узбек, Булгар ал-Махруса, 731 г. х., вес 1,56 г.
5. Узбек, Булгар ал-Махруса, 731 г. х., вес 1,47 г.
6. Узбек, Булгар ал-Махруса, 731 г. х., вес 1,49 г.
7. Узбек, Булгар ал-Махруса, «723 г. х.», вес 1,49 г.
8. Узбек, Булгар ал-Махруса, «723 г. х.», вес 1,40 г.
9. Узбек, Булгар ал-Махруса, «723 г. х.», вес 1,40 г.

10. Узбек, Булгар ал-Махруса, 7xx г. х., вес 1,01 г.
11. Узбек, Булгар ал-Махруса, 733 г. х., вес не сохранился.
12. Узбек, Булгар ал-Махруса, 733 г. х., вес 1,52 г.

Список литературы

1. Бугарчев А.И. Медные болгарские динары XIII века из фондов ГМИИ им. А.С. Пушкина / А.И. Бугарчев // Монеты и медали: сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина. Выпуск 4 / под общ. ред. С. Коваленко. – М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 79–82.
2. Бугарчев А.И. Медные болгарские динары середины XIII в. из частной коллекции в Москве / А.И. Бугарчев, В.Ю. Исаев // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 10. / отв. ред. В.В. Зайцев. – СПб., 2024. – С. 73–78.
3. Бугарчев А.И. Джучидские монеты XIII–XIV вв. с территории Салмановского археологического комплекса (материалы к нумизматическому паспорту Алькеевского района Татарстана) / А.И. Бугарчев, А.Е. Купцов // Труды КАЭЭ ИГПУ. – 2024.
4. Бугарчев А.И. Монетные клады Болгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв.: монография / А.И. Бугарчев, П.Н. Петров. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 336 с.
5. Бугарчев А.И. Монетные находки на территории Иски-Казанского археологического комплекса. Материалы X–XV вв. / А.И. Бугарчев, О.В. Степанов. – Казань: Отечество, 2021. – 95 с.
6. Бугарчев А.И. Средневековые монеты из Болгарского городища по результатам работ 1970 г. (из фондов Государственного Исторического музея) / А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова // Археология Евразийских степей. – 2023. – №6. – С. 201–207. DOI 10.24852/2587-6112.2023.6.201.207. EDN ZRELAЕ
7. Бугарчев А.И. Клад болгарских монет начала XV в. из Нимич-Касы (по материалам Государственного Исторического музея, Москва) / А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова // История Чувашии через призму комплексного подхода: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения Василия Димитриевича Димитриева. – Чебоксары, 2024. – С. 132–137. EDN PDSKRN
8. Бугарчев А.И. Дирхамы Булгара ал-Махруса из фондов Государственного исторического музея (Москва) / А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова // Двенадцатые Кремлёвские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Культурные мосты: формы музейного партнёрства и сотрудничества». – Казань: АН РТ, 2024. – С. 154–162.
9. Бугарчев А.И. Медные динары Булгара XIII в. из фондов Государственного исторического музея (Москва) / А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова // Археология Евразийских степей. – 2025. – №4. – С. 284–292. DOI 10.24852/2587-6112.2025.4.284.292. EDN SAХOOJ
10. Бугарчев А.И. Джучидские монеты XIII–XV вв. из находок на Лаишевском селище (новые материалы) / А.И. Бугарчев, Е.Ф. Шайхутдинова, О.В. Степанов // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань: Соколин Роман Васильевич, 2023. – С. 166–173. EDN BDUWUG
11. Валеев Р.М. Серебряные монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXXIX Болгарского городища / Р.М. Валеев, А.И. Бугарчев // Поволжская археология. – 2022. – №2(40). – С. 135–144. DOI 10.24852/ра2022.2.40.135.144. EDN PYJZGP
12. Емельянов В.П. Джучидские монеты из Джукетау (новые материалы) / В.П. Емельянов, А.И. Бугарчев // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. Матл. докладов и сообщений. – М., 2019. – С. 74–77.
13. Мухаметшин Д.Г. Клады и единичные находки джучидских монет в Болгарском регионе в XIII – первой половине XV вв. / Д.Г. Мухаметшин, А.И. Бугарчев // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6 Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – С. 714–758. EDN AQWDMQ
14. Сравнительный анализ химического состава и структуры пореформенных серебряных монет Джучидов (по материалам раскопа CLXXXIX Болгарского городища) / Р.Х. Храменкова, Е.Ф. Шайхутдинова, А.И. Бугарчев [и др.] // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года: материалы докладов и сообщений. – М.: РИА Внешторгиздат, 2017. – С. 97–104.

Голованева Анна Евгеньевна

канд. биол. наук, магистрант

Шуликов Алексей Олегович

канд. полит. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Камчатский государственный
технический университет»

г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский край

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье проведен анализ социальных механизмов государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды. Цель исследования – систематизировать эти механизмы и выявить проблемы их реализации. На основе анализа нормативной правовой базы и современных практик авторы предлагают трехуровневую классификацию социальных механизмов (институциональные, информационно-коммуникативные, гражданско-инициативные). В результате выявлены ключевые проблемы внедрения, такие как формальный характер общественных слушаний и ограниченный доступ к экологической информации, и предложены направления для повышения эффективности общественного участия, включая цифровизацию и развитие гражданской науки.

Ключевые слова: государственное регулирование, охрана окружающей среды, государственная политика, национальные проекты, экологическая безопасность, социальные механизмы.

Социальное благополучие в высокой степени зависит от удовлетворенности человека состоянием окружающей его природной среды. Ее качество определяет уровень здоровья, эмоционального и физического напряжения. В связи с этим вопросам сохранения, защиты и охраны окружающей среды, а также рациональному природопользованию уделяется особое внимание на государственном уровне.

Механизм государственного регулирования занимает центральное место в системе охраны окружающей среды. Это связано с положением государства в системе общественных отношений как субъекта, обладающего правотворческой функцией, определяющего систему, механизм и принципы управления в данной сфере [1].

Целью данного исследования является анализ и систематизация социальных механизмов государственного регулирования природоохранной деятельности. Для достижения цели были поставлены следующие задачи.

1. Охарактеризовать стратегические основы государственной политики в данной области.

2. Проанализировать ключевые федеральные проекты.

3. Разработать классификацию социальных механизмов.

4. Выявить проблемы их внедрения и предложить пути их решения.

Государственная политика в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года основывается на Конституции Российской Федерации, принципах и нормах международного права,

международных договорах Российской Федерации, а также на документах долгосрочного стратегического планирования [1]. Основными ее целями являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики.

Стратегические направления по государственному регулированию природоохранной деятельности определены Государственной программой Российской Федерации «Охрана окружающей среды» [2]. Федеральные проекты в рамках национального проекта «Экология» являются ключевыми инструментами реализации этой программы, охватывающими основные отрасли антропогенного воздействия.

Так, федеральный проект «Чистый воздух» направлен на снижение негативного воздействия на состояние атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах. По данным официальной отчетности, в 2024 году выбросы загрязняющих веществ в городах-участниках снизились на 20% относительно уровня 2017 года.

Федеральный проект «Сохранение лесов» реализуется с целью обеспечения баланса выбытия и воспроизводства лесов. По состоянию на 2024 год проект реализуется в 85 субъектах Российской Федерации, а показатель лесовосстановления и лесоразведения увеличился более чем на 40% за период его реализации [3].

Федеральный проект «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» нацелен на снижение вредного воздействия отходов на окружающую среду и вовлечение их в хозяйственный оборот. Особое внимание уделяется обращению с отходами I–II классов опасности, для чего реализуется отдельный федеральный проект «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности».

Как демонстрирует международный и отечественный опыт, социальные механизмы экологической политики представляют собой комплекс мероприятий, позволяющих обществу влиять на процесс принятия решений, осуществлять мониторинг их исполнения и оценивать экологические результаты. Эффективное использование этих механизмов требует создания многоуровневой системы.

Первый уровень этой системы включает институциональные механизмы, закрепленные на законодательном и административном уровнях. Обобщенно такие механизмы отражены в Таблице 1.

Таблица 1

Классификация институциональных социальных механизмов

Механизм	Сущность и задачи
1	2
Общественные экологические советы	Создание коллегиальных органов при органах власти разного уровня для экспертной оценки проектов, участия в разработке программ и проведения общественных слушаний
Общественная экологическая экспертиза	Законодательно закрепленная процедура, позволяющая гражданам и общественным объединениям оценивать документацию планируемой хозяйственной деятельности на соответствие экологическим требованиям

Окончание таблицы 1

<i>1</i>	<i>2</i>
Публичные слушания и обсуждения	Обязательные процедуры для проектов, оказывающих значительное воздействие на окружающую среду (например, строительство крупных объектов, изменение границ ООПТ)
Обеспечение доступа к экологической информации	Создание государственных и региональных открытых порталов о состоянии окружающей среды, выбросах, качестве воды, программах мониторинга

Второй уровень системы – информационно-коммуникативные механизмы, направленные на формирование прозрачности и стимулирование коммуникации между обществом и органами власти. Обобщенно такие механизмы отражены в Таблице 2.

Таблица 2

Классификация информационно-коммуникативных механизмов

Механизм	Сущность и задачи
Система общественного экологического мониторинга	Поддержка волонтерских проектов по сбору данных (например, мониторинг качества воздуха, воды, наблюдение за редкими видами). Технологии краудсорсинга и совместное использование данных с официальными структурами
Создание обратной связи	Создание удобных онлайн-платформ и мобильных приложений для оперативного информирования властей о нарушениях экологического законодательства (несанкционированные свалки, загрязнение водоемов)
Экологическая просветительская деятельность	Проведение кампаний, направленных на повышение экологической грамотности населения, что является основой для компетентного социального контроля

Третий уровень – гражданско-правовые и инициативные механизмы, инициируемые непосредственно гражданским обществом. Обобщенно такие механизмы отражены в

Таблица 3

Классификация гражданско-инициативных механизмов

Механизм	Сущность и задачи
Экологические инициативы и петиции	Сбор подписей под требованиями к органам власти о решении конкретной экологической проблемы или отмене экологически опасного проекта
Общественный экологический аудит	Независимая оценка деятельности предприятий органов власти на соответствие заявленным экологическим стандартам и нормам
Судебные механизмы	Поддержка права граждан обращаться в суд для оспаривания решений, нарушающих экологическое законодательство, и возмещения ущерба, причиненного окружающей среде

Представленные социальные механизмы имеют ряд сложностей при их внедрении. Наиболее распространенными проблемами являются:

- низкая эффективность общественных слушаний, которые часто носят формальный характер;
- ограниченный доступ к достоверной экологической информации;
- административные барьеры для признания результатов общественного мониторинга;
- недостаточный уровень экологической грамотности части населения.

Для преодоления указанных проблем целесообразно реализовать следующие направления.

1. Цифровизация: активное использование ГИС-технологий, больших данных и искусственного интеллекта для анализа общедоступных экологических данных.

2. Стимулирование «зеленой» корпоративной ответственности через механизмы публичного давления и рейтингов.

3. Развитие гражданской науки как инструмента сбора масштабных данных и повышения вовлеченности населения.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что государственное регулирование природоохранной деятельности осуществляется через разветвленную систему программных документов и федеральных проектов. Однако их эффективность напрямую зависит от вовлеченности гражданского общества.

Предложенная трехуровневая классификация социальных механизмов (институциональные, информационно-коммуникативные, гражданско-инициативные) позволяет системно подойти к организации общественного участия. Эффективное внедрение этих механизмов требует преодоления таких проблем, как формализм и низкая информационная открытость. Перспективным путем развития является интеграция формальных институтов с современными цифровыми инструментами и активным участием гражданского общества, что ведет к повышению качества и легитимности экологической политики.

Список литературы

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30.04.2012).
2. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» от 15.04.2014 №326 (ред. от 01.09.2025).
3. Рафаилов М.К. О реализации федерального проекта «Сохранение лесов» / М.К. Рафаилов, А.М. Аксенов // Лесохозяйственная информация. – 2025. – №2. – С. 29–36. DOI 10.24419/LHI.2304-3083.2025.2.02. EDN FOLQZI
4. Ежегодная общественная резолюция по охране окружающей среды и экологическому развитию Российской Федерации. XVI международный форум «Экология» 5–6 июня 2025 г. – М., 2025. – 222 с.
5. Суздалева А.Л. Биотехносфера: экология и безопасность жизнедеятельности: монография / А.Л. Суздалева, С.В. Горюнова. – М.: МГПУ, 2017. – 245 с.
6. Корженевская Е.И. Статистическая оценка и анализ природоохранной деятельности в регионе: дисс. ... канд. экон. наук. – М., 1991. – 283 с. EDN SFCRQH

Жукевич Виктор Генадьевич

студент

Соломко Илья Сергеевич

студент

Терещенко Олеся Валерьевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: проблема процесса становления казачества на Руси рассматривается в статье как результат длительного социально-исторического синтеза на южной периферии русских земель в XIII–XVI вв. Анализ письменных источников, археологических данных и историографии позволяет выделить ключевые факторы генезиса казачества: депопуляцию южных «окраин» после монгольского нашествия, постоянную угрозу кочевых набегов, миграцию социально мобильных групп и сохранение древнерусских воинских традиций. Особое внимание уделено дискуссии начала XX в. между казачьим краеведом Е.П. Савельевым и профессиональным историком П.П. Сахаровым, отражающей методологический конфликт между патриотической интерпретацией и академическим скепсисом. Авторы приходят к выводу, что казаки представляли собой не маргинальную вольницу, а институционализированную пограничную общность, сочетающую элементы общинной демократии, воинской этики и служебной лояльности Московскому государству.

Ключевые слова: казачество, пограничье, военизированные общины, историография, патриотизм, российская идентичность.

Становление казачества на Руси не может быть понято вне анализа пространственного и хронологического контекста – в первую очередь географической структуры южных рубежей древнерусских земель, последствий монгольского нашествия и трансформации пограничных зон в XIV–XV вв. Уже в домонгольский период на южных окраинах Черниговского, Северского, Рязанского и Ростово-Суздальского княжеств существовали так называемые «украины» – пограничные поселения, заселённые военно-служилыми общинами, несшими оборонительную службу. Термин «украина» (от «окраина», «край») встречается в «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи и обозначает не пустую, а функционально организованную зону, где сохранялись элементы древнерусской воинской самоорганизации при ослабленном княжеском контроле. Эти поселения отличались от центральных земель отсутствием развитой феодальной иерархии, высокой степенью военной мобилизационной готовности,

коллективным распоряжением земель и выборным принципом локального управления.

Монгольское нашествие 1237–1240 гг. нанесло катастрофический удар по южнорусским землям, приведя к масштабной депопуляции и экономической дезинтеграции. Археологические данные свидетельствуют, что более 70% сельских поселений Черниговщины и Северщины были разрушены и не возрождены в XIII–XIV вв. Однако опустошение носило преимущественно политический, а не демографический характер: археологические комплексы типа Сухого Солонца, Белоколодезского и Чертовского подтверждают непрерывное присутствие славянского населения в междуречье Дона, Днепра и Северского Донца вплоть до XIV в. Эти группы сохраняли традиции земледелия, рыболовства и военного ремесла, унаследованные от домонгольских пограничных общин.

В условиях ослабления центральной власти и постоянной угрозы со стороны кочевников (сначала Золотой Орды, затем Крымского ханства и Ногайской Орды) южные степи превратились в зону «структурной периферийности», где традиционные формы государственного управления уступили место самоорганизации. Эта территория, получившая в русских источниках название «дикой степи», не была пустыней, а представляла собой междуречье, в котором сохранялись и возрождались локальные формы общинной жизни. Именно здесь, в условиях отсутствия феодальной зависимости и при сохранении воинской культуры, начали появляться те общины, которые в середине XV в. впервые упоминаются как «казаки».

Важно подчеркнуть, что географическая периферийность не означала исторической маргинальности. Напротив, как отмечал Е.П. Савельев, «история целого государства не есть история его окраин», и пограничные зоны развивались по собственной логике, независимой от центра [1]. Критикуя «государственную» историографию (в первую очередь Н.М. Карамзина и Д.И. Иловайского), Савельев указывал, что «история окраин приносилась в жертву центра», а «выдающиеся события и стремления окраин замалчивались или объяснялись с точки зрения центра» [1]. Хотя его аргументация опиралась преимущественно на авторитеты (в частности, на ранние высказывания Карамзина о том, что «казачество древнее Батыева нашествия» [2], и на выводы И.Е. Забелина), на отражала интуитивное понимание того, что казачество – не побочный продукт социального кризиса, а закономерный результат пограничного взаимодействия.

Таким образом, историко-географические предпосылки становления казачества включают: сохранение древнерусских воинских традиций на южных рубежах, демографическую трансформацию после монгольского нашествия, длительное отсутствие централизованного контроля и постоянное давление кочевых сил. Эти факторы создали условия для возникновения устойчивых военизированных общин, которые, несмотря на гетерогенный социальный состав, выработали собственную систему управления, идентичности и военной этики – основу будущего казачества.

Становление казачества как исторического феномена на Руси неразрывно связано с процессами социальной мобильности и демографической перестройки на южных окраинах в XIII–XVI вв. Первые упоминания «казakov» в письменных источниках относятся к середине XV в.: в 1444 г. венецианский посол Лазаро Соранцо сообщает о «казаках» на Дону как о воинственных людях, не подчиняющихся ни Московскому княжеству, ни

Крымскому ханству; в 1483 и 1492 годах русские летописи упоминают казаков в контексте походов против крымских татар [1; 3]. Эти сообщения свидетельствуют не о спонтанном появлении «вольницы», а о существовании устойчивых военизированных общин, уже обладавших собственной идентичностью.

Социальный состав ранних казачьих общин был гетерогенным и включал как автохтонные, так и мигрантские элементы.

1. Остатки южнорусского населения, сохранившиеся после монгольского нашествия. Археологические данные подтверждают непрерывное присутствие славян в междуречье Дона, Днепра и Северского Донца с XIII в. Эти группы сохраняли традиции земледелия, рыболовства и военного ремесла, унаследованные от древнерусских пограничных общин – так называемых «окраин» [1].

2. Беглые крестьяне и холопы из центральных уездов Московского и Великого княжества Литовского. С середины XV в. усиление феодальной эксплуатации (введение «заповедных лет», «урочных лет», ограничение перехода в Юрьев день) способствовало массовому побегу с земель помещиков и вотчинников. Однако эти люди не были социальными изгоями, а составляли активный и трудоспособный слой, стремившийся к свободе и собственности на землю [4].

3. Служилые и дворцовые люди, утратившие положение в результате военно-политических потрясений (распад удельных княжеств, ликвидация удельной системы в Московии). Многие из них обладали воинскими навыками и легко вписывались в структуру казачьих отрядов.

4. Ремесленники, торговцы и монахи, искавшие убежища в степи от государственного контроля и церковной опеки. Некоторые из них становились основателями первых монастырей-крепостей (например, на Дону и Днепре), игравших роль культурных и религиозных центров.

Как отмечал Е.П. Савельев, казаки не могли быть «выработаны из гулящего люда» без традиции, воспитания и воинской дисциплины [1; 4]. Эта интуитивная критика «маргиналистской» парадигмы, хотя и лишённая строгой источниковой базы, указывает на важнейший аспект: казачество обладало институциональной устойчивостью, что невозможно в условиях чисто спонтанного скопления беглых.

Механизмы самоорганизации ранних казачьих общин строились на принципах воинской общины и пограничной автономии:

- круг – высший орган власти, на котором принимались решения о войне и мире, выборе атамана, распределении добычи и земли. Все казаки считались равными по праву участия в Круге, независимо от богатства или происхождения;

- атаман – выборный военачальник и административный представитель, обладавший властью только до тех пор, пока сохранял доверие общины;

- служба по прибору – система распределения казаков по военным и хозяйственным ролям: стрельцы, копейщики, пушкары, ремесленники, землемеры;

- земельная община – коллективное владение землей, исключавшее частную собственность в классическом смысле. Земля считалась «войсковой», а казак – ее временным пользователем при условии несения службы.

Православная идентичность – не только религиозный, но и идеологический маркер, противопоставлявший казаков «иноверцам» – татарам, ногаям, османам.

Эта система, получившая в историографии название «войсковой демократии», обеспечивала высокую степень мобилизационной готовности и социальной сплочённости. Как подчёркивал Савельев, казачья община была «народоправлением», в котором «воля народа выражалась не через представителей, а прямо на Кругу» [1].

Таким образом, социальная база казачества была разнообразной, но её объединяли общие цели – свобода от феодальной зависимости, защита земли и веры, коллективная безопасность. Именно эта синергия позволила казачьим общинам не только выжить в условиях «дикой степи», но и стать важным фактором в геополитике Восточной Европы.

К середине XVI в. казачество, возникшее как децентрализованная совокупность военизированных общин на южных рубежах Руси, оформилось в устойчивые военно-политические образования, обладавшие собственной территорией, административной структурой и внешнеполитической активностью. Наиболее яркими примерами стали Донское войско с центром в Черкасске, Запорожская Сечь по нижнему Днепру и Яицкое войско на реке Яик. Эти формирования, хотя и сохраняли значительную автономию, постепенно включались в систему отношений с централизованным Русским государством, что сопровождалось процессами как институционализации – закрепления внутренних норм и структур, так и легитимации – признания их статуса со стороны власти [5].

Институциональное оформление казачества проявилось в укреплении традиционных форм самоуправления. Войсковой Круг, ранее собиравшийся эпизодически по поводу военных походов или распределения добычи, превратился в регулярный орган высшей власти, принимающий решения по вопросам войны и мира, избрания атаманов, установления внутреннего порядка и регулирования землепользования. Атаманы, изначально избираемые лишь на время похода, стали пожизненными или длительно управляющими фигурой, сочетающей функции военачальника, дипломата и судьи. При этом их власть оставалась делегированной и могла быть отозвана в случае нарушения «казачьей правды» – неформального, но строго соблюдаемого кодекса чести, справедливости и коллективной ответственности [6].

Особое значение в укреплении институциональной устойчивости имела военно-административная организация по «прибору» – система распределения казаков по ролям в зависимости от возраста, физической подготовки и навыков: молодые служили копейщиками и стрельцами, зрелые – в конных отрядах, пожилые – в советах и управлении тылом. Такая структура обеспечивала высокую мобилизационную готовность и позволяла проводить длительные походы без нарушения хозяйственного уклада. Как отмечал Е.П. Савельев в работе «Войсковой круг на Дону, как народоправление», у казаков «не было ни податного, ни ревизского подворья, ни барщины, ни рекрутчины до Петра I – была только служба по прибору, добровольная и всеобщая» [7]. В его интерпретации войсковое управление представляло собой форму «народоправления», где «воля выражалась не через представителей, а прямо на Кругу», что, по его мнению, свидетельствовало не о «дикости», а о древности и демократичности уклада.

Процесс легитимации казачества со стороны Московского государства развивался постепенно и носил прагматический характер. Москва, осознавая военную ценность казаков, стремилась использовать их потенциал, не нарушая их автономии. Уже в 1550-е гг. донские казаки участвовали в походах на Казанское и Астраханское ханства, а в 1570 г. Иван IV Грозный официально подтвердил Донскому войску «вечную вольность», включая право на самоуправление, неприкосновенность земель и освобождение от податей при условии несения службы. Этот акт, хотя и не сохранился в оригинале, многократно упоминается в дипломатической переписке и грамотах последующего времени и, по оценке А.И. Агафонова, «закрепил статус Донского войска как союзника, а не подданного» [8].

Легитимация не означала подчинения: казаки сохраняли право на независимые походы (в том числе против Османской империи, с которой Москва поддерживала дипломатические отношения), что неоднократно вызывало дипломатические скандалы. Однако именно эта двойственность – одновременно «вольные люди» и «служилые на государево имя» – и составляла суть казачьего сословного статуса. Как писал Савельев, казак «служил не за жалованье, не за привилегии, а за веру, землю и царя», и потому его верность была не контрактной, а этической [1]. Хотя в такой формулировке явно прослеживается идеологизация прошлого, характерная для казачьей интеллигенции начала XX в., она отражает важный аспект – идентификацию службы с моральным долгом, что служило внутренним регулятором поведения даже в отсутствие государственного принуждения.

Таким образом, институционализация и легитимация казачества в XVI в. представляли собой не линейный процесс подчинения центру, а сложное взаимодействие, в котором государство признавало автономию казачьих общин в обмен на военную службу, а казаки – верховенство царя как символа православного порядка. Эта модель, основанная на взаимной выгоде и идеологическом консенсусе, обеспечила устойчивость казачества в течение последующих двух столетий и позволила ему стать одним из ключевых институтов российской государственности на периферии.

Дискуссия между Е.П. Савельевым и П.П. Сахаровым в 1910–1913 гг. отражает методологический кризис в изучении казачества [1; 9].

Савельев, уроженец ст. Константиновской, педагог и сотрудник Областного правления Войска Донского, выступал за патристическую историографию, нацеленную на восстановление «достоинства предков». В статье «К истории казачества. Как нужно писать историю» он критиковал «государственных» историков за то, что «история окраин приносилась в жертву центра». Он ссылался на Карамзина и Забелина, указывавших на древность казачества («древнее Батыева нашествия»), и утверждал, что «из гулящего люда не выработается лихой сабельник» [5; 10].

Сахаров, выпускник Харьковского университета, отстаивал академический подход, опираясь на Ключевского и Соловьёва. Он называл труды Савельева «наглой мистификацией» и «фантастическими домыслами» [2; 9; 11; 12].

Современная наука признаёт обоснованность критики Сахарова в плане методологии, но отмечает, что Савельев интуитивно улавливал глубинную связь казачества с древнерусской воинской традицией, игнорируемую центристской историографией [13].

Вопрос о происхождении казачества на протяжении двух столетий является одним из наиболее дискуссионных в отечественной

историографии. Классическая «маргиналистская» модель, восходящая к Н.М. Карамзину и Д.И. Иловайскому, трактовала казаков как «беглых» элементов, вытесненных на южные окраины в результате социально-экономических кризисов [1; 9; 13]. В противовес ей с конца XIX в. активно развивалась «патриотическая» парадигма, представленная в трудах казачьих краеведов, в первую очередь – Е.П. Савельева, который настаивал на древности и благородстве корней казачества [1]. Современная наука, опираясь на междисциплинарный подход, стремится преодолеть эти полярные модели, рассматривая казачество как продукт сложного взаимодействия геополитических, социальных и культурных факторов [3; 14; 15].

Таким образом, становление казачества на Руси было обусловлено не случайным скоплением беглых, а закономерным процессом адаптации к условиям пограничной зоны. Казачество возникло как институционально устойчивая общность, сочетающая:

- элементы древнерусской дружинной культуры;
- опыт самоуправления;
- военную мобильность;
- лояльность Московскому государству при сохранении автономии.

Это объясняет, как военную эффективность казаков, так и их устойчивость в исторической перспективе. Дискуссия Савельева и Сахарова остается важным историографическим эпизодом, напоминающим о необходимости баланса между патриотической мотивацией и академической строгостью.

Список литературы

1. Савельев Е.П. Древняя история Казачества (Историческое исследование) / Е.П. Савельев. – Новочеркасск: Донской Печатник, 1915. – 193 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории: в 9 т. Т. II / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987.
3. Терещенко О.В. История и культура казачества: учебник / О.В. Терещенко, С.В. Жабчик, М.В. Гринь. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – 295 с.
4. Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора / Е.П. Савельев. – Новочеркасск, 1908. – 32 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. V / Н.М. Карамзин. – М.: Мысль, 1993. EDN VMPLTB
6. Савельев Е.П. Атаман М.И. Платов и основание города Новочеркасска / Е.П. Савельев. – Новочеркасск, 1906. – 48 с.
7. Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону, как народоправление: ист. очерк / Е.П. Савельев. – 3-е изд. – Новочеркасск, 1917. – 16 с.
8. Агафонов А.И. От земли Донского войска к Области войска Донского (середина XIX – начало XX века) / А.И. Агафонов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – №3(195) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-zemli-donskogo-voyska-k-oblasti-voyska-donskogo-seredina-xix-nachalo-hh-veka> (дата обращения: 25.11.2024).
9. Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного / П.П. Сахаров // Донские областные ведомости. – 1910–1912. – №164, 167, 170.
10. Савельев Е.П. К истории казачества. (Как нужно писать историю) / Е.П. Савельев // Донские областные ведомости. – 1911. – №65. – С. 3.
11. Сахаров П.П. Заметка по поводу исторической неверности / П.П. Сахаров // Донские областные ведомости. – 1910. – №217. – С. 2.

12. Сахаров П.П. Развитие историографии вольного русского казачества (Критико-библиографический очерк): рукопись / П.П. Сахаров. – 1957. – РОМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15.

13. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение / А.В. Сопов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academica.edu/16788364> (дата обращения: 25.11.2024).

14. Терещенко О.В. Участие молодежи в деятельности общественных казачьих организаций / О.В. Терещенко, М.В. Зайцева, М.В. Зацеляпин // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей (Армавир, 06–07 декабря 2023 г.). – Армавир: Магарин Олег Григорьевич, 2024. – С. 148–151. EDN DQVKQV

15. Сущенко М.А. Роль интернета в развитии гражданского общества России и КНР / М.А. Сущенко // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №2(33). – С. 504–506. EDN OXJYAT

Казумов Тимур Эльмарович
студент

Научный руководитель
Крупа Татьяна Альбертовна
канд. социол. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
г. Владивосток, Приморский край

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДИССИДЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ФОНЕ ИСТОРИИ СССР В 1950–1980-е гг.

Аннотация: в статье анализируются особенности изучения диссидентского движения в СССР в 1950–1980-е гг. Автор статьи отмечает, что диссидентское движение как социальный процесс рассматривается на фоне истории государства в указанный период. Необходимость в детализации этой темы возникает в связи с включенностью этого блока в курс Истории России для неисторических специальностей.

Ключевые слова: диссиденты, диссидентское движение, история СССР, этапы диссидентского движения.

В Концепцию преподавания Истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки в разделе «Апогей и кризис советского общества» включена тема – Феномен диссидентского движения. В Дальневосточном федеральном университете в учебной дисциплине История России в плане семинара «Эпоха позднего социализма и перестройка в СССР (1965–1991 гг.)» есть тематический блок «Диссидентское движение». Кроме того, в содержание курса лекций включена тема: «СССР в середине 60-х – середине 80-х гг. XX в.», где рассматриваются сущность и причины диссидентского движения. Поэтому у педагогического сообщества есть запрос на детализацию этой темы и особенности ее преподавания на I курсе студентам неисторических специальностей. С предложением возможного структурирования этой темы в данной статье будут рассмотрены причины диссидентского движения, этапы его

развития на фоне истории государства, методы борьбы диссидентов с властью и реакция государства на деятельность диссидентов.

Понимание актуальности этой темы вытекает из необходимости изучать исторический процесс диссидентства, чтобы понимать противоречия в сути движения диссидентов и осознавать результаты их деятельности. С одной стороны, страна нуждалась в оздоровлении, это факт, но с другой стороны, диссиденты сработали на уничтожение государства.

Исторический опыт диссидентского движения необходимо правильно понимать и оценивать, чтобы впредь не допускать центробежных тенденций, приводящих к дестабилизации обстановки в обществе.

Прежде, чем рассуждать о причинах диссидентского движения в СССР, нужно обратиться к базовым понятиям. Диссидент – несогласный, инакомыслящий – это гражданин, не разделяющий господствующую в государстве официальную идеологию. Диссидентство – это движение советских граждан в 1960–1980-е гг., оппозиционно настроенных по отношению к политике властей и ставивших цель либерализации политического режима в СССР.

Причины диссидентского движения:

- политические – однопартийная система, лишавшая общество демократического выбора, запрет на деятельность оппозиции, введение цензуры;
- социально-экономические – недовольство уровнем жизни в СССР, противоречия экономической политики СССР;
- религиозные – государственная антирелигиозная политика.

Методы борьбы диссидентов с властью.

1. Написание обращений к официальным властям и в международные организации, правительствам демократических стран о «нарушении прав человека» в СССР.

2. Издание и распространение рукописных и машинописных изданий (самиздат).

3. Публикация произведений за рубежом без разрешения советских властей (тамиздат).

4. Создание нелегальных организаций.

5. Организация открытых выступлений.

Реакция государства на деятельность диссидентов.

1. Лишение свободы или высылка за границу, помещение в психиатрические лечебницы.

2. Судебное преследование.

3. Запрет на творческую деятельность.

В зависимости от форм и содержания данного движения, выделяют шесть этапов.

У студентов должно сформироваться понимание, как диссидентское движения вписано в историю СССР 1950–1980-х гг. Для этого целесообразно выделить этапы движения.

Первый этап – «Зарождение». Хронологические рамки определены XX Съездом КПСС и концом правления Н.С. Хрущева (1956–1964 гг.). Главные атрибуты присущие периоду «Зарождения» это появление неформального инакомыслия, рефлексия на тему нынешнего советского общества и репрессий советской власти. Пробуждение дискуссий в широких кругах интеллигенции, студентов, молодёжи, появление критического мышления и осмысления. На начальном этапе это проявлялось в

снижении страха перед репрессиями и как поиск рамок дозволенного. В этот период появилась яркая черта диссидентского движения – самиздат. Появляется традиция первых публичных выступлений, периодические собрания и демонстрации у памятника В.В. Маяковскому [1, с. 210–215]. Этот этап был важен как время формирования основы для расширения деятельности в будущем.

Второй этап – «Начало открытых выступлений». Хронологические рамки второго этапа датированы 1965–1967 гг. В 1965 г. началось дело А. Синявского и Ю. Даниэля, показательным действием власти на фоне общего роста репрессий. Граница в виде 1967 г. обусловлена событиями в будущем 1968 г., а именно восстанием в Чехословакии, которое произвело большое влияние на консолидацию диссидентов. Диссиденты переходят к активным формам протеста и зарождению правозащитной деятельности. Дело Синявского и Даниэля собрало несанкционированный митинг, названный «Митингом гласности» [1, с. 217–218]. Власть отреагировала на это более решительными методами и средствами. Происходит рост репрессий в отношении несогласных, власть пытается изменить «правила игры». Это отражается в изменении ст. 190 УК РСФСР с целью легче подвести «антисоветские элементы» под статью [2, с. 22]. Участники митингов арестовывают, судят. Данный этап характерен формированием ядра правозащитного движения, укреплением общей идеологии.

Третий этап – «Консолидация». Хронологические рамки обусловлены началом подавления восстания в Чехословакии в 1968 г. и заканчивается 1972 г., в который начались массовые «чистки» среди диссидентов. Диссиденты начинают осознавать общность интересов. Ввод войск в Чехословакию окончательно отталкивает диссидентов от идей легального давления на власть и изменений сверху [3, с. 78]. Продолжается рост самиздата, устанавливается связь с зарубежными радиостанциями и новостными изданиями для трансляции им событий напрямую, чтобы поднять ажиотаж на международный уровень [4, с. 419].

Власть реагирует усилением репрессий. Появляется новый вид репрессий по политическим мотивам – принудительные психиатрические карательные меры. Диссидентов начинают заключать в психбольницы [5]. В этот период появились основные признаки, яркие черты движения.

Четвертый этап, названный «Кризисом», связан с усилением репрессивных действий советской власти. В 1972 г. начались массовые аресты. Многие видные деятели были принудительно отправлены в психиатрические лечебницы, другие эмигрировали. Выслан из страны А. Солженицын в 1974 г. Несмотря на жесткие репрессии, диссидентское движение показало свою способность к адаптации. В условиях, когда многие лидеры оказались изолированы, А.Д. Сахаров взял на себя ключевую роль. Его авторитет, взаимодействие с западными СМИ и правозащитными группами, помогли движению сохранить преемственность [6, с. 31]. Благодаря усилиям по распространению информации через тамиздат (публикации за рубежом), диссиденты смогли перегруппироваться. Это показало, что несмотря на попытки властей подавить движение, оно имело поддержку извне, что позволило ему выстоять.

Пятый этап – Хельсинский период – один из самых значимых в развитии движения. Его отправной точкой послужило подписание СССР Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе

(СБСЕ) в Хельсинки 1 августа 1975 г. Это соглашение, хотя и было призвано закрепить послевоенные границы и укрепить разрядку, содержало так называемую «третью корзину», посвящённую гуманитарным вопросам и правам человека [7]. Она включала положения о свободе информации, контактов и соблюдении прав человека, что предоставило диссидентам легальную основу для их дальнейшей деятельности [8, с. 421].

Хельсинкские соглашения придали международную легитимность движению. Особенностью этапа стало создание Московской Хельсинкской Группы в 1976 г. под председательством физика-правозащитника Юрия Орлова. Основной целью группы стал мониторинг выполнения СССР своих обязательств по Хельсинским соглашениям [9, с. 16].

Изначально советское руководство недооценило потенциал «третьей корзины» и то, как она будет использована диссидентами. Однако, когда деятельность Хельсинкских групп набрала обороты и стала, власти перешли к репрессиям. С 1977 г. начались массовые аресты членов Хельсинкских групп по обвинениям в «антисоветской агитации и пропаганде», многие были арестованы, подвергнуты показательным судам и приговорены к длительным срокам в лагерях строгого режима или ссылке [10]. Несмотря на репрессии, Хельсинкский период оказался невероятно продуктивным. Он связал борьбу за права человека в СССР с международными обязательствами страны.

Шестой этап – «Закат». Последний период диссидентского движения охватывает начало-середину 1980-х годов. После Олимпиады-80 и ввода советских войск в Афганистан, политический режим СССР усилил давление, стремясь полностью подавить инакомыслие. В первой половине 1980-х годов власти проводили политику максимального подавления. Цель состояла в полной «зачистке» диссидентского поля перед лицом внутренних проблем и обострения международной обстановки.

Диссидентское движение, если мы понимаем его как движение за гласность и соблюдение прав и свобод человека, закончилось с началом перестройки. Такое движение не может существовать в условиях, когда вся страна стал одним большим диссидентом. С приходом к власти М.С. Горбачева в 1985 г. и провозглашением политики «гласности» и «перестройки» ситуация радикально изменилась, трансформируя саму суть инакомыслия [1, с. 296–303]. С началом «перестройки» государство начало легализовывать многие идеи, за которые выступали диссиденты. Были освобождены политические заключённые, появились новые свободы слова и собраний. Многие бывшие диссиденты активно включились в общественно-политическую жизнь, возглавили новые демократические движения, став лидерами общественного мнения.

В итоге, шестой этап стал своего рода торжеством идей диссидентства. Движение, как организованная сила, постепенно растворилось в широком потоке перестроечных преобразований, но его моральный авторитет и интеллектуальный вклад оказали огромное влияние на формирование общественного сознания, подготовив почву для демократических изменений и, в конечном счете, для распада Советского Союза.

В целом, в методических целях, соответствующих пониманию этого исторического процесса, формирование конкретной периодизации диссидентского движения является непростой задачей по причине сильной неоднородности этого явления.

Таким образом, учитывая особенности изучения этой темы, необходимо понимать, что диссидентское движение тематически разделено на шесть этапов, каждый из которых характеризуется определённой формой организации, методами действий и идей диссидентов, связанной с теми общественно-политическими задачами, которые было необходимо решать в текущих исторических обстоятельствах.

Для закрепления материала, в ходе практического занятия можно предложить заполнить таблицу: установить соответствие между диссидентом и фактом его биографии. Подбор имен диссидентов может быть таким: Александр Сахаров, Александр Солженицын, Андрей Синявский, Иосиф Бродский, Юлий Даниэль. Прочитав факт биографии, нужно подобрать имя диссидента, кому это соответствует. Например, факты из биографии Александра Сахарова могут быть представлены таким образом: В 1970 г. совместно с другими советскими физиками основал комитет «За права человека». Выступал за отмену цензуры и политических судов, против содержания диссидентов в психиатрических больницах. В 1975 г. написал книгу «О стране и мире», в которой критиковал советский режим и предлагал программу реформ. В 1976 г. был избран вице-президентом Международной лиги прав человека. Выступал против ввода советских войск в Афганистан.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период / Л.М. Алексеева. – М., 2012. – С. 210–215.
2. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе 1953 – 1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. – М., 2005. – С. 22.
3. Иофе В.В. Ленинград: История сопротивления в зеркале репрессий (1956–1987) / В.В. Иофе // Границы смысла: ст., выступления, эссе. – СПб., 2002.
4. Кузьменко Д.А. Советское диссидентство и власть: к вопросу эволюции форм и методов взаимодействия / Д.А. Кузьменко // Гуманитарий. – 2019. – Т. 19. №4(48). – С. 419.
5. Протесты в связи с процессом // Хроника текущих событий. Вып. 1: мемориал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hts.memo.ru/> (дата обращения: 16.06.2025).
6. Стрелец М.В. Правозащитное движение в СССР в эпоху Л.И. Брежнева: некоторые аспекты истории / М.В. Стрелец // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2013. – №3(40). – С. 31
7. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. 1 августа 1975 года. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/helsinki-final-act> (дата обращения: 13.06.2025).
8. Ратахин Н.В. Движение диссидентов в СССР / Н.В. Ратахин // NovaUm.Ru. – 2017. – №7. – С. 16. EDN YUOQAZ
9. Дело Орлова-Гизунбурга // Хроника текущих событий. Вып. 45: мемориал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hts.memo.ru/index.htm> (дата обращения: 16.06.2025).

Лупова Людмила Николаевна

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос трансформации системы научно-исследовательской работы студентов высших учебных заведений Чувашской Республики в начале 1990-х годов в условиях социально-экономического кризиса. Исследование охватывает ключевые аспекты реорганизации высшего образования в период перехода к рыночной экономике, включая сокращение государственного финансирования, введение платного обучения и изменение требований к профессиональной подготовке выпускников. Особое внимание уделяется анализу деятельности ведущих вузов региона: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, ЧГПИ им. И.Я. Яковлева, ЧФ РУК и ЧСХИ. В работе подробно исследуются две основные формы организации научной работы студентов: учебно-исследовательская деятельность в рамках образовательного процесса и внеучебная исследовательская работа. Представлены количественные показатели вовлеченности студентов в научную деятельность, описаны методы организации научно-исследовательской работы, а также меры по её совершенствованию.*

***Ключевые слова:** высшее образование, научно-исследовательская работа, студенчество, вузы Чувашии, 1990-е годы, трансформация образования, студенческая наука.*

Начало 1990-х годов стало переломным моментом в истории нашей страны. Этот период во многом определялся глубоким социально-экономическим кризисом, который проявился в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, произошло разрушение хозяйственных связей внутри государства. Параллельно с этим наблюдалось масштабное сокращение государственной поддержки различных секторов народного хозяйства. Особенно болезненным стало то, что под удар попали и сферы, традиционно находившиеся на попечении государства, включая высшее образование. Эти процессы оказали существенное влияние на дальнейшее развитие страны и формирование её современного облика. Кардинальные перемены в экономической жизни страны, связанные с переходом к рыночным отношениям, повлекли за собой существенное обновление требований к профессиональной подготовке выпускников высших учебных заведений. По мнению А.С. Ибрагимова, «выпускник вуза должен был не просто обладать определенным уровнем компетенций, но уметь адаптироваться к изменяющимся условиям, усваивать новые компетенции и совмещать функции различных специальностей... Вузам требовались новые кадры из числа предпринимателей и специалистов, реально работавших в условиях конкурентной экономики» [5, с. 57].

В начале 1990-х годов система высшего образования претерпела серьёзные изменения: произошло резкое сокращение государственного финансирования, было введено платное обучение в отдельных вузах, а впоследствии стоимость образовательных услуг значительно возросла, что существенно усугубило социальное неравенство при доступе к высшему образованию. Как результат, происходил процесс падения престижности высшего образования, наблюдалось прекращение роста студентов [6].

Переход высшего образования на многоуровневую систему подготовки специалистов отразился и на структуре регулирования отдельных сторон студенческой жизни в регионах. Активное включение рыночных отношений в молодежную среду стало решающим фактором форсированного оттока обучающейся в ВУЗах молодежи из традиционных форм студенческой активности. Одной из сфер данного процесса является и научно-исследовательская деятельность (далее – НИР).

Ключевые высшие учебные заведения в Чувашии – Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (далее – ЧГУ им. И.Н. Ульянова), Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева (далее – ЧГПИ им. И.Я. Яковлева), Чебоксарский филиал Российского университета кооперации (далее – ЧФ РУК) и Чувашский сельскохозяйственный институт (далее – ЧСХИ) играли определяющую роль в формировании новой системы организации научных исследований в системе высшего образования региона.

На рубеже 1990-х годов совершенствование и структурирование научной работы учащихся высших учебных заведений Чувашии осуществлялось по двум основным формам: учебно-исследовательская деятельность студентов в рамках образовательного процесса и исследовательская работа, выполняемая во внеучебное время. Основной целевой аудиторией оставались студенты очной формы обучения в связи с постоянством состава контингента и системной организацией мероприятий в области студенческих исследований.

На начало 1991 г. охват студентов, которые были включены в различные формы активности в области научно-исследовательской деятельности, был весьма высоким. Так, в ЧФ РУК из 741 человека, числившегося на очной форме обучения, в организации и проведении научных мероприятий, конференций и выставок в учебное время было охвачено 675 человек (т. е. свыше 90%), во внеучебное время – 479 человек (т. е. 64%) [1, л. 14].

В конце 1990 года в Чувашском сельскохозяйственном институте. В ЧСХИ в конце 1990 г. наблюдалась высокая вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность, где было охвачено 1217 студента из 1558, что составляло 76,2%. При этом первокурсники, как правило, вели исследования на кафедрах общественных и общеобразовательных наук, а начиная с третьего курса, включались в научную работу специальных кафедр [1, л. 13].

Классической оставались методы в организации учебно-исследовательской деятельности среди студенческой молодежи, которые для всех высших учебных заведений включали в себя подготовку рефератов, переводы научных статей с элементами поиска; лабораторные занятия исследовательского характера; научные исследования в период прохождения производственной и преддипломной практики, лекционная пропаганда на селе, просмотр научных фильмов, выполнение курсовых работ на

материалах конкретной кооперативной организации, экскурсии на предприятия и в организации потребкооперации, подбор и анализ специальной литературы и периодической печати [1, л. 14].

Организация научно-исследовательской деятельности студентов в вузах Чувашии стала регламентироваться различного рода планами и положениями, которые разрабатывались с учетом специфики научного потенциала самого учреждения, а также с учетом привлекательности для занятия научными исследованиями студентов. В 1992–1993 гг. такие планы уже были созданы и утверждены всеми рассматриваемыми высшими учебными заведениями в Чувашии. В дополнение к планам отдельные вузы также разрабатывали методические указания по организации научно-исследовательской работы студентов. Стоит отметить, что при разработке данных документов в их основу закладывалось «единство учебной, научной и воспитательной работы, а также взаимодействие всех форм и методов научно-исследовательской деятельности студентов как в учебном процессе, так и вне его, непрерывность научной активности студентов в течение всего периода обучения» [1, л. 14]. Перевод области научных исследований среди студенческой молодежи в рамки регулируемого планирования позволило руководству вузов регламентировать как вопросы финансового обеспечения, так и кадровые проблемы в области научного руководства и наставничества над студентами.

Сложнее обстояло дело с процессом организации научно-исследовательской деятельности во внеучебное время. Образовательные учреждения региона придерживались единого подхода к работе со студентами, который предусматривал деятельность студенческих кружков на кафедрах, организацию предметных олимпиад, проведение конкурсов и научных конференций.

Несмотря на общую схожесть, в системе подготовки студентов прослеживались индивидуальные черты, связанные со специализацией каждого вуза республики. Так, в ЧФ РУК, специализировавшемся на подготовке специалистов в области экономической деятельности, стало развиваться студенческое экономическое бюро. Особую популярность набирал и научно-производственный студенческий отряд, члены которого имели возможность получать научно-практический опыт на базе производственных предприятий республики.

Студенческие научные объединения в формате кружков сохраняли свое главенствующее значение в исследовательской работе. Именно кружковая деятельность смогла сконцентрировать основной контингент обучающихся в переходный период в развитии страны и фактически сохранить научно-исследовательский потенциал высших учебных заведений в Чувашии. Так, в ЧКИ РУК в 1991 г. в филиале работало 10 студенческих научных кружков, в которых занималось 479 студентов [1, л. 14], в то время как в ЧГУ им. И.Н. Ульянова их насчитывалось 18 с охватом в 2507 студентов [2, л. 11].

Продолжали организовываться и проводиться научные конференции, на которых студенты под руководством научных руководителей из числа профессорско-преподавательского состава смогли демонстрировать результаты своей научной деятельности. Тематика научных конференций регламентировалась направлениями научно-исследовательской деятельности конкретного вуза, но и давала возможность проводить

межвузовские научные мероприятия, на которых студенческая молодежь активно обменивалась наработками и идеями. Однако к середине 1990-х гг. количество межвузовских мероприятий в сфере научных исследований снижается по причине резкого сокращения финансирования системы высшего образования. Деятельность была продолжена в направлении организации и проведения внутривузовских научных конференций с возможностью представлять свои работы с выездом за пределы Чувашии в головные вузы (как например в ЧФ РКИ).

Несмотря на тяжелое финансовое положение, в высших учебных заведениях Чувашии сохранялась практика отправки лучших студенческих научных работ на всероссийские конкурсы, которые нередко завоевывали призовые места. В 1991 г. исследовательский труд студента ЧГУ им. И.Н. Ульянова получила диплом Всероссийского тура конкурса студенческих работ по разделу «Машиностроение», а всего на Всероссийский конкурс НИР студентов их было представлено 13 [3, л. 1].

Часть высших учебных заведений республики увеличила количество проводимых научных мероприятий различного формата с целью количественного охвата студентов, вовлеченных в научную деятельность. В ЧФ РУК в 1991 г. было проведено 15 студенческих научных конференций, в которых приняли участие 236 студентов. Ими было подготовлено 209 докладов [1, л. 14]. Одна из студенческих научных работ была представлена на межвузовской научной конференции (студенческой) в головном вузе – МКИ. В практике ЧГУ им. И.Н. Ульянова закрепилось проведение единой масштабной студенческой конференции с охватом всех факультетов. Так, в 1992 г. в ней приняло участие 1768 человек, из которых 1403 человека – студенты. На конференцию были приглашены из педагогического института 25 человек. Из планировавшихся 726 докладов заслушано 533 доклада, подготовленных 864 авторами [3, л. 1].

Постепенно к середине 1990-х гг. в рамках сохранения показателей в области научно-исследовательской деятельности студентов, актуализировалась задача научно-методического сопровождения работы студенческих кружков и объединений. Повсеместно воссоздавались или получали новый импульс в развитии Советы по НИР студентов на уровне кафедр, факультетов и университетов в целом. Продолжал практиковаться опыт назначения руководителями научных кружков на кафедрах из числа ответственных преподавателей и старостами из числа студентов [3, л. 1].

Несмотря на это, динамика количественных и качественных показателей НИР среди студентов к середине 1990-х гг. неуклонно становилась отрицательной. При обсуждении этого вопроса на ректоратах высших учебных заведений Чувашской Республики стали выдвигаться меры закрепления персональной ответственности по кафедрам за выполнение показателей НИР, рациональные предложения по мотивации и стимулированию научно-исследовательской деятельностью как среди профессорско-преподавательского состава, так и среди студентов. Так, например, в мае 1993 г. на заседании ректора в ЧСХИ при обсуждении вопроса об итогах работы в области НИР были обозначены следующие условия:

- 1) надо предъявлять более жесткие требования при проведении по конкурсу на замещение должностей;

- 2) должна быть связь с учебной работой (индивидуальные графики для студентов, занимающихся наукой);

3) создать в масштабах института фонд премии и проведение конкурсов;
4) организовать постоянно движущиеся выставки лучших работ студентов [4, л. 49].

В ЧГУ им. И.Н. Ульянова программа по развитию НИР среди студентов была представлена шире и включала в себя конкретные мероприятия в области изменения самой структуры управления этой работой. Фундамент данной программы составил многолетний опыт работы Студенческого научного общества, функционировавшего с момента основания университета. С 1992 г. в состав советов факультета стали включать научных руководителей СНО и председателей советов СНО, а в состав Ученого совета университета был введен научный руководитель СНО ЧГУ и председатель совета СНО [7, л. 201].

С 1992 г. в практике ЧГУ им. И.Н. Ульянова стало проведение внутри-вузовского конкурса на лучшую практику НИР, что способствовало сохранению контингента студентов, систематически занимающихся научными исследованиями в первой половине 1990-х гг.

Одним из уникальных проектов решения в области развития научно-исследовательской работы среди студентов, предложенных вузами республики, можно назвать идею ЧГУ им. И.Н. Ульянова по привлечению финансовых и производственных средств предприятий города для формирования фонда НИРС [3, л. 2] (реализация этого проекта начнется во второй половине 1990-х гг.).

Таким образом, система научно-исследовательской работы студентов высших учебных заведений Чувашии в начале 1990-х гг. подверглась трансформации, связанной с неустойчивыми социально-экономическими и политическими условиями в стране и регионе. Снижение количества студентов, вовлеченных в научную работу, и уменьшение объемов финансирования научных исследований заставили администрацию вузов разрабатывать инновационные подходы к организации и методическому сопровождению научно-исследовательской деятельности, а также сосредоточиться на совершенствовании существующих методов работы.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2641. Оп 1. Д. 494.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2453. Оп 1. Д. 5210.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2453. Оп 1. Д. 5179.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1512. Оп 3. Д. 2612.
5. Ибрагимов А.С. Трансформация высшего образования России в 1990-е гг. / А.С. Ибрагимов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Социальные науки. – 2020. – №3. – С. 55–58.
6. Kuznetsova N. Education in Russia: The Evolution of Theory and Practice / N. Kuznetsova, I. Peaucelle // PSE Working Papers. – 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shs.hal.science/halshs00586750/document> (дата обращения: 01.08.2025).
7. Соловьев О.В. Развитие системы высшего образования в Чувашии (конец XX – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, Чувашский гос. ун-т, 2019. – 201 с. EDN SQOFAC

Рожков Иван Александрович

студент

Научный руководитель

Тереженко Олеся Валерьевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ: ПОЧЕМУ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ ЧАСТО ВСТРЕЧАЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Аннотация: в статье рассматривается вопрос цикличности реформ и контрреформ в России как фактора, определяющего особенности ее модернизации. Анализируются причины сопротивления преобразованиям в разные периоды, начиная с реформ Петра I и заканчивая современными политическими процессами. Определяются социокультурные и институциональные паттерны, мешающие последовательной модернизации. Подчеркивается противоречие между технологическим развитием и сохранением политических институтов. Статья важна в контексте современных проблем глобальной конкуренции и технологической независимости.

Ключевые слова: модернизация, реформы, контрреформы, традиционное общество, политические институты, технологическое развитие, исторические циклы, социальное сопротивление.

Российская история – это колебание между модернизацией и сопротивлением переменам. Этот парадокс, заключающийся в чередовании реформ и контрреформ, определяет модель развития России. Со времен Петра I любая попытка преобразования встречала противодействие, приводящее к отказу от преобразований [1].

Актуальность работы связана с осмыслением модернизации в контексте исторических закономерностей. Сейчас Россия снова столкнулась с необходимостью технологического прорыва в условиях санкций и конкуренции. Понимание причин сопротивления реформам помогает выработать стратегии развития, учитывающие исторический опыт.

Цель статьи – определить причины сопротивления модернизации в России через анализ исторических периодов реформ и контрреформ. Для этого были поставлены следующие задачи:

- проанализировать характерные особенности реформаторских циклов;
- выявить общие паттерны сопротивления изменениям;
- определить роль различных социальных групп в процессах модернизации;
- оценить перспективы преодоления исторической инерции в современных условиях.

Понятие модернизации в России требует теоретического осмысления. В отличие от западной модели, где модернизация была процессом трансформации общества в индустриальное, в России она чаще была

догоняющей и осуществлялась сверху [2]. Такой подход предполагал внедрение институтов без изменения массового сознания.

Цикличность реформ и контрреформ можно рассматривать как противоречие между технологическим и экономическим развитием и стремлением сохранить политические институты. Это противоречие создаёт модель ограниченной модернизации, когда заимствуются внешние формы западного опыта без изменения властных отношений [3; 4].

Важным теоретическим аспектом является анализ роли социальных групп в преобразованиях. В России инициатором реформ была власть, а основные социальные слои (дворянство, крестьянство, духовенство) часто занимали консервативную позицию, видя в переменах угрозу интересам и традиционному укладу.

Правление Петра I – пример революции сверху, когда модернизация проводилась административными методами. Преобразования затронули все сферы жизни: государственное управление, армию, экономику, культуру и быт. Создание армии и флота, реформа системы, развитие промышленности – всё это было направлено на преодоление отставания России от Европы.

Реформы Петра I встретили сопротивление социальных групп. Аристократия видела в переменах угрозу привилегиям, духовенство – покушение на ценности православия. Восстания стрельцов, Астраханское восстание, восстание Булавина стали проявлениями сопротивления [5].

Методы преодоления сопротивления были жёсткими. Петр I вёл агрессивную борьбу с противниками своих реформ, что вызвало различные преобразования в обществе, повлиявшие на историю России. Несмотря на успех петровских преобразований, они так и не смогли в должной мере модернизировать государство в целом.

XIX в. ознаменовался стремлением встать на путь серьёзных изменений в российском обществе, но при этом сохранить прежние устои. В начале века Александр I запустил череду либеральных преобразований, которые тем не менее ни к чему не привели. Реформы Александра II, особенно отмена крепостного права в 1861 г., были более логичными. Эти изменения помогли России перейти к капитализму. Но не все были довольны: консерваторы не хотели перемен, а радикалы хотели большего.

Контрреформы Александра III показали, что существующие порядки сильны, а перемены должны происходить постепенно. Усиление контроля, пересмотр системы, ужесточение цензуры – всё это было направлено на сохранение власти в условиях модернизации [6].

В этот период интеллигенция формируется как социальная группа, оппозиционно настроенная к системе. Раскол между властью и образованными слоями стал фактором, определившим революцию.

Советский период – это пример модернизации, осуществлявшейся под лозунгом разрыва с прошлым, но сохранившей черты государственности. Индустриализация 1930-х годов позволила создать промышленную базу, но сопровождалась социальными издержками.

Реформы (хрущёвская оттепель) были ограничены и постоянно наталкивались на сопротивление аппарата. Период застоя можно рассматривать как контрреформу, когда консервативные тенденции возобладали над попытками обновления системы [7].

Крах советской модели показал ограничения модернизации в рамках централизованной системы. Однако и переход к рыночной экономике в 1990-е годы столкнулся с проблемами сопротивления переменам.

Современная Россия испытывает влияние исторических закономерностей реформаторских циклов. Период реформ 1990-х гг. сменился укреплением государственности и возвратом к моделям управления. Это отражает чередование периодов открытости и закрытости, либерализации и усиления контроля.

Сейчас важна технологическая модернизация в условиях внешнего давления и санкций. Как и в предыдущие эпохи, возникает противоречие между потребностью в инновациях и стремлением сохранить стабильность. Опыт истории показывает, что разрешение этого противоречия требует баланса между заимствованием западных практик и учётом национальной специфики [8].

Перспективы успешной модернизации связаны с преодолением разрыва между государством и обществом, формированием консенсуса относительно целей развития. Важную роль может сыграть осмысление исторического опыта, позволяющее избежать ошибок.

Анализ исторической динамики реформ и контрреформ в России позволяет сделать вывод о сопротивлении модернизации. Это сопротивление обусловлено социокультурными и институциональными факторами:

- противоречие между необходимостью технологического развития и сохранением традиционных политических институтов;
- разрыв между инициативой «верхов» и пассивностью «низов»;
- отсутствие широкого общественного консенсуса относительно целей и методов преобразований.

История показывает, что модернизация возможна только при условии преобразования экономических, политических и культурных институтов. Частичные реформы, не подкреплённые изменением общественного сознания, встречают сопротивление и могут приводить к контрреформам [9].

Современные проблемы делают осмысление исторических уроков модернизации важным. Понимание причин сопротивления переменам позволяет разрабатывать стратегии развития, учитывающие потребности времени и особенности России.

Список литературы

1. Терещенко О.В. История России: учебник / О.В. Терещенко, С.Я. Кошкокова, С.В. Хоружая. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2024. – 192 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта Т. 1 / А.С. Ахиезер. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 458 с.
3. Пантин В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Дубна: Феникс+, 2020. – 312 с.
4. Иваненко И.Н. Политико-управленческая традиция: историософский анализ / И.Н. Иваненко, М.В. Гринь, О.В. Терещенко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №5. – С. 102–107. EDN SDWACE
5. Анисимов Е.В. Время петровских реформ / Е.В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 2021. – 496 с.
6. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 2022. – 368 с.
7. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. – М.: РГГУ, 2023. – 542 с.
8. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции / В.Л. Иноземцев. – М.: Academia, 2022. – 278 с.
9. Терещенко О.В. Историческая память как основа Российской государственности / О.В. Терещенко // Социально-гуманитарный вестник: всероссийский сборник научных трудов. – Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2024. – С. 10–12. EDN ZJNCPI

Семенова София Новиковна

канд. филол. наук, доцент

Григорьев Василий Алексеевич

студент

Семенова Ангелина Новиковна

канд. геогр. наук, преподаватель

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ВЛИЯНИЕ РЕКРЕАЦИОННОЙ НАГРУЗКИ НА ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЧВЫ В ЗАКАЗНИКАХ АПШЕРОНСКОГО РАЙОНА

Аннотация: в работе представлены результаты исследования влияния рекреационной нагрузки на физические характеристики почвы в заказниках Апшеронского района. На примере заказников «Камышанова поляна» и «Черногорье» выполнены следующие задачи: 1) изучение влияния различных видов рекреационной деятельности на компоненты окружающей среды; 2) определение величины рекреационной нагрузки; 3) установление изменений плотности почвы. Исследование показало, что рекреационная нагрузка варьирует от 4 до 34 чел./час, а плотность почвы на тропях достигает 1,33–1,52 г/см³, свидетельствуя о сильном уплотнении. По результатам работы предложен комплекс мероприятий по снижению антропогенной нагрузки на почвенный покров.

Ключевые слова: рекреация, почва, туризм, рекреационная нагрузка, заказники.

Введение.

Апшеронский район расположен в южной части Краснодарского края на северо-восточных склонах отрогов Большого Кавказа и граничит с Туапсинским и Белореченским районами, Адыгеей и городами Горячий Ключ и Сочи. Территория района составляет 2443 км² [1]. Теплый климат, близость морей, разнообразие местности, высокие горы создают благоприятные условия для жизни растений и животных. В связи с этим на территории образовался свой очаг видов растений, здесь можно увидеть много эндемиков (виды, приуроченные к строго определенной местности) и реликтов (виды, сохранившиеся с прошлых геологических эпох) [3].

Цель данной работы заключается в определении нагрузки на физические характеристики почвы в заказниках Апшеронского района на примере заказников «Камышанова поляна» и «Черногорье».

В работе были поставлены задачи: 1) изучить влияние различных видов рекреационной деятельности на компоненты окружающей среды; 2) определить величину рекреационной нагрузки для выбранного объекта исследования; 3) установить изменения плотности почвы в зависимости от рекреационной нагрузки.

Главным обоснованием типизации рекреационной деятельности выступает её функциональная ориентация. По общественной функции и технологии выделяются: лечебная, оздоровительная, спортивная и

познавательная рекреационная деятельность [5]. Каждый вид рекреационной деятельности имеет прямое и косвенное воздействие на природный комплекс и его компоненты [4]. Воздействие туризма на почвенный покров различно. Удаление или перемещение верхнего слоя почвы вследствие поверхностной деятельности, а также оползни и обвалы из-за туристов, передвигающихся вниз или вверх по склону, оказывают пагубное влияние на состояние почв. Процессы деградации особенно характерны для приземного слоя, подверженного вытаптыванию [2].

В качестве объектов исследования были выбраны места на территории заказников Апшеронского района Краснодарского края «Черногорье» и «Камышанова поляна», а именно гора Черногор и пещера Нежная (рис. 1).

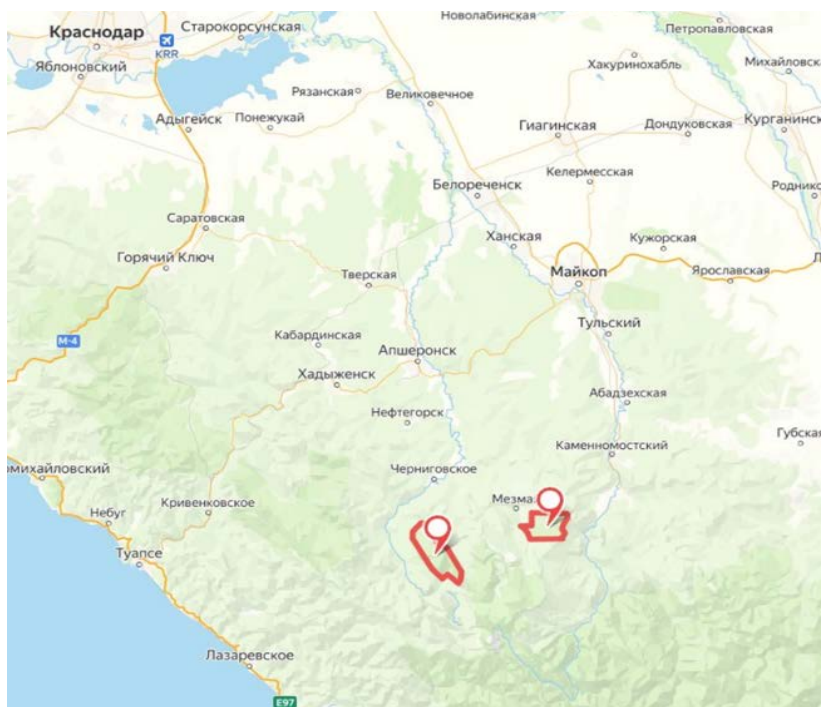

Рис. 1. Местоположение объектов исследования

Гора Черногор («Спящий Черкес») – самая высокая точка плато Черногорья (высота 1754 м). Пещера Нежная находится рядом с туристической базой «Нежная» по пути из Даховской в сторону кордона «Лаго-Наки» и Большой Азишской пещеры.

Проведённые исследования состояли из нескольких этапов: подготовительного, полевых и камеральных. При проведении полевого этапа были заложены три пробные площадки на каждом объекте исследования: 1) на тропе; 2) в 70 см от тропы; 3) в лесу (фоновый участок). Всего было собрано 54 образца, каждый из них взят с глубины 0–5 см.

Все отборы образцов осуществлялись буровым методом Качинского с помощью бюкс объёмом 62,2 см³. Кроме того, во время отбора проб был произведён обход территории и регистрация кострищ и мест сбора и хранения ТКО (твёрдые коммунальные отходы).

На территории исследуемых ООПТ (особо охраняемых природных территорий) плохо развита система специально оборудованных площадок для разведения костров и отдыха. Следствием такого вида туризма является: 1) прокладка тропиной сети; 2) скопление бытового мусора; 3) следы кострищ (рис. 2).

Рис. 2. Оставленные кострища на территории заказника «Черногорье»

На основании проведенных исследований определена рекреационная нагрузка, установлено различие в ее величине в зависимости от времени суток, дня недели (будние, выходные) и времени года (табл. 1).

Таблица 1
Определение рекреационной нагрузки на объекты исследования

Наименование объекта исследования	Период проведения исследования	Дни недели	Количество рекреантов, чел.			
			9:00–10:00	12:00–13:00	16:00–17:00	среднее
Заказник «Черногорье»	Новогодние каникулы	среда	2	7	3	4
		воскресенье	6	12	3	7
	Майские праздники	среда	4	12	3	6
		воскресенье	11	15	6	10
Заказник «Камышанова поляна»	Новогодние каникулы	среда	15	29	11	18
		воскресенье	22	40	17	26
	Майские праздники	среда	19	36	18	24
		воскресенье	28	48	25	34

Согласно классификации для естественного состояния, почва на тропе на двух исследуемых территориях сильно уплотнена. Показатели объемной массы в заказнике «Камышанова поляна» находятся в диапазоне от 1,33 до 1,37 г/см³, в свою очередь, в заказнике «Черногорье» – от 1,43 до 1,52 г/см³.

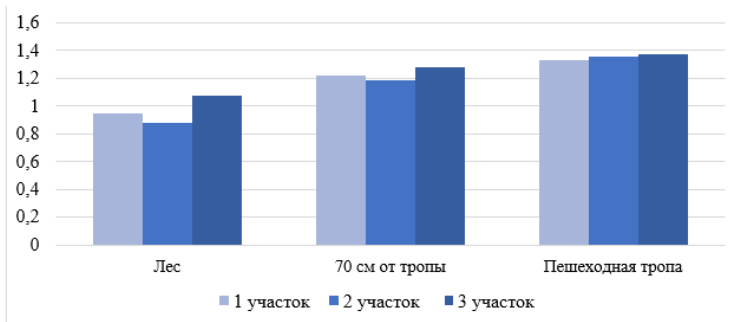

Рис. 3. Показатели объемной массы почвы на территории заказника «Камышанова поляна»

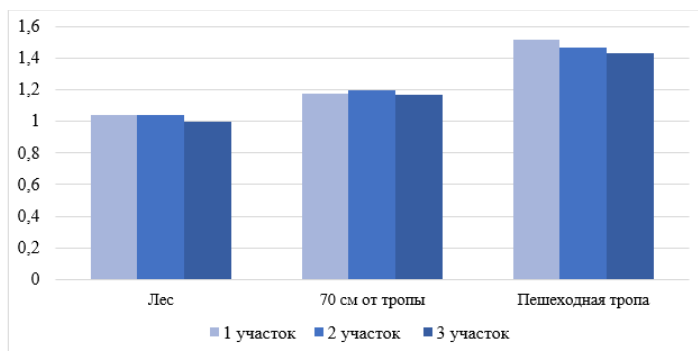

Рис. 4. Показатели объемной массы почвы на территории заказника «Черногорье»

Согласно построенным диаграммам (рис. 3, рис. 4), полученные результаты показывают качественные отличия рекреантов на территории заказников. Например, большое количество туристов в «Камышановой поляне» оказывает меньшее воздействие на плотность почвы, чем присутствие мотокроссеров в «Черногорье», что объясняется более интенсивным механическим воздействием мототехники. Показатели объемной массы на ненарушенных участках в лесу ($0,9\text{--}1,1\text{ г/см}^3$) существенно ниже, чем на тропях, что свидетельствует о явной деградации почвенного покрова на рекреационно-нагруженных участках.

Заключение.

В процессе исследования выбранных территорий были изучены объекты, пользующиеся у жителей и гостей Краснодарского края большим вниманием: пещера Нежная и гора Черногор, находящиеся в границах Апшеронского района. Установлено, что рекреационная нагрузка в заказниках существенно варьирует, достигая максимума в выходные дни и в период праздников. Плотность почвы на тропинках превышает фоновые значения в 1,3–1,5 раза, достигая показателей сильного уплотнения.

Для улучшения экологического состояния и поддержания устойчивости объекта рекреации целесообразными мерами являются: 1) разработка плана управления туристическим потоком; 2) создание новых маршрутов и улучшение существующих маршрутов; 3) разработка строгих правил поведения туристов и посетителей, включая ограничение использования мототехники; 4) прокладка деревянных настилов на наиболее уязвимых участках дорожно-тропиночной сети.

Список литературы

1. Алисов Б.П. Климат СССР: учебн. пособие / Б.П. Алисов. – М.: МГУ, 1956. – 34 с.
2. Большаков Н.М. Рекреационное лесопользование / Н.М. Большаков. – СПб.: СЛИ, 2006. – 312 с. EDN VMPVCN
3. Зернов А.С. Флора Северо-западного Кавказа / А.С. Зернов, отв. ред. А.Г. Еленевский. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2006. – 664 с. EDN QKPLIJ
4. Папирян Г.А. Международные экономические отношения. Экономика туризма / Г.А. Папирян. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 208 с.
5. Челноков А.А. Рекреационные ресурсы / А.А. Челноков. – М.: Высшая школа, 2017. – 663 с.

Семенова София Новиковна

канд. филол. наук, доцент

Донскова Ольга Константиновна

магистрант

Стаценко Владислава Игоревна

студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАРКАСА Г. ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ) И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования современного состояния экологического каркаса города-курорта Горячий Ключ. На основе картографических материалов и натурных обследований выделены структурные элементы экологического каркаса: 3 экологических ядра общей площадью 67,24 га, 2 точечных элемента (1,65 га) и 10 экологических коридоров. Установлено неудовлетворительное состояние каркаса, обусловленное его фрагментацией и антропогенной нагрузкой. Предложены меры по развитию системы озелененных территорий и усилению экологических связей.

Ключевые слова: экологический каркас, зеленые насаждения, экологическая сеть, линейные элементы, экологические ядра.

Введение.

Территория города Горячий Ключ расположена на северных склонах западной части Главного Кавказского хребта на р. Псекупс, в 45 км к югу от Краснодара, к северу от отрогов хребтов Пшаф и Котх. Экономика базируется на благоприятных природно-климатических условиях [4]. Основу составляет сельское хозяйство, использующее естественно-плодородные земли. Минеральные воды являются главным богатством курорта Горячий Ключ.

Итак, цель данной работы заключается в изучении современного состояния экологического каркаса г. Горячий Ключ. Для достижения поставленной в статье цели были решены следующие задачи: 1) изучить структурные элементы экологического каркаса города; 2) дифференцировать структурные компоненты экологического каркаса по их функциональному значению; 3) определить современное состояние экологического каркаса города и перспективы его развития.

Выбранная для проведения исследования тема актуальна, так как создание системы природного экологического каркаса города на фоне быстрого роста мегаполисов и ежегодного увеличения численности населения является неотъемлемой частью комплексного подхода к улучшению экологической обстановки. Формирование экологического каркаса стало составной частью документов территориального планирования городов ещё в середине 80-х годов XX века [1]. Сохранение комфортной окружающей

среды и поддержание экологического равновесия невозможно без создания экологического каркаса. В границах изучаемой территории можно выделить 2 формы рельефа: низкорослую и среднегорную. В основе флоры входит 242 вида высших растений из 70 семейств. В пределах низнегорного пояса господствуют дубовые леса. В направлении с востока на запад повышается участие дуба и граба.

Термин «экологический каркас», хотя и широко используется в научных публикациях и средствах массовой информации, в России не имеет законодательного статуса. Он представляет собой скорее общезначимую социальную концепцию, с которой считаются как общественность, так и научное сообщество. Термин «экологический каркас» был введён Н.Ф. Реймерсом и Ф.Р. Штильмарком в их работе 1978 года по формированию системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) региона [2]. Экологический каркас любой страны включает три основные группы элементов в зависимости от характера пространственной организации и выполняемых функций [3]: 1) крупноареальные ключевые территории («экологические ядра»); 2) линейные элементы системы, или экологические коридоры; 3) буферные зоны, предназначенные для защиты природных ядер и коридоров экологического каркаса от потенциально вредных воздействий. Грамотное планирование и поддержка природного каркаса государством и муниципальными властями являются залогом экологического благополучия и устойчивого развития урбанизированных территорий. Экологический каркас играет важную роль в уменьшении рисков и смягчении последствий природных катастроф, таких как наводнения, оползни и засухи, а также в обеспечении комфортных условий для жизни человека и сохранении экологической безопасности. Все функции экологического каркаса делают его незаменимым элементом в стратегиях устойчивого развития регионов, способствуя гармоничному взаимодействию природных и социальных систем и поддержанию благоприятной экологической устойчивости территории.

Материалы и методы исследования.

Исследование проводилось на территории г. Горячий Ключ в 2023–2024 годах. Для выделения элементов экологического каркаса использовались картографические материалы (публичная кадастровая карта, спутниковые снимки), данные ЕГРН [5] и натурные обследования. Площадные характеристики установлены с использованием ГИС-технологий. К точечным элементам отнесены объекты площадью менее 5 га, к ядрам – более 5 га, к экологическим коридорам – линейные объекты, соединяющие ядра каркаса.

Полученные результаты.

Авторами статьи были изучены озеленённые территории и водные объекты, входящие в состав г. Горячий Ключ, основываясь на теории экологического каркаса. Ключевые элементы экологического каркаса были выделены на изучаемой территории, представляющие собой озеленённые территории общего пользования и водные объекты. Итак, экологический каркас на изучаемой территории состоит из таких элементов, как: ядра экологического каркаса, точечные элементы, буферные зоны и экологические коридоры.

В качестве ядер на территории города выделено 3 объекта общей площадью 67,24 га. Точечные элементы представлены двумя объектами и

занимают площадь 1,65 га. Экологические коридоры представлены 1 природно-антропогенным объектом протяжённостью 2,83 км и 9 природными объектами общей протяжённостью 27,04 км. С учётом площади древесно-кустарниковой растительности в пределах экологических коридоров общая площадь экологического каркаса города занимает 73,21 га (Рис. 1) [5].

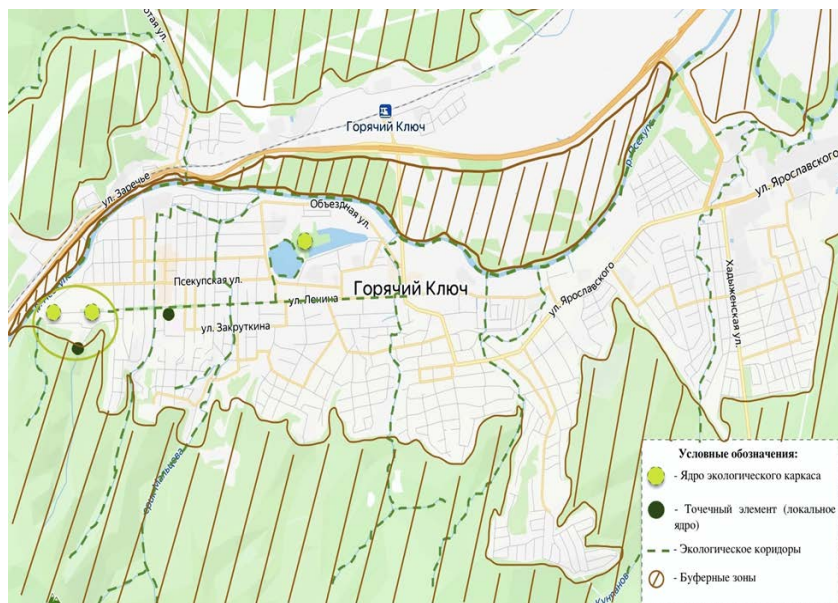

Рис. 1. Карта-схема экологического каркаса г. Горячий Ключ

Ядрами экологического каркаса на изучаемой территории являются следующие объекты: Городской парк культуры и отдыха 30-летия Победы; Санаторно-Курортный парк; Лесной парк. Точечными элементами или локальными ядрами экологического каркаса – сквер «Каменный цветок» и Дантово ущелье. Точечные элементы каркаса выполняют те же функции, что и основные ядра, но в силу того, что они являются малыми площадными объектами, их природный ресурс ограничен.

Экологические коридоры в городе формируют: 1) река Псекупс, пересекающая территорию города в меридиональном направлении; 2) в восточных районах города – долины ручьёв Грушевый и Вишнёвый, впадающих в р. Псекупс; 3) долины ручьёв Кунпанов и Ключевая Щель, берущих начало на северо-восточных склонах хребта Котх; 4) ручьи Церковный и Больничный в западной части города; 5) ерик Мальцева в центральной части города; 6) ручей Бабакова Щель, левый приток реки Псекупс, берущий начало на восточных склонах хребта Пшаф, протекающий вдоль микрорайона Заречье.

В качестве экологического коридора городского значения, формируемого древесными посадками, следует выделить озеленённую территорию вдоль ул. Ленина – «Аллею тысячи сосен». Полоса зелёных насаждений, местами

прерывистая, соединяет курортную зону города (Санаторно-Курортный и Лесной парки) и Городской парк культуры и отдыха 30-летия Победы.

Буферные территории экологического каркаса города представлены защитными лесами и водоохранной зоной реки Псекупс. Защитные леса Горячеключевского района занимают площадь 113,4 тыс. га и оказывают определяющее влияние на формирование и регулирование состояния окружающей среды города. В защитных лесах растительный покров представлен в основном такими древесными видами, как: граб обыкновенный, дуб черешчатый, тополь белый, осина, ясень высокий, клён полевой, груша кавказская [6].

Анализ современного состояния выявил проблемы экологического каркаса: фрагментацию связей между ядрами, деградацию русел некоторых ручьёв (Бабаковой Щели, Церковного), высокую рекреационную нагрузку на основные ядра каркаса, недостаточную площадь озеленённых территорий общего пользования.

Заключение.

Таким образом, было изучено состояние экологического каркаса города Горячий Ключ и выполнено выделение структурных единиц каркаса. На основании проведённых исследований можно сделать вывод о том, что современное состояние экологического каркаса территории находится в неудовлетворительном состоянии из-за фрагментации и антропогенной нагрузки.

Для развития экологического каркаса территории города авторы статьи предлагают следующие меры, которые необходимо принять:

1) создать новые озеленённые территории общего пользования на основе строительства парков, садов, скверов, бульваров и зелёных рекреационных зон;

2) благоустроить объекты городского зелёного хозяйства, расположенные на земельных участках общего пользования на территории городского округа Горячий Ключ;

3) организовать городской парк в пойме р. Псекупс;

4) создать линейные озеленённые и благоустроенные территории в северных частях города с целью реализации неразрывной системы каркаса.

Список литературы

1. Краснощекова Н.С. Формирование природного каркаса в генеральных планах городов: учебное пособие / Н.С. Краснощекова. – М.: Архитектура-С, 2010. – 183 с.
2. Реймерс Н.Ф. Особо охраняемые природные территории / Н.Ф. Реймерс, Ф.Р. Штильмарк. – М.: Мысль, 1978. – 295 с.
3. Руководящие принципы формирования Европейской экологической сети: Информ. материалы по экологическим сетям / сост. Г. Бенетт. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2000. – 32 с.
4. Бухарина А.Н. Городские насаждения: экологический аспект: монография / А.Н. Бухарина, О.Г. Журавлева, В.М. Большова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – 206 с.
5. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2024).
6. Коваль И.П. Дубовые леса. Растительные ресурсы. Часть 1. Леса. / И.П. Коваль, П.М. Полежаи, И.Н. Лигачев. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1980. – С. 49–102.

Филатов Максим Владимирович

директор

ООО «Симбирская реставрационная компания»

г. Ульяновск, Ульяновская область

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы развития археологической науки во второй половине XIX – начале XX века. В рамках институционализации внимание уделяется образованию и функционированию некоторых государственных и общественных организаций. Автором выделены основные направления деятельности институтов и Всероссийских археологических съездов.

Ключевые слова: археология, Всероссийский археологический съезд, Императорская археологическая комиссия, Императорское Русское Археологическое общество, Московское археологическое общество, полевые исследования.

Процесс становления и развития археологической науки в России начинается с момента проведения первых раскопок в начале XVIII века. С данного времени происходит постепенный переход от обычного интереса к древним артефактам к научным исследованиям памятников археологии. Однако окончательное формирование отрасли исторической науки в классическом понимании завершилось только в XIX веке.

Советский и российский археолог Л.С. Клейн, выделяя три периода в истории отечественной археологии (дореволюционный, советский и современный), отметил, что в 1881–1917 гг. происходило выделение «особой науки» касаясь археологического развития [4, с. 14].

В ходе институционализации археологической науки происходило формирование как государственных (Императорская археологическая комиссия), так и общественных организаций (археологические общества и съезды).

Создание Императорской археологической комиссии (ИАК) произошло в 1859 г. для реализации мер по сохранению древностей в рамках национального культурного наследия. Возможным это стало в новых реалиях после прихода к власти императора Александра II и начала масштабных реформ либерального характера. Хотя подобный проект впервые был разработан ещё в 1830-х годах, его реализация стала возможной только в середине XIX в. [3, с. 62].

В деятельности ИАК исследователи выделяют три основных направления в сфере полевой археологии [6, с. 14].

1. Непосредственно личное участие сотрудников комиссии в полевых работах. По их результатам были подготовлены различные исследования специалистов (А.А. Бобринского, Н.И. Веселовского, И.Е. Забелина и др.), в которых вводились в научный оборот памятники археологии.

2. Совершенствование методики процесса полевых исследований. Большая роль в этом вопросе принадлежала члену комиссии А.А. Спицыну, им

было подготовлено несколько пособий по вопросам организации раскопок, раскопок и обработке археологических коллекций [7].

3. Регламентация полевых исследований на территории Российской империи. Данное направление свидетельствует об организации процесса учета археологических раскопок на государственном уровне. Императорская археологическая комиссия осуществляла подобную деятельность с 1889 г. по 1917 г.

Согласно Положению об Археологической комиссии, в круг её задач входило осуществление контроля над деятельностью по открытию «предметов древности» в государстве, а также организация и проведение археологических раскопок, контроль за качеством их исполнения, принятие и хранение отчётов, направление наиболее значимых находок на квалифицированное рассмотрение с последующим определением их в музейные коллекции. Так, с момента образования Комиссии её сотрудники занимались отбором значимых предметов для собрания Эрмитажа, которые были обнаружены во время изучения памятников [5, с. 119].

В целях проведения полевых исследований ИАК занималась выдачей Открытых листов. В апреле 1889 г. в г. Санкт-Петербурге состоялось заседание Общего совещания, в ходе которого произошло утверждение единой формы Открытого листа, а также правил обязательной подготовки и предоставления отчёта о результатах раскопок с полной описью обнаруженных находок в архив Комиссии [5, с. 118; 6, с. 16].

Для реализации своих задач, функций и направлений деятельности Императорская археологическая комиссия налаживала плодотворное сотрудничество с иными государственными ведомствами. В частности, за период с 1860 г. по 1880 г. ИАК наладила взаимоотношения с Управлением Путей Сообщения для своевременной организации археологических изысканий на территориях строительства железных и других дорог; Центральным статистическим комитетом при МВД для привлечения губернских подразделений к сбору информации и материалов по археологическим памятникам, а также их картографированию; Министерством внутренних дел для запрещения проведения раскопок без специального разрешения Комиссии; Синодом для полного прекращения поиска кладов на территории церковных земель и т. д. [6, с. 16–17].

Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. Императорская археологическая комиссия являлась единственным институтом в системе центральных государственных органов Российской империи, который занимался вопросами археологических исследований.

Общественные организации, образованные в середине и во второй половине XIX в., были в большей степени представлены в сфере археологии. Наиболее значимыми являлись Императорское Русское Археологическое общество (г. Санкт-Петербург) и Московское археологическое общество (МАО). В провинциальных городах также создавались подобные общественные объединения (Казань, Тверь, Псков, Новгород и др.).

Основными направлениями деятельности столичных обществ являлось проведение раскопок, создание специализированных комиссий для сохранения памятников древности, их реставрация, издание научных работ, учреждение премий за изучение малоисследованных вопросов в области археологии, а также организация и проведение Всероссийских археологических съездов. Значимое место в организации деятельности двух

обществ принадлежало графу А.С. Уварову, который также выступил инициатором созыва первых археологических съездов [1].

В Российской империи съезды проводились в 1869–1911 гг. За данный период состоялось 15 мероприятий. В ходе их проведения к беседам привлекались широкие слои населения для обсуждения вопросов исследования и сохранения объектов материальной культуры [8], что давало определённый импульс к развитию исторической науки. К примеру, по итогам V археологического съезда в г. Тифлисе (8–21 сентября 1881 г.) были разработаны инструкции для археологов, организованы экспедиции с полевыми раскопками, опубликованы труды по результатам проведённых заседаний и уточнены аспекты периодизации памятников Кавказа [2, с. 59].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века происходило становление и развитие государственных и общественных институтов в рамках археологической науки. Их деятельность была направлена на совершенствование методик и регламентацию полевых исследований, увеличение экспедиций и археологических раскопок, а также сохранение объектов культурного наследия. Немаловажным являлся факт популяризации и расширения доступности знаний в области археологии посредством издания научной литературы.

Список литературы

1. Баталов А.Л. Археологические общества / А.Л. Баталов, А.С. Щенков // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/76468.html> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Ермоленко Л.П. Развитие региональной археологической науки во второй половине XIX – первой четверти XX столетия (по материалам Северного Кавказа) / Л.П. Ермоленко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – №1. – С. 58–64. EDN YPCOKT
3. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: коллективная монография: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: ИИМК РАН, 2019. – 888 с.
4. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности / Л.С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2014. – 704 с. EDN VNIWYB
5. Николаева Н.С. Роль археологической комиссии в формировании музейных собраний во второй половине XIX в. / Н.С. Николаева // Вопросы музеологии. – 2013. – №2(8). – С. 112–121. EDN RWNGFL
6. Сорокина И.А. Императорская археологическая комиссия и становление полевых исследований в отечественной археологии / И.А. Сорокина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – №4(26). – С. 13–21. EDN OGH LGZ
7. Спицын А.А. Археологические раскопки / А.А. Спицын. – СПб., 1910.
8. Шаманаев А.В. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.) / А.В. Шаманаев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 199 с. EDN ZQVDAT

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ**

Сборник материалов
IV Всероссийской научной конференции
(Чебоксары, 21 ноября 2025 г.)

Редакционная коллегия: *Л. А. Таймасов, О. Г. Вязова,
Н. А. Петров, М. И. Федулов*
Компьютерная верстка *Е. А. Малышева*

Подписано в печать 01.12.2025 г.

Дата выхода издания в свет 09.12.2025 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 11,63. Заказ К-1451. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru